И. М. Дажина

НЕСЛОМЛЕННЫЕ

А. Е. Бадаев,
М. К. Муранов,
Г. И. Петровский,
Ф. Н. Самойлов,
Н. Р. Шагов.

И.М.Дажина

НЕСЛОМЛЕННЫЕ

Москва
Издательство
политической
литературы
1986

66.61 (2) 256
Д14

Д $\frac{0902020000-019}{079(02)-86}$ 217—86

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(Строки из энциклопедий)

ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович — советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1897. Родился 22 января (4 февраля) 1878 в селе Печенега Харьковской губернии, в семье ремесленника. С 11 лет работал учеником слесаря в Харькове, затем в Екатеринославе (с 1926 в честь Петровского — Днепропетровск). Примкнув в 1895 к революционному движению, он в конце 1897 вошел в екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а затем стал членом Екатеринославского комитета РСДРП. Под угрозой ареста, меняя местожительство, работал на заводах Харькова, Николаева, на рудниках Донбасса. Арестовывался и сидел в тюрьме в 1900 и 1903. Активный участник первой российской революции в Екатеринославе и на Екатерининской железной дороге. В 1905 — председатель завкома Брянского завода, одновременно — один из организаторов и руководителей Совета рабочих депутатов и боевого стачечного комитета. Летом 1906 эмигрировал в Германию, где три месяца работал на металлургическом заводе в Саарбрюккене. Возвратившись из-за границы осенью 1906, работал с 1907 на заводах Мариуполя, продолжал активную революционную деятельность. В 1912 был выдвинут кандидатом в IV Государственную думу от рабочих Екатеринославской губернии, после избрания вошел в состав социал-демократической рабочей фракции

Думы; после размежевания в октябре 1913 с.-д. фракциц был избран 11 мая 1914 председателем большевистской фракции, которая по предложению В. И. Ленина именовалась «Российская социал-демократическая рабочая фракция» (РСДРФ). На сессиях Государственной думы с декабря 1912 по июнь 1914 произнес 32 речи в защиту интересов рабочего класса. Думскую деятельность сочетал с нелегальной революционной работой. Участвовал в Краковском (декабрь 1912) и Поронинском (сентябрь 1913) совещаниях ЦК РСДРП с партийными работниками. Был кооптирован в состав ЦК РСДРП. Активно сотрудничал в «Правде»...

БАДАЕВ Алексей Егорович — советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1904. Родился 4 (16) февраля 1883 в деревне Юрьево Орловской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Работал слесарем на Александровском заводе в Петербурге и в Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги. Вел в Петербурге работу в Союзе металлистов. Участник первой российской революции. В 1912 был выдвинут кандидатом в IV Государственную думу от рабочих Петербурга и Петербургской губернии, после избрания вошел в состав социал-демократической фракции Думы, в результате размежевания которой — член большевистской фракции. На сессиях Государственной думы произнес 17 речей в защиту интересов рабочего класса. Думскую деятельность сочетал с нелегальной революционной работой. В 1912—1913 участник совещаний ЦК РСДРП с партийными работниками в Кракове и Поронине. Был членом Петербургского комитета и Русского бюро ЦК РСДРП. Активно сотрудничал в «Правде»...

МУРАНОВ Матвей Константинович — советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1904. Родился 29 ноября (11 декабря) 1873 в селе Рыбцы Полтавской губернии. Трудовую

жизнь начал с 13 лет. Работал слесарем. С 1900 — рабочий в Харькове. Участник первой российской революции. В 1907 — один из руководителей Железнодорожного райкома партии в Харькове, затем член Харьковского комитета большевиков. В 1912 был выдвинут кандидатом в IV Государственную думу от рабочих Харьковской губернии, после избрания вошел в состав социал-демократической рабочей фракции Думы, в результате размежевания которой — член большевистской фракции. На сессиях Думы произнес 10 речей в защиту интересов рабочего класса. Думскую деятельность сочетал с нелегальной революционной работой. Сотрудничал в «Правде»...

САМОЙЛОВ Федор Никитич — деятель российского революционного движения. Член Коммунистической партии с 1903. Родился 12(24) апреля 1882 в селе Гомиленки Владимирской губернии (ныне Ивановской области), в семье ткача. В 1903—1912 вел партийную и профсоюзную работу в Иваново-Вознесенске, был членом городского комитета РСДРП. Активный участник первой российской революции. В 1905 во время всеобщей стачки текстильщиков — один из ее руководителей, член группы Северного комитета РСДРП, член Совета уполномоченных — одного из первых Советов рабочих депутатов России. После стачки был арестован, но по требованию рабочих освобожден. В 1906—1908 — председатель профсоюза ситцепечатников. В 1909 подвергался аресту. В 1912 был выдвинут кандидатом в IV Государственную думу от рабочих Владимирской губернии, после избрания вошел в состав социал-демократической рабочей фракции Думы, в результате размежевания которой — член большевистской фракции. На сессиях Думы произнес три речи в защиту интересов рабочего класса. Думскую деятельность сочетал с нелегальной революционной работой. Сотрудничал в газете «Правда», в журналах «Просвещение» и «Вопросы страхования»...

ШАГОВ Николай Романович — активный участник революционного движения в России. Член Коммунистической партии с 1905. Родился 4 (16) марта 1882 в деревне Клинцово Костромской губернии, в семье рабочего-ткача. Рабочий. Участник революционного движения 1905—1907 в Иваново-Вознесенске. В 1912 был выдвинут кандидатом в IV Государственную думу от рабочих Костромской губернии, после избрания вошел в состав социал-демократической фракции Думы, в результате размежевания которой — член большевистской фракции. На сессиях Думы произнес 10 речей в защиту интересов рабочего класса. Думскую деятельность сочетал с нелегальной революционной работой. В 1912—1913 участник совещаний ЦК РСДРП с партийными работниками в Кракове и Поронине. Сотрудничал в «Правде»...

ИМЕНЕМ РАБОЧЕГО КЛАССА

«Нет!» войне

Тревожной была в России весна 1914 года. Как зарницы в предгрозовые часы, вспыхивали в разных концах страны массовые забастовки. Обстановка особенно обострилась в канун лета. В первомайские дни в крупных промышленных городах прошли демонстрации, митинги, забастовки политического характера. В них участвовало свыше полумиллиона пролетариев.

Грозовые раскаты доносились и из периферийных районов. Нефтяники Баку, доведенные до отчаяния тяжелейшими условиями жизни и труда, национальным угнетением и социальным бесправием, обеспокоенные и возмущенные случаями заболевания чумой на нефтепромыслах, в конце мая поднялись под руководством большевиков на всеобщую политическую стачку.

Мощное выступление 50 тысяч бакинских рабочих против царизма и буржуазии привлекло внимание пролетариата России. В знак солидарности с бакинцами, в знак протеста против правительственных репрессий забастовали рабочие Петербурга, Москвы, Харькова, Коломны, Киева, Ростова, Нахичевани, Николаева, Тифлиса, Батума, Поти и других городов.

Новая волна массовых выступлений прокатилась по стране и в начале июля. Она была ответом на кровавую расправу царских властей с демонстрантами Путиловского завода, собравшимися по призыву Петербургского комитета под лозунгами: «Товарищи бакинцы, мы с вами!», «Победа бакинцев — наша победа».

Поднялась потрясенная расстрелами рабочая Россия. Буря разразилась.

7 июля в Петербурге остановились почти все фабрики и заводы, замерли трамваи, закрылись магазины — бастовало 130 тысяч человек. В некоторых районах рабо-

чие опрокидывали трамвайные вагоны, валили телеграфные и телефонные столбы; впервые после революции 1905 года сооружались баррикады. 8—12 июля стачки и демонстрации в поддержку питерцев состоялись во многих городах. В Москве бастовало 55 тысяч рабочих, в Риге — 54 тысячи, в Варшаве — 20 тысяч, в Харькове и Тифлисе — по 12 тысяч.

Разрастался острый политический кризис общенационального масштаба. Россия шла к революции: низы не хотели жить, как прежде, верхи не могли, как прежде, хозяйничать и управлять государством. Набирал силы передовой, революционный класс — промышленный пролетариат, способный, по словам В. И. Ленина, «претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания» [1].

Накалялась и международная обстановка. Уже давно стояли друг против друга две империалистические группировки: так называемый Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, созданный в 1882 году, и блок Антанты (Англия, Франция, Россия), оформившийся в 1904—1907 годах.

Мир империализма разрывался глубинными экономическими и политическими противоречиями; крупнейшие империалистические державы стремились к переделу рынков сбыта и колоний. При этом каждое из правительств, готовое бросить на поля сражений миллионы людей, всячески старалось скрыть от народа истинные причины надвигающейся военной катастрофы, усилить шовинистические настроения.

Война неминуемо приближалась. Но правительственные учреждения России работали пока в обычном ритме. Не прекращало деятельности и так называемое «законосовещательное представительное учреждение» Российской империи — IV Государственная дума, в состав большевистской фракции которой входили рабочие депутаты Григорий Иванович Петровский, Алексей Егорович Бадаев, Матвей Константинович Муранов, Федор Никитич Самойлов и Николай Романович Шагов.

С момента избрания рабочих депутатов в 1912 году думская трибуна использовалась большевистской партией для разоблачения самодержавного строя и как одна из легальных возможностей укрепления связей с массами трудящихся. Работа большевистской фракции была блестящим примером революционного парламентаризма в рамках реакционной Государственной думы.

Во второй сессии заседаний, с октября 1913 года, большевистские депутаты продолжали горячо отстаивать в Думе интересы пролетариата. Рабочий класс России постоянно слышал голос своих избранников.

Сами потомственные рабочие, металлисты и текстильщики, имевшие большой партийный стаж, Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов, Шагов хорошо знали острые проблемы рабочей жизни и цели пролетарского движения. Поэтому их речи, запросы в правительство, выдвигаемые законопроекты всегда носили актуальный характер. Они выступали с разоблачением незаконных действий фабричной инспекции, с предложением мер государственной помощи безработным и социального страхования рабочих, с протестом против насилий, производимых полицейскими чиновниками над рабочими и учащимися, против издевательств над политическими заключенными в каторжных тюрьмах, провокаций охранного отделения, а также в защиту профессиональных организаций рабочих, их печатных изданий [2] и т. д. Думская трибуна служила для партии серьезным агитационным каналом в политической борьбе с царским самодержавием.

14 июня закончились заседания второй сессии. Дума была распущена на каникулы. И, как всегда, депутаты-большевики отправлялись к своим избирателям в крупнейшие пролетарские районы страны. Они последовательно проводили в жизнь указания В. И. Ленина и решения Центрального Комитета РСДРП по всем вопросам пролетарского движения. Внедумская деятельность рабочих депутатов была направлена на расширение связи с массами.

Эта работа требовала пропагандистского мастерства, конспирации, огромных усилий. Она была сопряжена с опасностью, так как постоянно проходила в условиях полицейской слежки. Депутатов окружало плотное кольцо охранников и шпиков.

Весьма условной была «неприкосновенность» рабочих избранников: нарушая ее, полиция задерживала их, производила обыски, разгоняла собрания, в которых они участвовали, арестовывала тех, кто близко соприкасался с думской большевистской фракцией...

Летом 1914 года прежде всего предстояло отчитаться перед избирателями о том, что сделано. Хотя правительственная пресса и публиковала информацию о заседаниях Думы, а большевистская газета «Правда» — о работе фракции, но депутаты считали долгом лично

рассказать избирателям о трудностях и успехах своей думской деятельности.

Чтобы официальные встречи прошли более организованно и плодотворно, руководитель большевистской фракции Г. И. Петровский поместил в «Правде» статью «Накануне свиданий с товарищами-избирателями». Это был краткий отчет о деятельности фракции. В статье содержалась также просьба к рабочим заранее подготовить материал, чтобы депутаты могли обстоятельно разобраться в политическом и экономическом положении разных регионов страны и состоянии там революционного движения [3].

И раньше ни один выезд депутатов на места не ограничивался легальной деятельностью. На этот раз нелегальным контактам с рабочими придавалось особое значение, так как на фоне подъема революционного движения в стране партия готовилась к проведению своего очередного — шестого съезда. Его предполагалось созвать в Вене в августе 1914 года, приурочив к международному социалистическому форуму — IX конгрессу II Интернационала.

Основные организационные нити были сосредоточены в руках Центрального Комитета, но и на думскую фракцию ложилась немаловажная часть подготовительной работы в России. Большевикам-депутатам поручалось провести в ряде районов страны выборы делегатов на съезд, отстаивая при этом в противоборстве с ликвидаторами во всех звеньях пролетарских организаций четкую, последовательно марксистскую линию. Они должны были также обеспечить такую совершенную конспирацию, которая исключила бы любые провалы. Эти вопросы обсуждались в Поронине на заседании Центрального Комитета РСДРП, проходившем между 29 июня и 6 июля (12 и 19 июля) 1914 года, с приехавшими из России партийными работниками, а также в переписке с депутатами.

По вызову В. И. Ленина в этом заседании участвовал и Григорий Иванович Петровский *. Вместе с другими партийными работниками он обсуждал вопросы подготовки к съезду и работы большевистской фракции в Думе. На совещании уточнена дата созыва партийного форума — 15 (28) августа, обсужден вопрос о кооптации в

* Приглашение для участия в совещании было послано всем пяти депутатам-большевикам, но приехать смог только Г. И. Петровский.

ЦК новых членов, а также распределены районы страны для объезда депутатами фракции и выделенными им в помощь товарищами. Неоднократные беседы Петровского с Владимиром Ильичем нацеливали на решение основных проблем пролетарского движения в России, на обеспечение общего организационного укрепления партии. И когда речь заходила о тактике партии в случае возникновения военного конфликта, Ленин, по воспоминаниям Петровского, так намечал основную линию поведения большевиков: если начнется война, а она при создавшейся ситуации неизбежна, большевики обязаны возглавить борьбу против нее и требовать, чтобы социал-демократические партии каждой страны боролись против своего правительства [4].

В связи с нарастающими в России революционными событиями и подготовкой к съезду Ленин предложил Петровскому быстрее возвращаться на родину, ибо, как он считал, рабочий депутат всегда должен быть на своем посту.

К середине лета основная подготовительная работа по созыву съезда и участию в конгрессе была проделана. Избрано большинство делегатов, в основном, как советовал Владимир Ильич, коренных, потомственных рабочих из крупнейших пролетарских центров страны; в их числе были и депутаты-большевики. Собраны почти все мандаты. Выработаны наказы делегатам. Подготавливались подпольные явки, маршруты, паспорта. В фонд съезда конспиративными путями поступали денежные средства. Но работу необходимо было продолжить, чтобы обеспечить сравнительно широкое по составу представительство на съезде от всех районов страны. Поэтому Ленин советовал депутатам-большевикам уделить максимальное внимание привлечению наиболее крупных местных организаций к выборам делегатов. И если на подпольную работу из-за чрезмерной перегрузки в Думе у них не будет хватать времени, он рекомендовал отказаться от какой-то части легальной деятельности [5].

Маршруты поездок депутатов по стране были скорректированы В. И. Лениным. Петровскому кроме обычного объезда Донбасса предстояло посетить Прибалтику; Муранову помимо Украины — побывать на Урале и в Поволжье; Шагову — съездить не только в Костромскую, но и во Владимирскую губернию; Бадаев должен был продолжить работу на предприятиях Петрограда, а затем отправиться в Поволжье и на Кавказ. Самойлов,

находившийся на лечении за границей, пока не включался в общую программу действий.

Матвей Константинович Муранов выехал на Урал раньше других, до закрытия заседаний думской сессии. Переезжая из одного промышленного центра в другой, он знакомился с положением на местах, налаживал связи с социал-демократическими организациями, делал максимум возможного по укреплению существующих и созданию новых партийных групп. Эта организационная подпольная работа проходила параллельно с разъяснением задач партии, агитацией за созыв VI съезда и поддержку международного социалистического конгресса.

О своей работе Муранов регулярно сообщал в ЦК РСДРП[6]. В письмах рассказывалось о положении дел в Миньяре, Уфе, Екатеринбурге, Мотовилихе, Перми и других местах, о том, что подготовка к съезду способствует активизации работы уральских партийных организаций, агитации в массах, вербует в большевистский стан все большее количество сторонников. Матвей Константинович побывал также в Лысьве, на Чусовой, в Нижнем Тагиле, Надеждинске, Невьянске, Тюмени, Челябинске, Златоусте *.

После Урала Муранов отправился в Поволжье. Проводил массовки и собрания в Самаре и Сызрани. 19 июля 1914 года газета «Заря Поволжья» (последняя, тогда еще не закрытая большевистская газета) в заметке «Депутат Муранов в Самаре» сообщала, что Матвей Константинович сделал в Самаре доклад о деятельности Российской социал-демократической фракции в Государственной думе, в котором разъяснил слушателям, что только большевики-депутаты защищают интересы пролетариата, а все остальные думские фракции — жалкие, трусливые лакеи царизма, предатели интересов народа. В заключение доклада Муранов призвал всех последовательных марксистов полностью изгнать из своих рядов ликвидаторов, не делать им никаких уступок, не заключать с ними никаких союзов.

Накануне объявления мобилизации Муранов побывал в Вольске. Вместе с местными революционерами, как сообщала охранка, «поработал в общественных низах», в том числе и «среди рабочих крупных цементных заводов». Поездка депутата закончилась в Саратове: непос-

* Поездка по Уралу подробно описана в записной книжке М. К. Муранова.— См.: Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 107—108.

редственно в канун войны, в ночь на 19 июля, он провел очередную нелегальную сходку.

Николай Романович Шагов предвоенный месяц находился среди своих избирателей в Костромской губернии. Весь губернский фабричный район с мая был охвачен массовым забастовочным движением. Бастовали крупнейшие текстильные предприятия Кинешмы, Вичуги, Тезино, Родников и других мест. Поэтому Шагов использовал поездку и для того, чтобы побывать в центрах забастовочного движения и помочь местным организациям в руководстве стачечной борьбой. Несмотря на постоянный «контроль» и вопреки препятствиям полиции, он посетил почти все фабрики губернии, постоянно находился среди рабочих, воодушевляя и сплачивая ряды бастующих, выступал на многочисленных нелегальных сходках и собраниях.

Приезд Шагова значительно активизировал нелегальную работу местных большевиков. За три дня до начала войны он доложил костромским большевикам о деятельности большевистской фракции в Думе, состоянии общепартийного подполья, призвал их всемерно укреплять свои организации, готовиться к созыву губернской партийной конференции. В эти же дни костромская большевистская организация обратилась к рабочим и солдатам с воззванием, начинающимся словами: «Товарищи! Снова мы перед войной!», которое раскрывало существо отношения рабочих к войне: «Снова поведут нас умирать тысячами «За веру, царя и отечество». «За отечество», какое тут отечество, когда нас в нем расстреливают и вешают, как врагов. Какое тут отечество, когда мы мрем с голоду в лапах капиталистов! Какой тут царь, когда мостовые к его двери политы кровью рабочих, когда его опричники сдавили Русь железным кольцом на радость богачам! Какая тут вера и какой бог! И не нужно нам этого бога, носителя кнута и виселицы. Долой войну, долой кровавую бойню!» [7]

Предполагая дальнейший объезд фабричного района губернии, Шагов 17 июля двинулся из Костромы на пароходе вниз по Волге к Кинешме. Когда он прибыл на станцию Горкино Нерехтского уезда, где должен был присутствовать на собрании рабочих Юдинского завода, жандармы задержали его. Шесть часов он находился под арестом. Не помогли ни телеграмма в «Правду», ни официальный протест. Костромской губернатор докладывал министру внутренних дел: «Мне отлично известно,

что Шагов принадлежит к числу решительнейших революционеров и, следовательно, его задачи только и могут быть революционными»[8]. К 18 июля Николай Романович добрался до своего дома в Родниках, где и застала его война. В последние дни перед выездом в Петербург депутат был полностью изолирован полицией от избирателей.

На долю председателя большевистской фракции Григория Ивановича Петровского также выпала значительная часть работы по подготовке съезда. В связи с бегством из России депутата Думы Р. В. Малиновского * Петровскому пришлось взять на себя выполнение дополнительных заданий в Центральном промышленном районе. В июне он побывал в Москве, Туле, Харькове и Киеве. На совещаниях с местными большевиками решались организационные вопросы, связанные с ходом подготовки к съезду партии и с внутрипартийной работой. Необходимо было собирать партийные силы, возобновлять прерванную предвоенными арестами деятельность большевистских организаций на местах. Позднее, подводя итоги поездок депутатов, Петровский писал: «Подавляющее большинство мандатов на конгресс получили «правдисты». Меньшевикам не достался ни один мандат. Они просили у нас, большевиков, хотя бы один мандат для Плеханова. Мы ответили: «Дадим мандат, если Плеханов будет защищать платформу нашей партии»[9].

18 июля, на следующий день после объявления всеобщей мобилизации, Григорий Иванович находился в Екатеринославе — крупном промышленном и железнодорожном центре страны. Вот уже несколько дней здесь шла отчаянная борьба между большевиками и меньшевиками по вопросу об отношении к приближающейся войне. Когда же война стала реальностью и необходимо было выработать определенную точку зрения, екатеринославцы созвали нелегальное партийное собрание.

---

* 8 мая 1914 г. депутат рабочей курии Московской губернии, член большевистской фракции Малиновский неожиданно подал председателю Думы Родзянко заявление об уходе из Думы и, не дав остальным большевикам-депутатам объяснений, отбыл за границу. Как выяснилось позднее, Малиновский, примкнувший к рабочему движению в корыстных целях, был завербован, стал тайным сотрудником Московского охранного отделения, с помощью охранки прошел в депутаты. Депутатские полномочия он сложил под угрозой разоблачения и скрылся. В 1918 г. был предан суду в Советской России и расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК.

Ночью в небольшом лесочке, раскинувшемся между извилистой речкой Самарой и Днепром, неподалеку от Заднепровских железнодорожных мастерских, собралось около двухсот большевиков и сочувствующих. По свидетельству одного из участников собрания, большевика А. Суханова, здесь были представители Нижнеднепровья, Заднепровья и Александровского (Брянского) металлургического завода в Екатеринославе. На сходку шли небольшими группами и в одиночку, стараясь запутать жандармов. Место для собрания было выбрано в лозняке, покрывавшем котловину между двумя высокими холмами. В полночь все были в сборе. Тихо разместились в кустах. Тревожно всматриваясь вдаль, ловя каждый шорох, бодрствовали патрульные. Их проверял большевик Д. Лебедь:

— Ну как, все в порядке?

— Ничего, спокойно!

Патрульные были снабжены спичками, паклей — на случай, если придется сигналить. Ночь лунная. С возвышенности каждому часовому хорошо видно, что делается вокруг. А рядом в мастерских работает ночная смена...

Проверив безопасность, Лебедь уходит за Петровским. Как руководитель большевистской фракции и как член ЦК РСДРП, недавно встречавшийся с Лениным, Григорий Иванович должен выступить с докладом о текущем моменте.

Около двух часов собравшиеся с напряженным вниманием слушали Петровского. Он изложил позицию большевиков, охарактеризовав войну как империалистическую, направленную на захват рынков сбыта и колоний, разоблачил лживость буржуазной прессы, уверявшей, будто России предстоит вести освободительную войну.

— Война начинается,— говорил Петровский,— в интересах царизма, буржуазии, помещиков, и пролетариату придется проливать свою кровь за интересы капиталистов. Поэтому перед социал-демократией стоит задача разъяснения солдатам бессмысленности и преступности войны, задача организации масс с призывом повернуть оружие против своей буржуазии.

«Как депутаты-большевики представляли себе революционные задачи в империалистической войне? — писал позднее Григорий Иванович.— На основе Базельского манифеста искать путей братания с рабочими неприятельской армии и революционной обработки их с направ-

лением и целью ниспровержения немецкого империалистического правительства и русского царского правительства. Такой позиции ни в одной партии не было»[10].

После выступления Петровского развернулись жаркие прения. А. Суханов вспоминал: «Горели огнем ненависти лохматые головы брянцев, волновались шодуаровцы, спокойно «урезонивали» нижнеднепровцы. Присутствующие интеллигенты скромно молчали. Уж слишком было для них тяжело. Не верилось им, что это война, самая настоящая война. Они думали, что дело пока обойдется большими маневрами. Мы, молодые, вышедшие уже на широкое поле практической организационно-пропагандистской работы, чувствовали нечто другое. Какой-то особенный энтузиазм. Было желание сейчас же броситься на борьбу, не считаясь с условиями переживаемого момента. Настроение было бодрое, приподнятое»[11].

Григорий Иванович спокойно давал разъяснения, отвечал на вопросы. Было три часа ночи, когда приступили к утверждению предложенной им резолюции. Но вдруг собравшиеся обратили внимание на какое-то движение неподалеку. Там, замаскировавшись, стоял человек, казалось, даже группа людей (тогда не знали, что это был один из патрулей). Решили, что это провал, и начали с осторожностью расходиться. Особенно волновались за Петровского. Он же всех успокаивал:

— За меня не беспокойтесь. Я депутат, личность, что называется, неприкосновенная!

Задвигались темными точками убегающие. Звонко затявкала собака. Затрещали заборы. И снова на улицах ни души...

Организатор собрания Д. Лебедь вспоминал впоследствии: «Не могу передать всей злобы и к этому патрулю и к себе самому за то, что единственное в своем роде собрание так глупо было сорвано. Решили дело исправить и на другой вечер созвали собрание, но уже с гораздо меньшим количеством людей, и там еще раз была проведена резолюция, наспех принятая на первом собрании»[12].

Под этим документом, автором которого был Г. И. Петровский, стояла подпись: «Группа рабочих Заднепровья». Резолюция осуждала империалистическую войну и призывала членов большевистской организации, российский пролетариат «всеми средствами бороться против затеянной войны и братски протянуть руку пролета-

риату всех стран». Вместо шовинистического лозунга об «обороне отечества», который не сходил со страниц правительственных газет, в резолюции был выдвинут другой: «Долой войну! Да здравствует единство международной социал-демократии. Перед лицом всего мира мы заявляем, что будем работать для завершения мира не буржуазными правительствами, а революционными народами» [13].

Депутат екатеринославских рабочих Петровский возвращался в столицу не с пустыми руками: вез надежно спрятанный текст антивоенной резолюции. По дороге Григорий Иванович посетил Кременчуг, где также помог большевистской группе занять правильную позицию.

Напряженно работал в последний предвоенный месяц Алексей Егорович Бадаев. Его поездка на Кавказ была временно отложена. Из-за отсутствия в столице остальных депутатов Бадаеву, как одному из членов Русского бюро, пришлось активно включиться в конспиративную организационную деятельность по обеспечению выезда делегатов съезда. Проведение различных совещаний и заседаний, оформление мандатов и наказов, установление заграничных явок и маршрутов переправки, сосредоточение денежных средств, предназначенных для этого важного мероприятия,— таков далеко не полный круг партийных дел Бадаева в июне—июле 1914 года.

Много сил требовало и руководство растущим пролетарским движением. Алексей Егорович всегда был в гуще событий. От имени петербургского пролетариата он приветствовал бакинских стачечников, призывал российских рабочих к забастовкам солидарности. Начальник Петербургского охранного отделения в записке от 3 июля доносил: «Усиленным агентурным наблюдением за последнее время выяснено, что наиболее серьезная работа в означенном направлении ведется преимущественно или лично остающимся в городе С.-Петербурге членом социал-демократической думской фракции Бадаевым или же близко к нему стоящими и им руководимыми отдельными партийными работниками... Поименованный депутат Государственной думы и наблюдаемые в связи с ним лица, систематически освещая цели и задачи предстоящего социалистического конгресса, поднимая вопрос о бакинской стачке, агитировали за желательность солидарности между отдельными группами рабочих и

указывали на крайнюю необходимость поддержания бастующих соответствующими мерами как морального, так равно и материального характера»[14].

Когда же полиция во время двенадцатитысячного митинга путиловцев 3 июля открыла стрельбу по безоружным рабочим, Бадаев немедленно явился на завод. На следующий день «Правда» опубликовала его сообщение о кровавой расправе с участниками митинга (ранено 50 человек, двое убито, около ста арестовано и зверски избито в полицейском участке) и разъяснила смысл событий, всколыхнувших рабочих Петербурга и всей страны[15]. Алексей Егорович был в числе руководителей стачечного движения питерских рабочих 4—10 июля 1914 года.

А война между тем приближалась...

15(28) июня 1914 года в боснийском городе Сараево был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Этот акт будто взрывной волной всколыхнул милитаристские силы Европы. Выстрел в Сараево стал поводом к началу мировой войны. 15(28) июля Австро-Венгрия начала военные действия против маленькой Сербии. 16 июля в России была объявлена частичная, а 17 июля — всеобщая мобилизация. Германский кайзер Вильгельм II, «возмущенный» подобным действием своего кузена — русского царя Николая II, использовал ситуацию, чтобы выступить «в защиту» союзника по военному блоку — австрийского императора Франца-Иосифа I. 19 июля (1 августа) Германия объявляет войну России. В военную авантюру втягиваются Франция, Англия, Бельгия. Позднее к различным военным группировкам примыкают Япония, Черногория, Турция, Италия (выйдя из Тройственного союза), Болгария, Румыния, США. Всего в орбиту первой мировой войны были вовлечены 38 государств с населением свыше полутора миллиардов человек.

И сразу во всех воюющих странах буржуазия поднимает волну махрового шовинизма. Господствующие классы, пытаясь скрыть истинные причины и значение военной катастрофы, пускают в ход ложь, ура-патриотические фразы, чтобы уверить трудящиеся массы, будто война ведется ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения других народов. Обе воюющие группировки, не уступая одна другой в алчности и жесто-

кости, возвеличивают значение «своей» национальной войны, чтобы «одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии», чтобы отвлечь их внимание от действительно освободительной войны — «гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так и «чужих» стран»[16].

Изощренная идеологическая обработка масс и вызванный ею шовинистический угар дали свои результаты. Европейский рабочий класс, не раз показывавший образцы пролетарской солидарности, в целом оказался не готов для организованного отпора войне. И это несмотря на то, что международное рабочее движение уже с конца XIX века, то есть с момента зарождения II Интернационала, уделяло серьезное внимание проблеме борьбы против империалистических войн и милитаризма. На восьми конгрессах было принято восемь резолюций, определяющих линию поведения пролетариата в случае возникновения международного военного конфликта. На Штутгартском и Копенгагенском конгрессах II Интернационала при непосредственном участии В. И. Ленина в антивоенные резолюции были внесены принципиальные положения в духе революционного марксизма.

Штутгартская резолюция 1907 года, посвященная милитаризму и международным конфликтам, четко определяла тактику рабочих: «В случае, если война все же разразится, они * должны... стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства»[17].

Через три года Копенгагенский международный социалистический конгресс в резолюции «Третейские суды и разоружение» обязал социалистические партии и их парламентских представителей требовать от своих правительств сокращения вооружений, разрешения конфликтов между государствами посредством третейского суда, призывал рабочих всех стран к организации протестов против угрозы войны.

В связи с надвигающейся опасностью мировой войны еще в 1912 году был созван Чрезвычайный международный социалистический конгресс в Базеле. Воля рабочего класса была единодушно закреплена в принятом им

* Речь идет о рабочем классе разных стран и его представителях в парламентах.

манифесте о войне. «В любой момент,— говорилось в нем,— великие европейские народы могут быть брошены друг против друга... Было бы безумием, если бы правительства не поняли того, что одна мысль о чудовищности мировой войны должна вызвать негодование и возмущение рабочего класса. Пролетариат считает преступлением стрелять друг в друга ради прибылей капиталистов, ради честолюбия династий, ради выполнения тайных дипломатических договоров» [18].

Манифест вскрывал грабительские цели подготовлявшейся империалистами войны и призывал рабочих всех стран повести решительную борьбу за мир, против военной угрозы, «противопоставить капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата». В случае возникновения войны манифест рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызываемый войной, для борьбы за социалистическую революцию.

Таким образом, к началу войны программа антивоенной деятельности пролетариата была четко намечена. Линия поведения определена. И если обратиться к документам предвоенных лет — решениям, резолюциям, воззваниям социал-демократических партий, то можно увидеть, что они достаточно решительно протестовали против надвигающейся военной угрозы [19].

Но мировая война разразилась. Два военных империалистических лагеря, мобилизовав все силы, встали друг против друга. И вот тогда в полной мере проявилась оппортунистическая суть руководящего ядра II Интернационала. Его лидеры отреклись от Базельского манифеста и других решений международных социалистических конгрессов. С августа 1914 года они, предав интересы рабочего класса, изменив социализму, стали активными поборниками захватнических притязаний империалистических правительств. Социалистический лозунг международной пролетарской солидарности и классовой борьбы с буржуазией был практически снят с повестки дня крупнейших партий II Интернационала. Его сменил шовинистический призыв к «защите отечества».

Каждый день приносил все новые и новые печальные вести. 21 июля (3 августа), в день объявления Германией войны Франции и Бельгии, французские социалисты проголосовали в парламенте за военные кредиты. На следующий день, когда Англия объявила войну Германии,

правое крыло Британской социалистической партии выступило в поддержку английского правительства, а социал-демократические фракции германского рейхстага и бельгийского парламента одобрили предложения своих правительств об ассигновании средств на ведение войны. 24 июля (6 августа), в день объявления Австро-Венгрией войны России, то же самое совершили австрийские социал-демократы. Еще большим позором стало вступление социалистов в буржуазные правительства. Активно поддерживали военные устремления империалистической буржуазии Ж. Гед, М. Самба, А. Тома (Франция), Э. Вандервельде (Бельгия), А. Гендерсон (Англия) и другие.

Так под грохот пушек рухнул II Интернационал. Оппортунизм, много лет разъедавший его партии, привел к социал-шовинизму и краху организации.

В России, как и в других воюющих странах, бешеная агитация «за веру, царя и отечество», за войну «до победного конца» не могла не породить, особенно на первых порах, волну шовинистического угара.

А. Е. Бадаев, единственный из оставшихся в столице членов большевистской фракции, был очевидцем шовинистических выступлений в первые дни войны. Впоследствии он вспоминал: «По улицам Петербурга с утра до вечера шествовали манифестации. С портретами царя и трехцветными флагами дворники, полицейские и охранники вместе с обывателями всех рангов и мастей расхаживали по городу, пели «Боже, царя храни» и во все горло кричали «ура». Под охраной правительства, обнаглевшие до последней степени, они сбивали шапки с прохожих, врывались в трамваи и дома и избивали всякого, кто не хотел их поддерживать. Каждая такая манифестация, организованная и опекаемая полицией, в любую минуту могла превратиться в толпу погромщиков. Так и было на самом деле. В Петербурге было разгромлено германское посольство, а в Москве погром принял еще более широкие размеры... Погромы сменялись коленопреклонением перед царским дворцом. Даже мелкобуржуазное студенчество, гордившееся своими «левыми» традициями, стояло на коленях перед Зимним дворцом, восторженно крича «ура» «обожаемому» монарху»[20].

Буржуазная пресса характеризовала эти манифестации как «взрыв высоких патриотических чувств», как «единение царя с народом». Однако поведение мелкобуржуазных и деклассированных элементов не отражало

истинного положения вещей. Петербургская охранка, в задачи которой входило всестороннее (для внутреннего пользования) освещение событий, сообщала в департамент полиции в день объявления войны: «19 июля, в связи с призывом запасных по мобилизации войск, возникла забастовка в двадцать одном предприятии, с общим числом рабочих до 27 тысяч человек. Означенная забастовка, так же как и предыдущая, сопровождалась демонстративными выступлениями рабочих, причем толпа демонстрантов с фабрики Эриксона, увидев партию запасных около 100 человек, следовавшую в сопровождении околоточного надзирателя и двух городовых на сборный пункт, встретила их криками «Долой войну!» и, окружив тесным кольцом, стала сопровождать партию с пением «Рабочей марсельезы», требуя от чинов полиции роспуска по домам запасных. Далее означенную партию запасных, частью смешавшихся с демонстрантами, встретила вторая толпа демонстрантов-лесснеровцев и с криками «Бей полицию!» набросилась на чинов полиции...» [21]

Это только один эпизод. А их было множество. В ответ на «патриотические» манифестации черносотенцев и буржуазии передовым петербургским пролетариям под руководством большевиков удалось организовать антивоенные контрдемонстрации. Они состоялись на Выборгской стороне, за Невской заставой и в других районах города. Группы рабочих сумели даже прорваться на Невский проспект. Демонстранты выходили на улицу с красными флагами, пели «Марсельезу», произносили антивоенные речи. Были попытки строить баррикады. Только по данным фабричной инспекции, в день объявления войны в столице не работало до 40 тысяч человек.

Протест прокатился по всем крупнейшим центрам страны. Порой антивоенные выступления рабочих и мобилизованных носили характер вооруженных схваток. По официальным данным, волнения произошли в 17 губерниях и 31 уезде, при расправе было убито 225 человек и ранено 187. По другим данным, только с 19 июля по 1 августа в 27 губерниях было убито и ранено 505 мобилизованных и 106 должностных лиц. В. И. Ленин писал позднее: «Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат... В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма» [22].

Руководящая группа петербургских большевиков намеревалась, как сообщалось в Центральный Комитет,

«предпринять что-либо решительное»[23]. Подтверждением служит докладная департамента полиции: «...тотчас после объявления войны Германией России, среди партийных рабочих возникла мысль начать усиленную агитацию по устройству всеобщей забастовки протеста против войны и, в целях осуществления ее, организовать при участии рабочих, имеющих связь с культурно-просветительными обществами, ряд собраний для разработки различных вопросов, относящихся к проведению означенной забастовки и, в частности, к изданию и широкому распространению среди рабочих масс соответствующих прокламаций»[24].

Всеобщую антивоенную забастовку большевикам организовать не удалось. Но митинги и собрания с обсуждением политической обстановки продолжались. «Наиболее серьезные надежды,— отмечало Петроградское охранное отделение,— в данном случае революционной средой возлагаются на организаторский опыт и революционный фанатизм депутата Бадаева, обещавшего принять участие в одном из проектируемых сходбищ»[25].

Алексей Егорович Бадаев, один из руководителей предвоенного забастовочного движения рабочих столицы, в первые же дни войны стал активным участником борьбы против развязанной империалистами бойни. На следующий день после объявления мобилизации он получил из Костромы письмо, написанное «группой сознательных рабочих». «Мы,— заявлялось в письме,— самым решительным образом протестуем против действий правительств и правящих классов, вовлекающих в братоубийственную войну пролетариев России, Сербии, Австрии и Германии, и мы спрашиваем РСДР Фракцию — какие меры предприняты ею против войны и для выражения братской солидарности пролетариата враждующих государств»[26]. Верный наказам рабочих России, обязывающих депутатов «бороться всеми мерами в Государственной думе и вне ее против политики воинствующего авантюризма»[27], Бадаев занял единственно правильную марксистскую позицию.

Интересен диалог Алексея Егоровича с журналистами почти всех петербургских газет, от «левого» «Дня» до черносотенной «Земщины». В один из первых дней войны, ввалившись без предупреждения на квартиру депутата во время приема избирателей, корреспонденты по поручению своих редакций забросали Бадаева вопросами:

— Как относятся рабочие к войне?

— Какую позицию занимает ваша фракция?

— Как будут вести себя в Думе рабочие депутаты?

Обдумывая ответы, Бадаев понимал, что их вряд ли опубликуют в завтрашних газетах. И тем не менее каждое слово произносил размеренно, как бы выступая с официальным большевистским заявлением:

— Рабочий класс будет бороться всеми силами против войны. Война не в интересах рабочих. Наоборот, всем своим острием она направлена против рабочего класса всего мира. На Международном социалистическом конгрессе в Базеле было принято решение от имени пролетариата всего мира в случае объявления войны повести против нее решительную борьбу. «Война войне» — вот наш лозунг. За этот лозунг мы, действительные представители рабочего класса, будем бороться. Наша фракция всеми имеющимися в ее распоряжении средствами будет решительно бороться против войны [28].

О позиции рабочих депутатов-большевиков не сообщила ни одна правительственная газета. Зато заявление Бадаева незамедлительно стало известно охранке. Тут же были пущены в ход не однажды применявшиеся методы устрашения и террора. В адрес Бадаева посыпались инспирированные угрожающие письма, полные отборных ругательств и угроз. В одном был тщательно вырисован скелет, который наглядно изображал участь депутата.

Узнав об угрозах черной сотни, рабочие настояли на организации специальной охраны квартиры Бадаева. Алексей Егорович считал эту меру бесцельной, так как уберечься от выстрела из-за угла было невозможно. Однако у его дома были выставлены рабочие патрули.

Сам же депутат оставался на посту. Работа не прекращалась ни на минуту. Уже в эти дни у большевиков созрела мысль о выпуске антивоенных листовок, были предприняты первые шаги к ее осуществлению.

А. Е. Бадаев ожидал возвращения в Питер остальных депутатов-большевиков. Г. И. Петровский, М. К. Муранов и Н. Р. Шагов, вызванные специальными правительственными сообщениями, возвращались из разных концов России в Петроград, чтобы принять участие в экстренных думских заседаниях. У председателя большевистской фракции Петровского находилась резолюция рабочих Заднепровья — один из первых антивоенных документов в России, наглядно свидетельствовавший, что на

местах большевистские рабочие организации заняли правильную интернационалистскую позицию и уже сказали войне свое решительное «Нет!».

Официальное заявление

Царский указ о созыве Государственной думы был объявлен 20 июля 1914 года. В «Высочайшем манифесте» Николая II раскрывались и задачи заседания: «Мы непоколебимо верим, что в защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага» [1].

Правительство вместе с царем рассчитывало, что в этот день все партийные группировки Думы выразят свои верноподданнические чувства, дружно проголосуют за предложенный военный бюджет. И представители антинародных партий в Думе намеревались полностью, безоговорочно поддержать царское правительство.

Иного мнения придерживались большевики. Сделав первые шаги в организации нелегальной работы в новых условиях, РСДР Фракция готовилась к открытому выступлению. Вся Россия и весь мир должны были узнать, что думает о войне революционная часть российского пролетариата и его передовой отряд — большевики. Подготовка к этому выступлению началась в сложных условиях. Еще не поступили известия от Центрального Комитета и В. И. Ленина. Еще не съехались депутаты. Еще не было совместного обсуждения текущего момента, обмена мнениями о тактике в условиях войны.

А. Е. Бадаев постарался связаться с наиболее активными и авторитетными партийными товарищами, находившимися в столице. Мнение было таково: выработать к чрезвычайному заседанию Государственной думы декларацию, которая осудила бы начавшуюся войну и отвергла любую ее поддержку рабочим классом.

Учитывая общее антивоенное настроение трудящихся и ввиду серьезности момента большевики решили предпринять попытку к общему выступлению с единой декларацией демократических фракций. В переговорах приняли участие представители трех фракций Думы: большевистской, меньшевистской и трудовиков. Первое

совещание Бадаева, Чхеидзе и Керенского длилось недолго. Но расстановка сил определилась довольно четко. Руководитель меньшевистской фракции Чхеидзе, занимавший в начале войны колеблющуюся позицию, в значительной мере склонявшийся к оборончеству, под давлением антивоенных настроений масс был вынужден согласиться на составление совместного с большевиками документа. А Керенский сразу же заявил, что партия трудовиков считает необходимым поддерживать войну, поэтому не будет принимать участия в антиправительственном выступлении.

Было разработано несколько вариантов декларации. Один из текстов, написанный правдистом К. С. Еремеевым, известным уже в то время партийным публицистом, был положен в основу будущей декларации [2].

На квартирах депутатов и во фракционных помещениях проходили совещания, на которых шла речь об общем фронте борьбы. Вскоре было устроено объединенное собрание социал-демократических фракций IV Государственной думы совместно с петроградскими партийными работниками — всего присутствовало человек пятнадцать. К сожалению, многие большевики не смогли явиться на это собрание, так как помещение фракции было практически открытой полицейской ловушкой. Собрание проходило бурно. Отчаянно дебатировались отдельные пункты и формулировки. Редактировался текст декларации. В него вносились поправки и дополнения. Именно тогда по настоянию меньшевиков в декларацию был включен абзац о том, что русские рабочие будут защищать культурные ценности страны. С этой, по существу оборонческой, формулировкой и была выработана, несмотря на разные точки зрения по ряду принципиальных вопросов, совместная, так называемая «компромиссная декларация».

На другой день после собрания в Петроград приехали Г. И. Петровский, меньшевик В. И. Хаустов, а несколько позднее — М. К. Муранов, меньшевики И. Н. Туляков, М. И. Скобелев и другие запоздавшие депутаты. Вплоть до заседания Думы продолжалось обсуждение текста декларации, в которую большевики еще не раз вносили поправки. Впоследствии Г. И. Петровский вспоминал: «Несмотря на оторванность от ЦК и Ленина, фракция заняла ленинскую линию в отношении к войне. На эту позицию мы сбили (не полностью) и фракцию Чхеидзе — Чхенкели» [3].

В целом декларация выражала интернационалистскую позицию пролетариата: решительно осуждала войну, возлагала ответственность за ее развязывание на правящие верхушки воюющих стран. В ней говорилось: «Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены, брошены в кровавый водоворот. Миллионы семей обречены на голод. Война началась... [И мы, представители рабочего класса России, считаем своим долгом заявить, что] * настоящая война, порожденная политикой захватов [и насилий, практикуемой всеми капиталистическими государствами], является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран [что война эта противоречит чувству и настроению сознательных элементов российского пролетариата, также как и пролетариата всего мира]».

В декларации отвергалась всякая возможность «союза» народа с царизмом. Но именно этот кусок был полностью изъят из текста при его публикации: «...не может быть единения народа с властью, когда она не является исполнительницей сознательной воли народа, когда последний порабощен властью, когда народная масса, на которую ложится все бремя войны, бесправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения».

Декларация социал-демократических фракций Думы совершенно справедливо связывала надежду на прекращение войны с международной солидарностью пролетариата всего мира. Она заканчивалась словами: «Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет, но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности пролетариата всего мира человечество найдет средство к скорейшему прекращению этой войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами [хищных

* В прямые скобки взяты цензурные урезки, произведенные председателем Государственной думы Родзянко перед напечатанием декларации в стенографическом отчете.

правительств], а самими народами [которые возьмут свои судьбы в свои руки]»[4].

Но в декларации чувствовалось и влияние меньшевиков. Она была расплывчата, носила пацифистский характер, не давала революционной оценки характера войны, в ней отсутствовали четкие тактические лозунги, не ставились задачи практической борьбы рабочего класса.

Как отмечал Григорий Иванович Петровский, подготовка совместного с меньшевиками выступления в Государственной думе испортила ясность интернационалистской позиции большевистской фракции, так как меньшевики старались сгладить резкие моменты в оценке империализма и развязанной войны, в частности империалистические тенденции царского правительства[5]. «Потом,— писал он,— мы поняли свою ошибку, что связались с меньшевиками для выработки общей декларации»[6]. В одном из сентябрьских писем 1914 года Григорий Иванович сообщал: «Основные положения наши уже выражены в декларации (правда, довольно слабо), но этой слабостью мы обязаны скорее своим политическим противникам»[7].

Так же думали и другие депутаты. «В нашей «пятерке»,— вспоминал А. Е. Бадаев,— не раз после 26 июля говорилось, что эта, так сказать, объединенная социал-демократическая декларация о войне ничего не говорит рабочему классу, не говорит ему, как надо действовать... В этой думской декларации не выражено вполне отношение самой рабочей массы к войне и неточно формулировано наше отношение к войне»[8].

Однако на недостатках декларации сказались не только субъективные, но и объективные причины. Сама обстановка военного времени требовала от большевистских депутатов более, чем обычно, «парламентской» формы изложения своих взглядов. Кроме того, необходимо было противопоставить единому «патриотическому» фронту господствующих классов единый фронт пролетариата.

Во время предварительных переговоров с меньшевиками обсуждались еще два вопроса. Самое главное: большевистским депутатам удалось добиться от меньшевиков — в виде «компенсации» за абзац о защите культурных ценностей — обязательства голосовать вместе с большевистской фракцией против военного бюджета царского правительства (Чхеидзе и К° побоялись окончательно потерять доверие масс). Это была большая

победа, которая спустя несколько дней выделила голос российских социал-демократов из общей массы верноподданнических парламентских выступлений европейской социал-демократии.

Дебатировался вопрос и о том, кому зачитывать текст совместной декларации на заседании Думы. По настоянию А. Е. Бадаева пришли к выводу, что это должен сделать депутат-рабочий. Большевики выдвинули кандидатуру Бадаева. От меньшевиков был предложен В. И. Хаустов. Ввиду численного перевеса меньшевистской фракции был избран Хаустов.

Итак, партии были готовы к публичным заявлениям с думской трибуны. Но пока они еще не были сделаны, все настороженно ждали — какую позицию займет на сессии фракция большевиков? При встречах большевиков с депутатами кадетами и трудовиками то и дело раздавались вопросы:

— Неужели вы будете и во время войны проводить революционную работу?

— Как это можно выступать против правительства?

— Вы что же, и против военных кредитов?

— Питерский комитет издал пораженческую прокламацию. Это ведь и ваша работа. Охранка сообщает, что это дело рук немецких агентов. Смотрите, как бы они не расправились с вами!

Г. И. Петровский вспоминал о тех днях: «Наше положение было не из легких, когда нас ставили сразу под подозрение и заносили в число агентов немецкого империализма. При оценке тогдашнего положения мы были немного наивными, ибо считали, что социал-демократы других стран ведут революционную работу, как и мы. Нам еще не была известна позиция социал-демократов, в частности немецких, которые голосовали за войну» [9].

Перед экстренным заседанием Государственной думы представители буржуазно-помещичьих и либеральных партий, на этот раз вместе с трудовиками, отправились на прием в Зимний дворец, где выразили царю свои верноподданнические чувства.

Заседание открылось 26 июля 1914 года в Таврическом дворце. Председатель Думы М. В. Родзянко, один из лидеров партии октябристов, произнес высокопарную патриотическую речь. «От лица земли русской» он горячо ратовал за «единение русского царя с верным ему народом», распространялся об «охране целости и единства государства». С апломбом заявил, что в трудный

и грозный час «все народы, населяющие необъятную Русь, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда». Заверял царя, что «русский народ... не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство России не будет ограждено»[10]. Лишь мимоходом крупнейший помещик России, в карман которого вскоре начали поступать огромные барыши от кровопролитной войны, лицемерно обмолвился о «детях» и «братьях», доблестно ведущих бой на границах государства.

Речь Родзянко часто прерывалась бурными рукоплесканиями, криками «ура», пением гимна, приветствиями находящимся в ложах дипломатического корпуса посланникам Сербии и Бельгии, послам Великобритании и Франции...

В едином тоне с председателем Думы выступили председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, министр иностранных дел С. Д. Сазонов и министр финансов П. Л. Барк. Горемыкин уверял Думу в миролюбии России, которой Германия бросила вызов, и призвал депутатов сплотиться под знаменем «Государь и Россия». Призвав наряду с военной к «финансовой мобилизации», министр Барк изложил перед собравшимися содержание законопроектов, именовавшихся «О мерах по денежному обращению ввиду военного времени» и «О некоторых мерах к усилению ресурсов казны для ведения военных действий». Они сводились к обращению на нужды войны всей свободной наличности и обложению населения новыми косвенными налогами. Именно для утверждения этих проектов «народными представителями», по существу, и была созвана Дума. Но законопроекты практически не обсуждались, прения по ним не устраивались.

Депутаты занимались в основном выражением верноподданнических чувств. Так «от имени» населения Прибалтийского края, польского и еврейского народов, «инородцев» Казанской губернии буржуа угнетенных наций клялись царю в преданности, в «исполнении под русским знаменем своего долга до конца». С черносотенцами (Марковым, Протопоповым, Балашевым и другими) соперничала в «патриотизме» либерально-монархическая буржуазия. Лидер кадетов П. Н. Милюков от имени ЦК своей партии и «всех русских либералов» заявил о полном отказе на время войны от оппозиционных выступлений. Он призывал: «Нам нужно сосредоточить все свои силы на защите государства от внешнего врага... В этой

борьбе мы все заодно, мы не ставим условий и требований... Наш первый долг — сохранить страну единой и неразделеьной... Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия»[11].

Оценивая поведение октябристов, прогрессистов и кадетов, В. И. Ленин отмечал, что русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции. «Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России»[12].

К хору воинствующих шовинистов присоединился и голос так называемых «российских демократов». Трудовики — представители мелкобуржуазной демократической фракции депутатов-крестьян и народнической интеллигенции — в оглашенном Керенским заявлении после нескольких фальшиво «революционных» фраз заявили, что поддержат действия правительства. «Мы непоколебимо уверены,— говорил руководитель фракции трудовиков,— что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами даст решительный отпор нападающему врагу и защитит свои родные земли и культуру, созданные пóтом и кровью поколений». Под аплодисменты зала (молчали только социал-демократы) Керенский закончил: «Крестьяне и рабочие, все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее»[13].

В. И. Ленин отмечал, что «патриотическое» заявление трудовиков пришлось «чрезвычайно на руку монархии»[14].

Декларацию социал-демократических фракций зачитывал депутат от рабочих Уфимской губернии В. И. Хаустов. Как отмечал Г. И. Петровский, меньшевики не только смазали формулировки большевиков-депутатов во время составления документа, но и дали Хаустову указание не читать слишком резких мест, пропуская отдельные строки и абзацы, в которых подчеркивалось отрицательное отношение к войне[15].

И тем не менее заявление социал-демократических фракций на фоне общего ура-патриотизма прозвучало как резкий протест против военного безумия. Черносотенцы не смогли сдержать негодования: из их рядов раздавались злобные возгласы, свист и шиканье. Молчала так называемая «оппозиция» (октябристы, кадеты, трудовики). По утверждению правительственных органов,

этим заявлением думские социал-демократы с думской трибуны объявили открытый разрыв с правительством [16].

После окончания торжественно-декларативной части приступили к утверждению военного бюджета. И хотя формального голосования не было, социал-демократы сумели выразить протест против кредитов на ведение войны, демонстративно покинув зал заседаний Думы. На них набросились депутаты всех фракций, не исключая левых кадетов и прогрессистов:

— Что вы делаете?

— Вы, представители рабочих, ведете за собой массы, тянете Россию в бездну, в пропасть!

— Вы погубите народ!

Правые ругались и грозили расправой, готовы были на месте растерзать социал-демократов. «Мы выходили из Думы,— вспоминал А. Е. Бадаев,— сопровождаемые угрожающими выкриками думских зубров» [17].

Спустя два месяца В. И. Ленин писал в манифесте ЦК «Война и российская социал-демократия» о поведении депутатов 26 июля: «...наше парламентское представительство — Российская социал-демократическая рабочая фракция в Государственной думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистскую» [18]. Владимир Ильич высоко оценил поведение большевистских депутатов в Думе, так как этим актом они проявили волю российского пролетариата. В одном из писем он писал, что русские рабочие «выразили свой взгляд через социал-демократическую фракцию, которая *не* вотировала бюджета» [19].

Так депутаты-большевики Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадаев, Н. Р. Шагов в первые же дни войны показали международному пролетариату пример использования революционной социал-демократией парламентской трибуны.

Выступление депутатов в Думе, сделавшееся широко известным рабочим массам и крестьянам страны (текст декларации был опубликован 27 июля в газетах «Речь» и «День», а затем и в стенографическом отчете заседания), стало точкой отсчета для дальнейшей антивоенной работы большевиков. Партийные организации перепечатывали декларацию думских депутатов в своих подполь-

ных типографиях. Размноженная разными печатными способами (и типографским, и на пишущей машинке), она сотнями экземпляров распространялась в Москве, Туле и других городах.

Весть о мужестве российских социал-демократов молнией облетела многие страны. На фоне общего предательства лидерами II Интернационала международной пролетарской солидарности события в России вызвали особый интерес. Информацию о них поместила пресса всех направлений. Находясь в Германии на положении интернированной, А. М. Коллонтай записала в своем дневнике: «Промелькнула светлая весть, но боюсь в нее поверить... В «Форвертсе» — корреспонденция о поведении наших депутатов в Думе... Прочла, и дыханье захватило... Это был миг счастья, истинного счастья! Значит, не все предали солидарность? Значит, в России товарищи остались интернационалистами»[20].

Однако вскоре среди социал-демократических депутатов началось размежевание. Совместное заявление фракций 26 июля было во время войны первым и последним объединенным выступлением депутатов-большевиков с меньшевиками. «Мужественный» поступок фракции Чхеидзе был лишь отражением того, насколько в сознание трудящихся проникли антивоенные настроения. Фракция Чхеидзе, как писал Ленин, «не вотировала за кредиты, ибо иначе она вызвала бы против себя бурю возмущения со стороны рабочих»[21].

Многие меньшевики были недовольны поведением своей фракции в Думе. Они не одобряли совместную с большевиками декларацию. Известный деятель меньшевиков-ликвидаторов Жордания, критикуя этот документ, высказался за полную поддержку войны. Он считал, что «победоносный народ будет иметь больше прав потребовать от правительства свободу и законность»[22]. Вскоре оппортунистический ликвидаторский центр официально объявил, что он «в своей деятельности не противодействует войне»[23].

Существовали вместе с тем примиренческие, центристские элементы, которые приветствовали это, даже временное, совместное выступление двух фракций, «наконец-то объединившихся,— писали они,— в трагическую минуту»[24].

Расхождение между большевиками и меньшевиками обнаруживалось с еще большей наглядностью в практической работе. Если большевистская фракция целиком

отдавала свои силы внедумской деятельности, то фракция Чхеидзе ограничивалась парламентской, оборонческой работой в легальных организациях и вскоре скатилась на позиции социал-шовинизма.

С первых же дней войны В. И. Ленин был противником всякого объединения с социал-шовинистами. Поэтому он считал, что думская фракция большевиков не должна больше объединяться с буржуазными идеологами, всегда обязана занимать интернационалистскую позицию. В октябре в одном из писем Владимир Ильич писал: «Было бы крайне желательно, чтобы в случае созыва Думы... наша фракция выступила уже без блока и заявила *последовательную* точку зрения»[25].

Большевикам-депутатам не довелось больше принять участие в работе Думы. Однако, осуществляя политическую линию партии, они расширили свою подпольную работу. Большевистская фракция, по словам Ленина, «пошла с протестом против войны в самую гущу рабочего класса, она понесла проповедь против империализма в широкую массу русских пролетариев»[26].

Русское бюро ЦК действует

К началу первой мировой войны большевистская партия оказалась в тяжелом положении. Царское правительство, напуганное нарастанием революционного движения, широким фронтом перешло в наступление на рабочий класс.

8 июля властями был закрыт легальный печатный орган большевиков — «Правда». Это стало сигналом к погромам других рабочих газет и журналов, ликвидации профессиональных, культурно-просветительных и других организаций пролетариата. За месяц, предшествовавший войне, полиция арестовала около тысячи членов только одной столичной организации.

Петля еще крепче затянулась с началом войны. Царизму необходимо было лишить революционное движение руководства, помешать большевикам поднять пролетариат на активные антивоенные выступления. Поэтому в крупнейших промышленных центрах день за днем происходили массовые «изъятия» (так выражалась охранка) ведущих партийных работников. Войска беспощадно расправлялись со всякими проявлениями рабочей солидарности. «...Царское правительство арестовало и сослало

тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной РСДРП»,— писал В. И. Ленин[1]. Наряду с введением военного положения и мобилизациями на фронт, разгромом легальных пролетарских организаций и прессы все это задержало движение, привело к спаду революционных выступлений. По свидетельству А. Е. Бадаева, первый период войны представлял для революционной деятельности такие трудности, с которыми партии не приходилось сталкиваться даже в наиболее тяжелые годы реакции[2].

Однако и загнанная в глубокое подполье, со значительно ослабленными местными организациями, нарушенными связями, большевистская партия — передовой отряд российского пролетариата — продолжала существовать и накапливать силы для решительного выступления против самодержавия.

Трудность состояла еще и в том, что на территории России отсутствовал руководящий партийный орган. С находящимся за границей (в Швейцарии) Центральным Комитетом во главе с В. И. Лениным связь была временно прервана. Члены Русского бюро ЦК, избранные на Пражской конференции и кооптированные в ЦК после нее, находились в сибирской ссылке (И. С. Белостоцкий, Ф. И. Голощекин, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин, Д. М. Шварцман, А. В. Шотман и кандидат в члены ЦК Е. Д. Стасова). В тюрьмах и ссылках встретили известие об объявлении войны сотни испытанных членов партии с огромным опытом революционной работы. Многие крупные деятели вынуждены были после разгрома первой российской революции жить и работать в эмиграции.

Но уже к началу войны роль Русского бюро ЦК в России практически начинала выполнять большевистская фракция IV Государственной думы. Таким образом, в первый за годы мировой войны состав Бюро входили: члены ЦК РСДРП Г. И. Петровский и А. Е. Бадаев, доверенные лица ЦК М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов. Как депутаты Думы и руководящие работники партии, они обязаны были взять на себя функции арестованных товарищей. Этот по существу новый состав Русского бюро ЦК оформился летом 1914 года, в период подготовки к очередному съезду партии.

Новым членам Бюро пришлось работать в чрезвычайно тяжелых условиях разгула жандармско-полицейского аппарата, преследований, массовых арестов членов

РСДРП, в обстановке официозного ура-патриотизма, еще не имея четко разработанной к тому времени партийной программы по вопросам войны, мира и революции.

Нелегальная революционная работа большевистской партии, как с гордостью писал В. И. Ленин, продолжалась[3]. И основной задачей большевиков стала нелегальная агитация в массах пролетариата против войны, организация их на борьбу с царизмом, на свержение самодержавия. Значительную и ответственную работу проделала в первые месяцы войны большевистская фракция в Думе — российская часть Центрального Комитета партии. Позднее, оценивая эту работу, В. И. Ленин писал, что депутаты-большевики «блистали» не «вхожестью» в буржуазные салоны, а связями и работой в массах, выполнением опасных функций нелегального пропагандиста и организатора[4].

Много усилий потребовала выработка антивоенных документов — листовок и прокламаций против царизма и развязанной им империалистической войны,— документов, с помощью которых большевики смогли бы организовать решительную борьбу против войны в интересах революционного движения.

Листовки были необходимы и как изложение взглядов партии на текущие события, и как одно из самых эффективных средств агитации в массах. С их помощью большевистские группы в центре и на местах старались донести до всех слоев населения идеи партии, организовать трудящихся на революционные действия. Издание подпольной листовочной литературы стало особенно важным еще и потому, что ввиду условий военного времени партия была лишена других средств массовой агитации и пропаганды.

В. И. Ленин неоднократно напоминал российским товарищам о необходимости всерьез заняться изданием прокламаций. В одном из писем он специально подчеркивал: «Главное, я думаю, теперь издание популярных листовок и прокламаций против царизма»[5]. Именно поэтому петербургские большевики под руководством Русского бюро ЦК с первых же дней войны приложили максимум усилий для выпуска в свет листовок с изложением взглядов по вопросам войны, мира и революции.

Об участии большевистских депутатов в подготовке первых нелегальных изданий свидетельствуют и полицейские документы. Начальник Петроградского охранного отделения, куда стекались сведения о революционных

действиях в столице, докладывал министру внутренних дел: «Главным образом под влиянием и руководством этих депутатов в Петрограде со времени объявления войны было выпущено несколько революционных прокламаций против войны с призывом рабочих к восстанию против русского правительства»[6]. В докладе департамента полиции Особому совещанию о государственной охране говорилось: «Наиболее беспокойные элементы подполья... находясь под воздействием члена Государственной думы социал-демократа Бадаева, задумали заняться выпуском серии листков и воззваний, приуроченных к текущему моменту и имевших в виду дискредитировать в глазах масс общегосударственное значение настоящей войны и связанных с ней правительственных мероприятий»[7].

Царские жандармы не ошиблись. Действительно, первая антивоенная листовка Петербургского комитета, выпущенная после объявления мобилизации, была издана с помощью члена Бюро ЦК РСДРП А. Е. Бадаева *. Как вспоминал Алексей Егорович, создание листовки было плодом коллективного творчества. В связи с арестами и повальными обысками в Петрограде часть руководящих партийных работников поселилась в Финляндии (там же проживали известные партийные литераторы М. С. Ольминский, К. С. Еремеев, Демьян Бедный, Максим Горький и другие). Поэтому для консультации и окончательного редактирования Бадаеву пришлось перевозить черновик листовки через границу. Он так рассказывает о своей поездке: «Белоостровская граница и вся Финляндская железная дорога кишели жандармами и шпиками, зорко следившими за каждым приезжающим. На случай внезапного обыска или ареста я спрятал один оригинал прокламации в сапог, а другой вез в спичечной коробке, которую готов был поджечь в любой момент, когда появится опасность нападения полиции. В условленном месте я встретился с К. С. Еремеевым. Всю ночь просидели мы с ним над редактированием листовки. Наутро, соблюдая такие же меры предосторожности, я вернулся в Петербург и передал исправленный черновик для печатания группе товарищей, которые принимали участие в организации и налаживании типографской техники»[8].

Спустя почти три месяца охранка докладывала: «Получив от Бадаева черновик соответствующего воззвания

* Параллельно с листовкой ПК РСДРП была издана также прокламация большевиков 1-го Городского района. Эта же группа выпустила в начале августа журнал «Рабочий голос».

и назвавшись, для придания авторитетности своим начинаниям, вновь сформировавшимся «Петербургским комитетом» Российской социал-демократической рабочей партии *, группа лиц заводской молодежи успела набрать гранку похищенным из типографии шрифтом и отпечатать 1 августа сего года первый из задуманной серии листок следующего содержания: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Товарищи! Надвинулись мировые события чрезвычайной важности...» [9]

Прокламация призывала российский пролетариат к борьбе с царизмом и буржуазией — сначала за демократическую республику, а затем за социалистическую революцию (то есть за осуществление партийной программы-минимум и программы-максимум) [10]. Правда, в ней не было призыва к активной борьбе с войной, не выдвигались лозунги превращения империалистической войны в гражданскую, поражения своего правительства. Но антиправительственное, антивоенное направление документа очевидно.

Вторую листовку, также подготовленную при помощи А. Е. Бадаева, Петербургский комитет смог издать через две недели — к середине августа. Она также не поднялась еще до четких тактических формулировок, но уже открыто призывала рабочих и крестьян к организации, вооружению для свержения самодержавия. В этой листовке прозвучал и интернациональный мотив: «У вас нет врагов по ту сторону границы — там так же, как и у нас, слышатся стоны и плач голодных жен и детей... там также произносятся продажные речи буржуазии от имени трудового народа о солидарности интересов... Так свергните их, возьмите управление государством в свои руки и вместо строя тиранов водрузите над землею красное знамя труда. Организуйтесь в политические партии, запасайтесь оружием: время не ждет. Долой войну! Долой кровавое самодержавие!.. *Да здравствует мировая рабочая солидарность! Да здравствует национальное равенство! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия, единственная защитница трудящегося класса!*» [11]

* ПК РСДРП действительно сильно пострадал от репрессий. Однако это не парализовало его деятельность, и уже в августе 1914 г. по предложению Бадаева была создана новая Исполнительная комиссия ПК. В печатании упоминаемой листовки, а также в организации, налаживании типографской техники и распространении первых листовок принимали участие, по воспоминаниям Бадаева, В. Соловьев, А. Яковлева-Сергушова, И. Красников, М. Рудный и другие.

Активная деятельность А. Е. Бадаева не прошла незамеченной. Появление листовок, отпечатанных типографским способом в довольно большом количестве, всполошило полицию. Она начала «охоту» за издателями, поиски нелегальной типографии. В ночь на 5 августа были арестованы исполнители издания В. Д. Соловьев, И. П. Красников, А. И. Игнатьев и А. И. Яковлева. Но надежно спрятанные типографские принадлежности остались на вооружении подпольщиков.

Охранное отделение не было удовлетворено произведенной акцией: не удалось арестовать всех задействованных в печатании, а также получить необходимый материал для привлечения к суду самого А. Е. Бадаева. Поэтому в вышестоящие органы раболепно сообщалось, что в ближайшее время «будут приняты все меры к получению откровенных показаний задержанных лиц, дабы добыть материал к изобличению в революционной пропаганде депутата Государственной думы Бадаева» [12].

Вторая прокламация ЦК вызвала более широкий отклик. Черносотенная газета «Русское знамя» 30 августа в одной из своих погромных статей изрыгала на большевиков потоки ненависти. Но как бы ни неистовствовали реакционные силы, большевистская партия продолжала антивоенную агитацию, и в этой работе значительное место уделялось нелегальной печати. Только за первые три с половиной месяца войны (по октябрь включительно), когда в России еще не были широко известны ленинские программные документы *, в тридцати городах страны было издано 78 антивоенных листовок, тираж которых достигал почти 400 тысяч экземпляров [13]. Позиция российских большевиков, изложенная в первых прокламациях, была позицией революционного интернационализма, хотя в ней недоставало еще теоретической ясности и последовательности в оценке создавшегося положения, которые были обретены после получения ленинских документов.

В числе первоочередных задач депутатского состава Бюро ЦК РСДРП было также сохранение чрезвычайно важных материалов, собранных к очередному съезду партии. Помимо мандатов, наказов, адресов к ним относились многочисленные сведения о российской организа-

* Некоторые члены партии и группы были ознакомлены с ленинскими тезисами о войне в конце сентября — октябре, но более широкое распространение идей В. И. Ленина началось после получения № 33 «Социал-демократа» — в начале ноября 1914 г.

ции, численный и именной состав некоторых местных групп, связи, данные о руководящих кадрах, явки, финансовые документы и т. д. Все эти материалы находились на квартире у А. Е. Бадаева. Еще до войны обсуждался вопрос об их нелегальной переправке в Центральный Комитет, чтобы сами делегаты могли ехать на съезд «налегке», не подвергая себя дополнительному риску.

Война сделала невозможным как созыв партийных форумов, так и доставку за границу подготовленных материалов: выезды из России и переписка находились под бдительным наблюдением военной цензуры и «зоркого ока» контрразведки.

Но большевики, особенно в первый месяц войны, не теряли надежды на созыв в недалеком будущем съезда партии, поэтому позаботились о сохранности документов. Оставлять их на старом месте было небезопасно: правительство уже объявило поход против рабочих депутатов, и те в любую минуту могли ожидать нападения полиции на их квартиры. Бадаев вспоминал, что «был момент, когда мы приготовились к тому, чтобы сжечь все находившиеся у нас материалы и документы»[14].

Решили укрыть партийную документацию в надежном месте — в Финляндии, на одной из станций, в двух-трех часах езды от Петрограда. Этим занялись А. Е. Бадаев и М. С. Ольминский, проживавший тогда в Финляндии.

Упаковка и перевозка документов происходила по всем правилам конспирации. Бадаев кружил с поклажей по городу до тех пор, пока не убедился, что запутал следовавших по пятам шпиков. И только тогда переправился в Финляндию. Встретившись с Ольминским в условленном месте, они спрятали документы в лесу под деревом, придавив их камнем, чтобы легче было найти потом.

Но беспокойство за судьбу документов не проходило. Депутаты решили все-таки доставить их в Центральный Комитет. Условились, что это возьмет на себя ЦК Финской социал-демократической партии, имевший сношения с заграницей. Поэтому, выждав некоторое время, Бадаев снова отправился в Финляндию, откопал в лесу документы и отвез их в Гельсингфорс. Алексей Егорович побеседовал с руководящими финскими товарищами об их помощи в организации типографской техники, явок, в восстановлении связей с заграницей. Несмотря на собственные трудности, Финская социал-демократическая партия нашла возможность оказать РСДРП поддержку.

В первые дни и месяцы войны деятельность большевистских депутатов была чрезвычайно широка и целеустремленна. В конце июля Г. И. Петровский и А. Е. Бадаев присутствовали на совещании группы большевиков, состоявшемся на даче К. С. Еремеева в Метсякюле (Финляндия). Речь шла об антивоенной пропаганде. Обсуждался вопрос о необходимости для рабочего движения возобновить издание закрытого перед войной легального журнала «Вопросы страхования». Выполнение этого решения было поручено К. С. Еремееву — опытному правдисту; издание журнала было возобновлено в феврале 1915 года.

К депутатам тянулись нити из многих мест. К ним обращались рабочие с самыми различными просьбами. Так, например, А. Е. Бадаеву пришлось помогать правлению больничной кассы сызранских мукомолов, просивших подыскать им достойного человека на место секретаря кассы, очевидно арестованного при выполнении специального партийного поручения.

Уже к середине августа стало ясно, что хоть и медленно, с большим трудом, но работа большевиков, особенно в столичной организации, начинает оживать. Оправившись после первого разгрома, в Петрограде возрождались партийные кружки и группы. Уцелевшие от арестов и мобилизаций большевики вовлекали в работу новые кадры из молодых рабочих. В условиях строгой конспирации столичная организация обрастала связями и ячейками, воссоздавала районные комитеты, которые направляли своих представителей в ПК. Революционно настроенные пролетарии вновь стали группироваться вокруг больничных касс и других немногочисленных уцелевших легальных организаций. Но теперь уже деятельность партии была направлена главным образом на борьбу с войной и подготовку рабочего класса к антивоенным выступлениям. Как вспоминал А. Е. Бадаев, «все это показывало, что, несмотря на большой натиск реакции, партия продолжала пользоваться влиянием в рабочих массах» [15].

Постепенно восстанавливались местные партийные организации. Чтобы усилить их работу и наладить партийные связи, депутаты еще раз выехали к избирателям. Маршруты этих поездок несколько изменились. М. К. Муранов отправился в крупнейший центр Южного промышленного района — Харьков. А. Е. Бадаев, следуя намеченному до войны плану, поехал сначала в Поволжье,

затем в Закавказье, чтобы помочь восстановлению бакинской организации, разгромленной после летней забастовки. Н. Р. Шагов, как и прежде,— в Центральный промышленный район, на заводы и фабрики Костромской губернии. В столице на этот раз остался председатель большевистской фракции Думы, член ЦК РСДРП Г. И. Петровский.

— Я ездил по России,— говорил Матвей Константинович Муранов,— занимался внедумской деятельностью, организовывал рабочих, излагал перед ними социал-демократические взгляды [16].

Этой задаче — по существу объявить войну не иностранным рабочим, а буржуазии и самодержавию — и были подчинены поездки Муранова в Харьков с первой половины августа до 28 сентября и с 11 по 27 октября, прошедшие весьма плодотворно. Встречаясь с партийными работниками на подпольных квартирах, с рабочими на загородных сходках, Муранов как член Русского бюро ЦК и разъездной агент ЦК РСДРП повсюду проводил большую разъяснительную и организационную работу. Он выступал с докладами о деятельности большевистской фракции Думы с момента объявления войны, рассказывая о тактике партии в новых условиях, о стоящих перед пролетариатом задачах. Решительная критика Мурановым империалистического характера войны нашла отражение в резолюции, принятой на одном из проведенных им собраний большевиков, где война осуждалась как империалистическая и грабительская [17].

Судя только по записной книжке Муранова, у него были связи не менее чем с 90 товарищами, работавшими на заводах и фабриках Харькова и Харьковской губернии. Матвей Константинович вел работу чрезвычайно конспиративно. Это отмечало и Харьковское губернское жандармское управление, сообщавшее в департамент полиции уже после его отъезда: «Муранов — «Мурый» с трудом поддавался наружному наблюдению, но агентурным путем представилось возможным установить его непосредственные связи с большевиками» [18].

В Харькове Муранов предпринял серьезные шаги по сплочению разрозненных кадров партии (в октябре из группы большевиков был создан комитет). Выполнил специальные поручения столичной парторганизации.

Он затратил немало усилий на подготовку выпуска нелегальных листовок. Рассчитывая частично на местную «технику», с помощью которой в июле было издано

первое воззвание Харьковской организации РСДРП, и получив некоторые типографские принадлежности из Петрограда, он счел необходимым выпустить воззвание с протестом против войны и против сбора среди рабочих «добровольных пожертвований» в пользу семей запасных, призванных на действительную службу. На полулисте писчей бумаги печатными буквами от руки был написан текст воззвания. Издать его не удалось из-за арестов 8 сентября всех причастных к этому лиц. М. К. Муранов предполагал также для пропаганды взглядов большевиков организовать выпуск подпольной ежемесячной газеты, которая освещала бы жизнь и революционную деятельность пролетариев Харькова и других городов юга России. Но этим планам также не суждено было осуществиться.

И все-таки в организационном отношении поездка прошла весьма успешно. Большевистские ячейки начали укрепляться, постепенно активизировалась их работа. Налаживалась антивоенная агитация среди пролетарских масс города. Был создан общегородской партийный комитет *. Вновь начался выпуск прокламаций. Установились связи с Петербургским комитетом РСДРП. Вторично возвращаясь из Харькова в Питер в конце октября, Муранов был наделен полномочиями делегата на Всероссийскую партийную конференцию вместе с другим делегатом — В. Н. Яковлевым.

Алексей Егорович Бадаев выехал из Петрограда в середине августа, не замеченный шпиками. Опытному конспиратору удалось запутать охранников. Он вспоминал об этом: «Предварительно покружив по городу, я пешком отправился в лес около станции Обухово. Выйдя на полотно железной дороги, я вскочил на тормоз товарного вагона, который довез меня до станции Любань. В Любани в это время жили Конкордия Самойлова и Юрьев, уехавшие из Петербурга после разгрома партийной организации. Заранее предупрежденные, они встретили меня в условленном месте в лесу и передали уже приготовленный железнодорожный билет. На станцию я явился к самому отходу поезда и, быстро пройдя в вагон, сразу же забрался на верхнюю полку» [19].

Шпики еще долго в недоумении рыскали по городу, а поезд с депутатом набирал скорость, направляясь на юг. Однако, даже оторвавшись от преследования, депутат,

---

* В конце ноября 1914 г. организация была вновь разгромлена.

зная вездесущность охранки, продолжал «заметать следы»: пересаживался с поезда на поезд, с пассажирского на товарный и наоборот, ехал на пароходе и т. д. В Астрахань он прибыл 18 августа. Пробыл в городе сутки, успел провести несколько собраний. Здесь и позднее на Кавказе Алексей Егорович разъяснял цель своей поездки: знакомство с партийной работой на местах, восстановление партийных центров, создание явок для сношения с думской фракцией, получение адресов для корреспонденции и посылки литературы, выяснение отношения местных партийных кругов к созыву съезда партии. На собраниях в Астрахани были также выбраны представители на Всероссийскую партконференцию.

Приехав 21 августа в Баку, Бадаев застал организацию разгромленной. Те несколько дней, которые он провел в городе, были посвящены разработке конкретных мер по оживлению партийной работы. Этот вопрос обсуждался на совещаниях с бакинскими большевиками, в том числе с С. Г. Шаумяном, М. Караизовым, А. М. Стопани, С. Н. Мартыкяном. Бадаев принял участие в разрешении всех вопросов местной партработы. Были восстановлены адреса и явки, выбран представитель на осеннюю партконференцию (туда был делегирован от Тифлиса и бакинской организации П. А. Джапаридзе).

Местная охранка с помощью провокатора все же напала на след депутата. Шпики не давали ему сделать ни шагу. Алексею Егоровичу пришлось отказаться от проведения рабочих массовок, намеченных собраний на нефтяных промыслах и от дальнейшей поездки, чтобы не подвергать опасности находящихся на воле товарищей. Поэтому сорвалось посещение Балахан, Биби-Эйбата, Черного города, а также Тифлиса. Через Ростов-на-Дону и Астрахань в первых числах сентября Бадаев вернулся в Петроград.

Когда закончилась чрезвычайная думская сессия, в Родниках и Тезино Костромской губернии продолжались стачки текстильщиков. Рабочие вновь обратились к Н. Р. Шагову с просьбой о помощи. В эту поездку он отправился с женой.

— Собирайся, Прасковья Семеновна,— сказал ей,— поедем вместе!

Побывав в Нижнем Новгороде, Шагов поехал в Кинешму, затем в Вичугу и Родники. По дороге, в деревне Горкино (Костромская губерния), он беседовал с крестьянами о войне. Очутившись в родных местах, следуя дан-

ному избирателям обещанию, включился в забастовочные дела, встречался с рабочими, участвовал в сходках. Охранники сопровождали депутата буквально по пятам. Об этом вспоминала его жена. Бывали случаи, когда Николаю Романовичу, чтобы встретиться с рабочими без «свидетелей», приходилось назначать свидание на середине большого озера. Раздевшись, он плыл на середину и там или на другом берегу решал с товарищами вопросы, связанные со стачкой. В печати появилась карикатура, изображающая Шагова в озере за беседой с товарищами, а стражника — на берегу с тревожной мыслью: «Что же я сижу у его белья, а он выйдет на другой берег и убежит». Под рисунком стояла подпись «Депутат Шагов на отдыхе» [20].

12 августа Н. Р. Шагов потребовал у костромского губернатора объяснения причин арестов рабочих в Родниках [21]. Он побывал также в Тезино, Клинцево, Скрылове. Находясь на родине, Николай Романович вел переписку с Петроградом. Сохранилось несколько писем к нему Г. И. Петровского и ответных открыток Шагова.

Во время поездок по России рабочих депутатов постоянно окружала свора полицейских ищеек, поэтому они были ограничены в свободе передвижения, в широком общении с подпольем, в участии в собраниях и сходках. Но тем не менее охранка так охарактеризовала их деятельность: «...большевистская часть фракции ленинского направления пошла с протестом против войны в самую гущу рабочего класса и понесла проповедь против империализма и социал-шовинизма в широкую массу русских пролетариев. После начала войны члены большевистской части социал-демократической фракции Государственной думы Муранов, Петровский, Бадаев и другие объехали в целях пропаганды почти всю Россию и устраивали многочисленные рабочие собрания, на которых выносились резолюции против войны» [22].

Несмотря на то что общее направление антивоенной работы большевиков было определено с первых дней войны в соответствии с решениями международных социалистических конгрессов, были решены далеко не все вопросы, как тактические, так и организационные. Партийным организаторам еще не удалось наладить связи с В. И. Лениным, с заграничным Центральным Комитетом. Не были известны в России и руководящие установки

ЦК РСДРП применительно к новой ситуации военного времени.

Ответственная миссия установить первые контакты между Русским бюро ЦК и Центральным Комитетом, доставить в страну разработанные В. И. Лениным партийные документы по вопросам войны, мира и революции пала на одного из большевистских депутатов Государственной думы — Ф. Н. Самойлова.

Федор Никитич находился в это время за границей: по решению Центрального Комитета партии он с января 1914 года лечился в Швейцарии. По дороге туда у Самойлова произошла в Кракове первая встреча с Лениным, оставившая в его жизни неизгладимый след[23]. Восьмимесячное пребывание в Швейцарии не только благотворно повлияло на здоровье Самойлова — депутат иваново-вознесенских и владимирских рабочих довольно близко узнал вождя российского пролетариата, ощутил на себе его заботу и внимание, вел с ним оживленную переписку *.

Забота о Самойлове была возложена на Г. Л. Шкловского — старого члена партии, входившего в период эмиграции в Бернскую секцию большевиков и помогавшего Ленину во многих организационных делах. Владимир Ильич неоднократно писал ему, выражая беспокойство о здоровье депутата: «Самойлов — партийное имущество, и в случае его утраты вся ответственность ляжет на вас, бернских товарищей»[25]. «Во что бы то ни стало надо к осени поставить Самойлова на ноги»[26]. Ленин напоминал об этом и в других корреспонденциях, так как считал необходимым участие Самойлова в работе партийного съезда и международного конгресса[27].

В июле, когда началась война, Федор Никитич вместе с семьей Шкловских находился неподалеку от Берна, в местечке на берегу Тунского озера. К этому времени он уже поправился, окреп и собирался обратно в Россию. Но его планы сорвала разразившаяся война; переезд через германскую и австрийскую границы стал невозможен. Возвращение задерживалось, и этот срок необходимо было использовать, чтобы лично связаться с Лениным для получения инструкций.

* По воспоминаниям Ф. Н. Самойлова, все имеющиеся у него письма были сожжены вместе с другими документами накануне ареста в ноябре 1914 г. Но, к счастью, часть ленинских писем сохранилась. Одно из них включено в 48 том Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Еще три письма (за апрель и июль 1914) вошли в немецкое издание[24].

Владимира Ильича в это время в Швейцарии еще не было. Он находился в Белом Дунайце, где сразу же приступил к разработке тактики партии в новых условиях.

В первый день объявления войны В. И. Ленин обсудил с собравшимися у него на квартире товарищами создавшееся положение. И поставил задачу: найти новые формы и способы партийной работы, восстановить порванные войной связи с партийными организациями в России. Уже тогда возникло убеждение, что война ускорит наступление революции. Узнав об измене вождей крупнейших социал-демократических партий, Ленин спустя неделю после начала войны делает вывод: «Это конец II Интернационала». «С сегодняшнего дня,— заявил он большевику С. Ю. Багоцкому,— я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом» [28].

По ложному доносу с обвинением в шпионаже Владимира Ильича арестовывают и заключают в австрийскую тюрьму в Новом Тарге. Полмесяца вынужденной изоляции не проходят даром: в мозгу Ленина созревает четкая программа действий — как превратить разразившуюся мировую войну в мировую схватку пролетариата с буржуазией.

Вскоре эта программа принимает вполне законченные формы. По прибытии в нейтральную Швейцарию Владимир Ильич пишет свои знаменитые тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», которые тут же излагает на собрании бернской группы большевиков-эмигрантов. Ф. Н. Самойлов, присутствовавший на этом совещании, вспоминал: «Владимир Ильич говорил, что всякие разговоры о защите отечества есть шовинизм и всякая помощь царскому правительству в войне есть прямая измена рабочему классу, что поэтому нам необходимо использовать все военные затруднения царского правительства для самой решительной борьбы с ним; далее он говорил, что нужно во всем мире вести агитацию за превращение империалистической войны в войну гражданскую, что рабочим всех воюющих стран необходимо направить оружие против своей буржуазии и своих правительств» [29].

Ленинские тезисы были приняты в качестве резолюции совещания. В них давалась характеристика войны как империалистической, династической, реальное содержание которой заключалось в борьбе за рынки сбыта и грабеж чужих земель, в стремлении пресечь революционное движение внутри воюющих государств,

разъединить и перебить пролетариев всех стран. Поведение большинства вождей II Интернационала, германской, бельгийской и французской социал-демократических партий оценивалось как измена делу пролетариата и идее социализма, как идейно-политический крах Интернационала, вызванный его мелкобуржуазной оппортунистической основой. Определяя задачи российской социал-демократии, В. И. Ленин считал, что «с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России...»[30] Резолюция выдвигала для социал-демократии лозунг всесторонней пропаганды социалистической революции, борьбы против реакционных и буржуазных правительств и партий (это был по существу лозунг гражданской войны, более четко сформулированный Лениным позднее в манифесте ЦК и на конференции заграничных секций РСДРП). Резолюция призывала к борьбе с шовинизмом и «патриотизмом» во всех без исключения странах. Для России намечалась первоочередная программа действий: борьба с монархией, «проповедь» революции, то есть свержение царизма, борьба за демократическую республику, конфискацию помещичьих земель, введение 8-часового рабочего дня, освобождение и самоопределение угнетенных царизмом народов.

Эти тезисы Ленина, под которыми была для конспирации поставлена подпись «Группа социал-демократов, членов РСДРП», предназначались для обсуждения в России и в других (заграничных) секциях большевиков. Позднее в материалах департамента полиции этот документ будет именоваться «Резолюцией из 7 пунктов».

В. И. Ленин придавал очень большое значение восстановлению связей с Русским бюро ЦК. Наиболее удобным для этого случаем представлялось возвращение в Петроград Ф. Н. Самойлова.

Поездка требовала тщательной подготовки. Не сразу решился вопрос, как безопаснее добираться в Россию: южным путем — через Италию и Грецию или северным — через Архангельск. Возникли денежные затруднения (партийная касса была пуста). В связи с этим Федору Никитичу пришлось задержаться в Берне на две недели. Время, затраченное на подготовку Самойлова к отъезду, было использовано Лениным для обстоятельных бесед с депутатом.

Где и как обсудить «Тезисы о войне»? Как лучше организовать их размножение и рассылку в большевистские организации страны? Каким образом закрепить обсуждение тезисов на местах официальным документом с конкретной программой практических мероприятий, которая стала бы руководством к действию для парторганизаций России? Так как Центральному Комитету, развертывавшему антивоенную деятельность на международной арене, необходимо было опереться на решения партийного форума, то обсуждался вопрос и о созыве конференции в России, на которой были бы представлены важнейшие в стране центры революционного движения. Все эти вопросы, как можно предположить по дальнейшей деятельности депутатов-большевиков, были обговорены между В. И. Лениным и Ф. Н. Самойловым.

Получив ответственное задание вождя — доставить руководящий документ ЦК РСДРП в Петроград, депутат Думы первый проложил путь между заграничным Центральным Комитетом и Русским бюро ЦК*. В конце августа (середине сентября н. ст.) Самойлов наконец выехал из Швейцарии.

Путь в Россию оказался длительным и трудным. С пересадками с поезда на поезд через Италию, пароходом по Адриатическому морю до Греции, потом через Балканские государства. Затем через Прут на лодке до Бессарабии. Наконец — Россия. Ленинские тезисы приближались к пункту назначения.

А пока работа российских партийных групп и организаций велась хотя и на ощупь, но в правильном направлении. Этому способствовали вошедший в плоть и кровь большевиков пролетарский интернационализм, верность антивоенным решениям международных социалистических конгрессов, революционная закалка, полученная в многолетней борьбе с царизмом, органическое неприятие оппортунизма и организационный разрыв с ним. Всем ходом событий на повестку дня была поставлена задача — дать своими силами отпор международному социал-шовинизму.

Европейские оппортунисты вслед за первыми шагами (вотирование военных кредитов, участие в буржуазных правительствах, уход добровольцами в армию) делали

* Несколько экземпляров тезисов были переданы также едущему в Россию сочувствующему большевикам студенту Шейнкману (позднее стал деятельным членом партии, погиб в годы гражданской войны).

новые и шли все дальше по пути предательства пролетарской солидарности. Одним из таких шагов была попытка сбить РСДРП с антивоенной и антиправительственной позиции. С этой целью хотя и неофициально, но, по существу, от имени потерпевшего крах II Интернационала выступил председатель Международного социалистического бюро (МСБ), лидер Бельгийской рабочей партии Эмиль Вандервельде. Он обратился к обеим думским социал-демократическим фракциям России со специальным письмом (точнее, телеграммой, так как текст передавался по телеграфу). Он призывал российских социал-демократов «лишь» к одному — к активному участию в войне с «прусским юнкерством», которое угрожает демократии в Европе. «Свободные нации,— говорилось в письме,— принуждены рассчитывать на военную поддержку русского правительства. В значительной степени от российского революционного пролетариата будет зависеть, чтобы эта поддержка была более или менее решительной»[31].

В этом заключалась суть обращения. И она чрезвычайно импонировала правящим классам России. Поэтому даже в то время, когда были прерваны всякие сношения с другими странами, документ попал в Россию вполне официальным путем. Через русского посланника в Бельгии телеграммой его передали в Петроград, в Министерство иностранных дел, оттуда — в Думу и, конечно, председателю меньшевистской фракции Чхеидзе. Если учесть, что перед получением большевиками «послания» бельгийского министра-социалиста оно уже было опубликовано во многих газетах, то картина заинтересованности правительства в этом документе становится полной.

После прочтения телеграммы большевики были удивлены. Ведь она исходила от социалиста, недавно побывавшего в России, наблюдавшего подъем революционного движения в стране, воочию столкнувшегося с непримиримым антагонизмом между пролетариатом и самодержавием. И вот теперь Вандервельде призывает прекратить борьбу с царизмом и поддержать затеянную им войну! Поэтому, естественно, обращение председателя МСБ к российским социал-демократам с предложением отказаться от лозунга классовой борьбы большевики расценили как вопиющий факт измены и издевательства над пролетариатом[32]. И хотя письмо было адресовано всем думским социал-демократам, большевики решили разработать самостоятельный документ, в котором

последовательнее, чем в совместной декларации от 26 июля, изложить точку зрения сознательного пролетариата России на войну.

Петровский сразу послал Муранову и Шагову письма с просьбой вернуться для выработки ответа Вандервельде. (Бадаев в это время выехал на Кавказ, и его местонахождение было, очевидно, неизвестно.) Но дела задерживали депутатов, и они не смогли откликнуться на просьбу председателя фракции.

Тем временем Петровский вместе с находящимися в Питере большевиками М. С. Ольминским, Н. Н. Крестинским, П. И. Стучкой, А. Н. Винокуровым, К. Н. Самойловой, А. Г. Шляпниковым, А. А. Юрьевым, З. Т. Фаберкевичем (Гневичем), М. Ю. Козловским, Комаровским (Б. Г. Данским) и другими приступил к обсуждению вопроса о телеграмме Вандервельде. У большевиков не было сомнений, что ответ бельгийскому социалисту может быть только отрицательным, что ни о каком заключении «гражданского мира» с царским правительством не может быть и речи, что враг трудящихся — не армия противника, а отечественная буржуазия *. Об этом же писал Петровский московским товарищам 1 сентября 1914 года, отсылая им телеграмму Вандервельде [33].

Первый вариант ответа был составлен Петровским, Стучкой, Крестинским и Радзишевским (Арским). Текст его не сохранился, но, по воспоминаниям Н. Н. Крестинского, главный акцент делался авторами на невозможность для пролетариата той или иной страны (в том числе и для российского) выступать в империалистической войне совместно со своей буржуазией против другого буржуазного государства [34].

Телеграмма, присланная из Бельгии и опубликованная в газетах, широко обсуждалась среди партийных работников. Рабочие на фабриках и заводах многих крупных городов России определяли под руководством большевиков свое отношение к войне, классовой борьбе, к участию в «обороне отечества». Дискуссии происходили в Петрограде, Москве, Харькове, Риге, Саратове, Иркутске и других городах. В одном из писем В. И. Ленину сообщалось: «Письмо Вандервельде читалось и комментировалось очень много» [35].

* Среди присутствующих на встречах были и будущие «оборонцы» А. А Блюм, Н. Д. Соколов, Д. С. Постоловский, Н. И. Иорданский, И. П. Гольденберг, но они высказывались осторожно и остались в меньшинстве.

Составление ответной резолюции харьковских рабочих и социал-демократов происходило при непосредственном участии М. К. Муранова. Получив письмо Г. И. Петровского, Матвей Константинович провел 3 сентября собрание, которое выразило протест министру-социалисту. В резолюции говорилось, что «пролетарии всех стран, в частности и России, исходя из классовой точки зрения и постановлений международных социалистических конгрессов, манифеста Интернационала — резолюции Базельского конгресса (24—25/XI 1912 г.)» могут отнестись лишь отрицательно к предложению Вандервельде оказать активную поддержку правительствам держав, находящихся в состоянии войны с Германией,— считая «это обращение деморализующим и дезорганизующей выходкой недостойного члена рабочей семьи»[36]. По данным охранки, резолюция была отправлена Петровскому.

В прошедших дискуссиях определилось принципиальное содержание ответа Вандервельде. Но Григорий Иванович считал, что члены Бюро ЦК — депутаты Думы должны собраться вместе для окончательной отработки этого важного партийного документа. К началу сентября в Питер вернулся только Бадаев. 5 сентября Петровский отослал письма в Харьков и Родники, вызывая Муранова и Шагова в столицу. «Если Вы поторопитесь,— писал он Матвею Константиновичу,— то застанете нами еще не отосланный ответ Вандервельду на его телеграмму»[37]. В этом же духе составлено и письмо Шагову. Николай Романович, не сумев выехать из Родников, 17 сентября сообщил Петровскому: «По поводу ответа на телеграмму на имя Вандервельде я присоединяюсь заочно и надеюсь, что разногласия у нас в этом не будет, если это скоро будет, а если не экстренно, тогда обсудим»[38].

Не имея возможности собрать всех депутатов, Петровский волновался. По приезде в Питер Муранова и Самойлова он шлет 25—26 сентября еще одно обеспокоенное письмо, очевидно, Шагову (адресат не обозначен): «Конечно, уже ответ Вандервельду запоздал и быть не может своевременно. Мы не могли съехаться и обсудить его. Теперь [получается, что.— *И. Д.*] мы совсем отказались брать на себя ответственность. Дело слишком серьезное, чтобы решиться на это. Если Вы не думаете приехать в ближайшем будущем, то сообщите, но страшно хотелось бы вместе собраться, вопросов много»[39].

В этот же день в Родники летит телеграмма: «Приезжайте. Ждем. Муранов» [40].

Депутаты — члены Русского бюро ЦК возвращаются в Питер *. Среди них — Ф. Н. Самойлов с руководящими документами от Ленина.

По дороге в Петроград Федор Никитич останавливался на несколько дней в Иваново-Вознесенске, рабочие которого избирали его в Думу. После длительного, более чем восьмимесячного отсутствия в России (с начала января по 13 сентября 1914 года) было трудно установить прежние связи, тем более что ослабленная арестами организация находилась в подполье. Но собрание партийцев состоялось, и Самойлов, делая на нем доклад о политическом положении, исходил из ленинских взглядов на вопросы войны, мира и революции. «На собрании выяснилось,— вспоминал он впоследствии,— что, несмотря на почти полную оторванность организации от руководящих партийных центров, иваново-вознесенские товарищи в отношении к войне занимали вполне определенную позицию, выражавшуюся в лозунге «война — войне». Классовым чутьем пролетариев они нащупали правильный путь и стали на него еще в первые месяцы войны. Не хватало только санкции высшего партийного органа, ЦК партии» [41].

С приездом Ф. Н. Самойлова санкция ЦК была получена. Иваново-вознесенская организация, первая ознакомившаяся с тезисами Ленина, почувствовала себя увереннее и повела широкую агитацию за превращение империалистической войны в гражданскую.

По данным охранки, Самойлов находился в городе до 23 сентября, а затем отправился в Питер. Сам он писал: «В 20-х числах сентября я поехал в Петроград и, встретившись там с товарищами по фракции, сообщил им точку зрения ЦК партии по вопросу о происходивших тогда событиях, изложенную в привезенных мною от В. И. Ленина тезисах... Было решено созвать совещание социал-демократической фракции с рядом виднейших партийных работников» [42]. Таким образом, по свидетельству самого участника событий, члены Русского бюро ЦК, оставшиеся на свободе руководящие партийные

---

* Сведений о возвращении к концу сентября Н. Р. Шагова не имеется, хотя он и собирался приехать; возможно, депутат оставался в Родниках до начала октября (по обвинительному акту он значится приехавшим в столицу 6 октября).

работники узнали о взглядах В. И. Ленина не ранее 24 сентября 1914 года.

Как, где и при каких условиях это происходило? История не оставила свидетельств. Однако известно, что буквально через день-два ленинские тезисы, ставшие поворотным моментом во всей дальнейшей работе парторганизаций страны, начали расходиться по России, в частности, дошли до товарищей, живших в Финляндии. Этот документ переписывали от руки, перепечатывали на машинке, передавали из рук в руки, рассылали нарочными, тайной записью в обычных письмах — в общем, распространяли всеми доступными и возможными путями большевистского подполья. Как отмечал представитель ЦК по связи с Россией, тезисы отвечали настроению и мышлению тогдашних большевистских партийных работников страны, которые были согласны с ленинской оценкой характера войны, состояния социалистических партий и всего II Интернационала, с его выводами о борьбе против грабительской войны и превращении империалистической войны в гражданскую [43].

Но вернемся к истории создания, утверждения и пересылки за границу ответа Э. Вандервельде. Подготовленный текст был, безусловно, плодом коллективного творчества. Об этом свидетельствует вариант, составленный к середине сентября в Москве при непосредственном участии П. Г. Смидовича. Часть текста из этого документа прямо вошла в официально подписанное от имени российских большевиков и отосланное бельгийскому социалисту письмо. Таким образом, к приезду Ф. Н. Самойлова — к 24 сентября — ответ Вандервельде был уже составлен. И при встрече депутатов еще раз обсужден.

К началу двадцатых чисел сентября членами Русского бюро ЦК и Петербургского комитета был также решен целый ряд вопросов, связанных с отправкой специального представителя за границу — для связи с Центральным Комитетом партии и установления международных контактов. Этот представитель должен был переправить за рубеж ответ Э. Вандервельде, передать в ЦК деньги, адреса пересылки литературы и обратной корреспонденции. Подходящей кандидатурой оказался А. Г. Шляпников — рабочий-металлист, член РСДРП с 1901 года, проживавший в России нелегально с весны

1914 года по паспорту французского рабочего Жакоба Ноэ *. Срок паспорта истекал в сентябре, и это послужило поводом переезда через границу. Таким образом, не позднее 24 сентября Шляпников выехал из Питера со специальным заданием Бюро ЦК.

Через несколько дней после прибытия Ф. Н. Самойлова в Питер было созвано первое официальное совещание Русского бюро ЦК военного времени с партийными работниками. Оно состоялось 30 сентября — 1 октября 1914 года в Финляндии, в деревне Нейвола, близ станции Мустамяки. Обсуждался текущий момент, определялись ближайшие задачи и тактика партии в связи с войной.

С докладом выступил уполномоченный ЦК по работе с фракцией Л. Б. Каменев. И несмотря на то что почти за неделю до совещания ему уже были известны тезисы Ленина, он не опирался на них, а, абстрактно ставя вопрос о войне, доказывал, что «единственно правильным девизом последовательных марксистов, т. е. большевиков, в настоящее время должен быть лозунг «война — войне». Абстрактными были и тактические положения Каменева **.

Однако члены Русского бюро ЦК направили ход заседания в правильное русло — на обсуждение ленинских тезисов. В целом присутствовавшие одобрили «Тезисы о войне». Следуя советам В. И. Ленина, было решено также созвать через месяц расширенное совещание (а возможно, и конференцию) с представителями наиболее крупных местных партийных организаций. На этой

---

* Во время пребывания в эмиграции (с 1912 г.) Шляпников работал на заводах Франции, Бельгии, Германии и Англии, знал иностранные языки, что сделало возможным приезд его в Россию под чужим именем.

После Октябрьской социалистической революции Шляпников вошел в СНК в качестве наркома труда; затем находился на профсоюзной и хозяйственной работе. В 1920—1922 гг.— организатор и лидер антипартийной группы «рабочей оппозиции». В 1933 г. во время чистки партии был исключен из рядов ВКП(б).

** После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Каменев выступал против курса партии на социалистическую революцию, был против вооруженного восстания.

После Октябрьской социалистической революции занимал ряд ответственных постов. Неоднократно проявлял колебания, выступал против ленинской политики партии. В 1927 г. XV съездом ВКП(б) был исключен из партии, как активный деятель троцкистской оппозиции, затем дважды восстанавливался и вновь исключался за антипартийную деятельность.

конференции предполагалось вновь обсудить «военную» платформу партии, выработать конкретную программу действий, основанную на широком ознакомлении партийных кадров с документами Центрального Комитета.

Одним из важных результатов совещания в Мустамяках стало утверждение окончательной редакции ответа социал-шовинисту Э. Вандервельде. Большевики решительно отметали его предложение о поддержке империалистической войны и прекращении революционной борьбы с правительством, выдвигали задачу всестороннего использования военного кризиса для подготовки революции.

«...Русский пролетариат,— говорилось в ответе,— не может ни при каких условиях идти рука об руку с нашим правительством, не может заключать с ним никаких, хотя бы и временных, перемирий и не может оказывать ему никакой поддержки. Здесь не может быть речи ни о какой пассивности. Напротив, мы считаем своей неотложной задачей вести с ним самую непримиримую борьбу... путем расширения и энергичного развития классовых организаций пролетариата и широких слоев демократии и использования военного кризиса для подготовки народного сознания к скорейшему осуществлению народными массами задач 1905 года... Только таким путем мы сослужим действительную службу и русскому рабочему классу, и всемирной демократии...» [44]

Составленный к этому времени ответ меньшевистской фракции Государственной думы одобрял вхождение социалистов Западной Европы в буржуазные правительства, их политику поддержки войны. Меньшевики заверяли, что «не будут противодействовать» империалистической бойне народов *.

Русскому бюро ЦК необходимо было решить на совещании еще один актуальный вопрос — о тактике поведения пролетариата в новых условиях, а также определить отношение рабочих к различным денежным сборам, способствовавшим, по существу, ведению империалистической войны.

---

* Выражая свое мнение об этом документе, редколлегия газеты «Социал-демократ» отмечала: «Перед лицом того, что происходит вокруг РСДР Фракции (имеется в виду уже произведенный к тому времени арест большевиков-депутатов и готовящийся процесс над ними.— *И. Д.*), перепечатанное выше кредо ликвидаторов ложится особенно тяжким позором на все их направление».— См.: Социал-демократ, 1914, № 34, 5 декабря.

Дело в том, что «благотворительные учреждения» России не прочь были использовать и без того тощий кошелек рабочего, играя на естественном человеческом чувстве сострадания ближнему. Такие «радетели» начали производить через заводоуправления и земства насильственные сборы. Бывали случаи, когда и сами рабочие решали делать ежемесячные процентные отчисления от своей скудной заработной платы. Различные поборы приняли широкие размеры, поэтому листовку с определением характера подобных «пожертвований» собирался, как мы уже знаем, издать в августе — сентябре находившийся в Харькове М. К. Муранов.

На совещании в Мустамяках была принята резолюция, которая исходила из выработанного с первого дня войны положения, что «рабочий класс не может ни в каком виде поддерживать правительство и войну», а следовательно, должен решительно выступать против дополнительных налогов, предлагаемых Думой, и против всяких других сборов в пользу войны — будь то через правительственные или буржуазные учреждения. Единственно правильной классовой позицией, по определению Русского бюро, может быть «лишь политическое давление на командующие классы для обеспечения голодающих семей», а также просветительная работа среди жертв войны «с указанием на необходимость введения 8-часового рабочего дня для рабочих, обеспечения крестьян землей, создания крестьянских и рабочих комитетов для распределения ассигнований из средств государства или земств» [45].

Документ получил распространение среди трудящихся. С ним были знакомы рабочие Петрограда, а в Туле общегородское собрание вынесло принципиальное решение о войне и сборах, совпадающее с резолюцией, принятой в Мустамяках.

На совещании был также обсужден и одобрен текст листовки-обращения ПК РСДРП к рабочим, призываемым в войска. Разоблачение антинародной политики царского правительства, интернационализм по отношению к братьям по классу в других странах, антивоенная направленность обращения еще раз подтверждают правильность позиции, избранной российскими большевиками. В этом документе впервые четко определялась конкретная задача солдатских масс в годы войны: буржуа «дают нам в руки ружья: будем же людьми и воспользуемся этим оружием для того, чтобы завоевать русско-

му рабочему классу новые условия жизни, жизни прекрасной и свободной. Покажем нашим угнетателям и эксплуататорам, что мы — не послушные рабы, покорно подставляющие шею, а сознательные граждане, готовые бороться за свою свободу» [46].

Итак, партийное совещание в Мустамяках приняло важные решения. Но необходим был всероссийский форум, который более широко обсудил бы тезисы В. И. Ленина и на их основе принял новую тактическую платформу. В этом заключалась основная ленинская рекомендация, и Русскому бюро ЦК предстояло при соблюдении максимальной конспирации продолжить подготовительную работу, чтобы созвать конференцию не позднее ноября 1914 года.

А. Е. Бадаев писал: «Совещание должно было наметить пути высвобождения... революционного движения. Рабочий класс только что пережил жесточайший разгром всех своих организаций. Этот разгром еще продолжался, военный террор свирепствовал со все возрастающей силой. Восстановление партийной организации в такой обстановке требовало величайших усилий и огромного организационного напряжения. Кроме того, нужны были и технические средства. В задачи совещания входили все эти основные вопросы партийной работы. Здесь были и вопросы об укреплении связей с местными ячейками, организации партийной работы в армии, устройстве нелегальных типографий, вопросы страховой кампании, выпуска газеты, расширения связи с заграницей, наконец, вопросы финансового порядка и т. п. Словом, на совещании должны были обсуждаться все задачи, стоявшие в порядке дня партийной работы» [47].

За месяц надо было решить много организационных дел и прежде всего обеспечить выборы и явку делегатов от наиболее крупных партийных организаций страны, с которыми фракция восстановила связи. Этой работой вплотную занимались Г. И. Петровский и А. Е. Бадаев в Петрограде, М. К. Муранов в Харькове и Ф. Н. Самойлов в Иваново-Вознесенске.

К первым числам ноября основная часть делегатов уже собралась. От столичной организации на конференцию были делегированы члены ПК Н. К. Антипов и И. Я. Козлов, от харьковских рабочих прибыл В. Н. Яковлев, от ивановововознесенцев — рабочий И. А. Воронин, от Социал-демократии Латышского края — Ф. В. Линде.

Не все сумели обмануть бдительность охранки и пройти через густую сеть шпиков. Кое-где произошли провалы, сказались технические трудности. Сорвалась поездка на конференцию тульского делегата, из-за отсутствия средств не смог выехать из Сызрани делегат А. Ананьев. Представитель тифлисской и бакинской организаций П. А. Джапаридзе, сопровождаемый филерами, был арестован уже в самом Питере, на Финляндском вокзале. Поэтому вместо намеченной конференции было проведено всероссийское совещание.

От Москвы на него должен был приехать А. Романов (провокатор «Пелагея»). Но чтобы «сохранить агентуру», московская охранка не санкционировала поездку, однако с помощью провокатора смогла определить срок начала конференции *.

Совещание готовилось не только организационно. Тщательно продумывались теоретические вопросы. Обмен мнениями вокруг ленинских тезисов о войне происходил, в частности, на двух октябрьских хорошо законспирированных совещаниях в Финляндии. Вместе с Г. И. Петровским и А. Е. Бадаевым в них приняли участие К. С. Еремеев, М. С. Ольминский, Демьян Бедный и другие.

Делалось также все возможное для установления тесных контактов с заграничным Центральным Комитетом и лично с В. И. Лениным. Почти сразу же после отъезда Шляпникова за границу при его участии завязалась регулярная переписка ЦК с Россией. За три недели — к середине октября 1914 года — Русскому бюро ЦК было выслано из Стокгольма четыре письма с различными документами и обзором заграничных дел. В письме от 23 октября Г. И. Петровский поблагодарил представителя Русского бюро в Швеции за важную информацию и сообщил о посылке денег Владимиру Ильичу для ведения партийной работы. И, наконец, 25 октября (7 ноября)

* Чтобы узнать точное время открытия совещания, Романов 1 ноября 1914 г. телеграфировал Муранову в Петроград: «Сегодня выехать нельзя, могу быть во вторник или среду; не поздно ли, телеграфируй». В ответ была получена телеграмма: «Оставайтесь дома». Так московская охранка поняла, что совещание началось или должно вот-вот начаться, сообщила об этом департаменту полиции, и тогда уже пришло в активное действие Петроградское охранное отделение и его агент В. Е. Шурканов, знавший о месте встречи. Охранка не допустила на совещание своих агентов Романова и Шурканова, чтобы не осложнять этим его ликвидацию и постановку судебного процесса.

А. Г. Шляпников уведомил Ленина об отправке в Россию всех полученных от него писем и нескольких экземпляров только что вышедшего в свет № 33 «Социал-демократа». Это имело особое значение, так как в газете был опубликован манифест ЦК о войне. Владимир Ильич тотчас отреагировал: «Очень рад был вести от Вас, что ЦО получен и пойдет куда следует»[48]. Таким образом, не прошло и недели с момента выхода газеты, как она уже попала в Россию.

Из многих способов конспиративной доставки подпольной литературы на этот раз в качестве тайника использовалась обувь. В вырезанную пустоту каблуков и подошвы были вложены письма и несколько экземпляров возобновленного 19 октября (1 ноября) 1914 года Центрального Органа РСДРП — газеты «Социал-демократ». Обувь была немного обношена и в таком виде отправлена в Россию. С парой привезенных окольными путями из-за рубежа ботинок пришла к Петровскому женщина-латышка буквально накануне совещания. Григорий Иванович сразу же написал ответное письмо (на почтовом штемпеле стояла дата 3 ноября). «Сегодня получил,— говорилось в нем,— Вашу открытку, а вчера закрытые письма. Премного за все благодарим... Критика Ильича очень метка, а положения отвечают действительно полному размаху европейского масштаба»[49].

Члены Русского бюро смогли ознакомиться, принять к сведению и руководству важнейший программный документ — манифест Центрального Комитета РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанный Владимиром Ильичем Лениным. К началу ноября в России были известны не только ленинская характеристика развязанной империалистами войны, но и четко сформулированные основные теоретические и тактические положения по вопросам войны, мира и революции[50]. Кроме того, в распоряжении членов Русского бюро к началу совещания были ленинские тезисы о войне, брошюры «Программа и устав РСДРП», «Всероссийская конференция РСДРП 1908 г.», «Всероссийская конференция РСДРП 1912 г.», «Извещение и резолюции летнего 1913 г. совещания ЦК РСДРП с партийными работниками» и другая партийная литература. Российские большевики собирались во всеоружии решать сложные задачи, вставшие перед ними в условиях военного времени.

Конец депутатской «неприкосновенности»

Первоначально всероссийское совещание предполагалось созвать в Финляндии — наиболее безопасном и отдаленном месте. Но организация дела требовала оперативности и большей мобильности. Поэтому с соблюдением условий конспирации начали подыскивать помещение в дачном пригороде Петрограда. Квартиру нашли в 12 верстах от столицы — в Озерках, в одном из уединенных домов, окруженном пустующими (в зимнее время) дачами. Удобство состояло в том, что сюда можно было попасть по железной дороге, на городском трамвае и через Неву. Во флигеле дома проживал конторщик завода «Парвиайнен» А. Гаврилов, жена которого, непричастная к революционному движению, согласилась предоставить квартиру для проведения совещания во время дежурства мужа на заводе.

Делегатам были сообщены петроградские явки и пароли. Но чтобы избежать любых случайностей, было условлено, что до начала совещания прибывавшие с мест делегаты не станут встречаться с членами фракции. Когда же выяснилось, что большинство участников приехало, открытие назначили на 2 ноября.

До Озерков добирались с чрезвычайной осторожностью, сбивая возможное преследование шпиков. Бадаев вспоминал: «Я вышел из дому рано утром и отправился за город в противоположном нужному мне направлении. Запутав шпиков, я подошел к Неве, быстро сел в лодку и перебрался на другой берег. Это был один из обычных способов отбиться от шпиков, так как вторую лодку было не так просто найти. На той стороне я вошел в лес и, снова несколько раз меняя направление, наконец, дошел до места совещания» [1]. Приблизительно такой же путь проделал и Петровский.

Вечером 2 ноября в одной из уединенных комнат флигеля с завешенными одеялами окнами открылось всероссийское совещание партийных работников. Председателем избрали Г. И. Петровского, секретарем — В. Н. Яковлева. Начали с положения дел на местах. Каждый из приехавших сделал сообщение о состоянии и деятельности партийных организаций в своем районе, о настроениях рабочих и революционном движении в регионах. По докладам принимались решения, которые В. Н. Яковлев записывал в протокол. К началу совещания было полу-

чено письмо из Тулы с обстоятельным докладом о работе партийной организации города. В целом картина по стране не была отрадной: сказывались последствия разгрома партийных организаций накануне и в начале войны.

2 ноября был также рассмотрен и утвержден представленный Бадаевым* текст прокламации к студенчеству от имени Петербургского комитета РСДРП. По характеристике самого Алексея Егоровича, «завершая определенный период партийной работы, прокламация к студенчеству наглядно показывала, как последовательно формулировалась позиция нашей организации по отношению к войне. От первых листовок, в которых выдвигались лишь отдельные короткие лозунги против войны, мы уже перешли к сравнительно обстоятельному анализу войны и определенным выводам из этого анализа»[2].

Листовка выходила за рамки национальных задач. В ней говорилось: «Мы должны бороться со всеми правительствами, эта борьба и есть наша борьба с милитаризмом, с узаконенным грабежом и разбоем. Уничтожение существующих разбойничьих династий Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов есть уничтожение милитаризма»[3]. Прокламация звала к борьбе со своим империалистическим правительством и к подготовке в России революции. Охранка, приписывая авторство листовки Бадаеву, характеризовала ее как документ «возмутительного содержания», с явным призывом к новой российской революции.

На следующий день участники совещания приступили к обсуждению основного вопроса — тактической платформы партии. На протяжении двух дней (3 и 4 ноября) шло всестороннее рассмотрение всех аспектов этой платформы. Основными документами, которыми руководствовались участники форума, служили ленинские тезисы о войне и манифест ЦК «Война и российская социал-демократия», а также другие материалы, опубликованные в № 33 «Социал-демократа». В обсуждении ленинских тезисов о войне участвовали все делегаты. Дискуссия показала единодушие российских большевиков с заграничным ЦК РСДРП. Диссонансом прозвучало только выступление Каменева. Он сделал несколько замечаний к тезисам, заявив о своем неполном согласии с ними.

* В своих ранних воспоминаниях Бадаев сообщал, что текст листовки составил его личный секретарь студент Степан Шаумян, который вскоре был арестован и выслан.— См.: Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 90.

Ленинские документы способствовали окончательной выработке антивоенной платформы РСДРП и всего международного пролетариата. И теперь перед российскими большевиками встала не менее важная задача — воплотить ленинские идеи в жизнь, широко распространить их по стране. Поэтому на совещании в Озерках выдвигались практические предложения, продумывались организационные мероприятия по развертыванию в массах антимилитаристской пропаганды, подготовке к предстоящим решающим боям с царизмом.

Напряженно работая, участники всероссийского партийного совещания более двух суток провели в дачном флигеле, казалось бы наглухо отгороженном от внешнего мира. Ночевали на стульях, на полу — на тюфяках. Были твердо уверены, что конспирация соблюдена и никто не обнаружит их местопребывания. Однако судьба собравшихся была уже предрешена. Правительственные органы «государственной безопасности» знали о цели совещания, его месте и днях работы *. Мобилизовав силы, поставив на ноги большое количество филеров и жандармерии, охранка предприняла разбойничий налет на дом Гавриловых.

В 5 часов вечера 4 ноября, когда уже практически были закончены все дела и участники совещания, спокойно беседуя, пили чай, раздался громкий стук. Затем с грохотом упала сорванная с петель дверь, загудели голоса в прихожей и в комнату ворвался отряд полиции и жандармов.

— Руки вверх! Ни с места!— скомандовал жандармский ротмистр с револьвером в руке и предъявил ордер на обыск и арест собравшихся.

Депутаты заявили решительный протест:

— Ни обыскивать, ни арестовывать нас мы не позволим! Как члены Государственной думы мы пользуемся депутатской неприкосновенностью. Без особого разрешения никто не вправе подвергнуть нас обыску или задержанию. Полиция совершает беззаконие, которое ей даром не пройдет.

* В октябре были поставлены на ноги жандармские управления в тридцати трех российских городах. Слежка производилась чуть ли не за каждым из возможных участников совещания. Сначала полицейские силы были сконцентрированы в Финляндии, где, как предполагалось, будет собран партийный форум. Но место совещания выдал провокатор В. Шурканов, присутствовавший на организационном собрании Бюро ЦК, где решался этот вопрос. А о времени работы, как уже говорилось, охранку предупредил провокатор А. Романов.

Отделив депутатов от остальных задержанных, ротмистр заколебался. Выбежал, чтобы получить дополнительные инструкции у начальства. Воспользовавшись этим, депутаты смогли, выходя в туалет, избавиться от наиболее компрометирующих документов *. Жандармское руководство распорядилось ни для кого не делать исключения. Толпа околоточных, городовых и стражников двинулась к депутатам, окружила их и приступила к обыску. Сначала были обысканы Самойлов, Шагов и Бадаев, затем Петровский и Муранов. У них отобрали все — вплоть до часов и перочинных ножей.

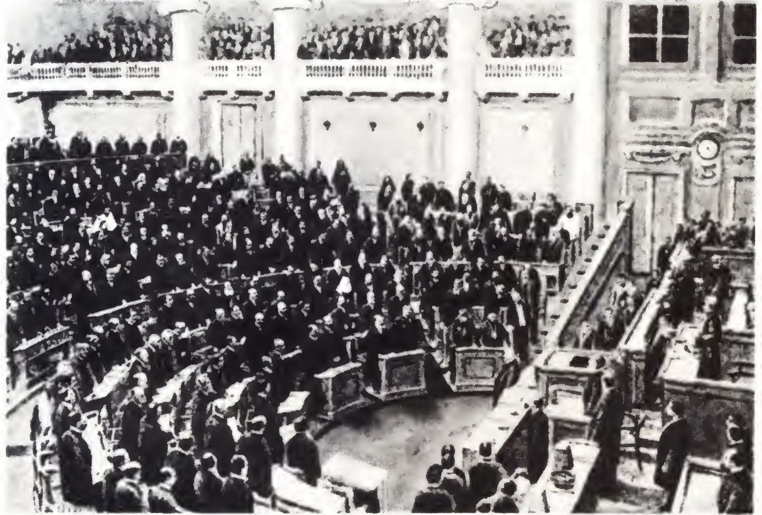
С арестом депутатов опять произошла заминка. Не имея точных инструкций, полицейский офицер снова бегал для телефонных переговоров с начальством. Отсутствие категорических распоряжений привело к тому, что, когда всех участников совещания под конвоем отправляли в тюрьму, депутатам вернули их личные вещи (изъятые документы оставались у полицейских) и объявили каждому в отдельности, что они могут отправляться по домам. Вся эта процедура нарушения депутатской неприкосновенности и пока еще временного лишения их личной свободы заняла около полусуток.

Возвращались депутаты по домам под утро, часа в четыре, 5 ноября. Несмотря на то что было еще темно и шоссе освещалось только редкими тусклыми фонарями, они чувствовали, что весь район, прилегающий к месту совещания, обычно глухой и безлюдный, теперь наводнен полицейскими. Шпики, не скрываясь, бесцеремонно окружили депутатов, влезли за ними в трамвайный вагон и «проводили» до квартир.

Надежда на депутатскую неприкосновенность еще не полностью покинула членов большевистской фракции. Но они уже понимали, что от правительства можно ожидать всякого. Поэтому поспешили рассказать о случившемся кондукторам трамвая с просьбой сообщить рабочим. Поэтому же, вернувшись домой, сразу приступили к чистке архивов. В затопленные печи полетели бумаги, которые могли скомпрометировать фракцию и провалить

* Были выброшены протокол совещания, записная книжка М. К. Муранова с адресами и явками и все относящиеся к созыву совещания материалы. В руки полиции не попал ни один документ, из которого можно было бы установить, что представляло собой собрание в Озерках. Однако часть материалов, свидетельствующих о революционной деятельности депутатов-большевиков, уничтожить не удалось, и они были отобраны полицией.

Таврический дворец
в Петрограде —
место заседаний
IV Государственной думы.

Открытие 1-й сессии
IV Государственной думы
15 ноября 1912 года.

Г. И. Петровский,
Н. Р. Шагов,
А. Е. Бадаев
(слева направо) —
члены IV Государственной
думы.

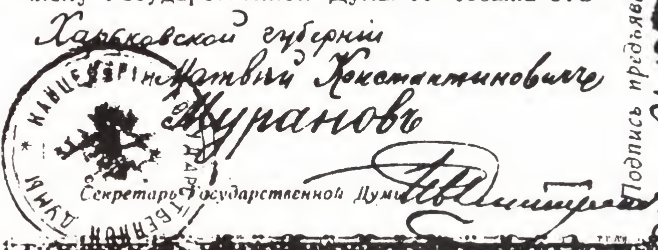

Обложки дел
депутатов Думы.

БИЛЕТЪ № 215

выданъ изъ Канцеляріи Государственной Думы
члену Государственной Думы IV созыва отъ
Харьковской губерніи
Матвѣй Константиновичъ
Мурановъ
Секретарь Государственной Думы

Подпись предъявителя билета
М. К. Мурановъ

Канцелярія Государственной Думы

Пристав выводит
из зала заседаний Думы
большевика Петровского
22 апреля 1914 года.

Билет
депутата-большевика
М. К. Муранова.

НАЧАЛЬНИКЪ
АСТРАХАНСКАГО
ГУБЕРНСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ

25 Августа 1914 г.
№ 42[illegible]
г. Астрахань

[illegible] делопроизвод-
[illegible]

Секретно.

[illegible]

Мною получены агентурныя свѣдѣнія, что [illegible]-го сего Августа неожиданно пріѣхалъ въ Астрахань членъ Государственной Думы извѣстный БАДАЕВЪ и что подъ его предсѣдательствомъ состоялось собраніе мѣстныхъ представителей Россійской Социалъ-Демократической Рабочей Партіи, посвященное вопросу о [illegible] съѣздѣ членовъ этой партіи.

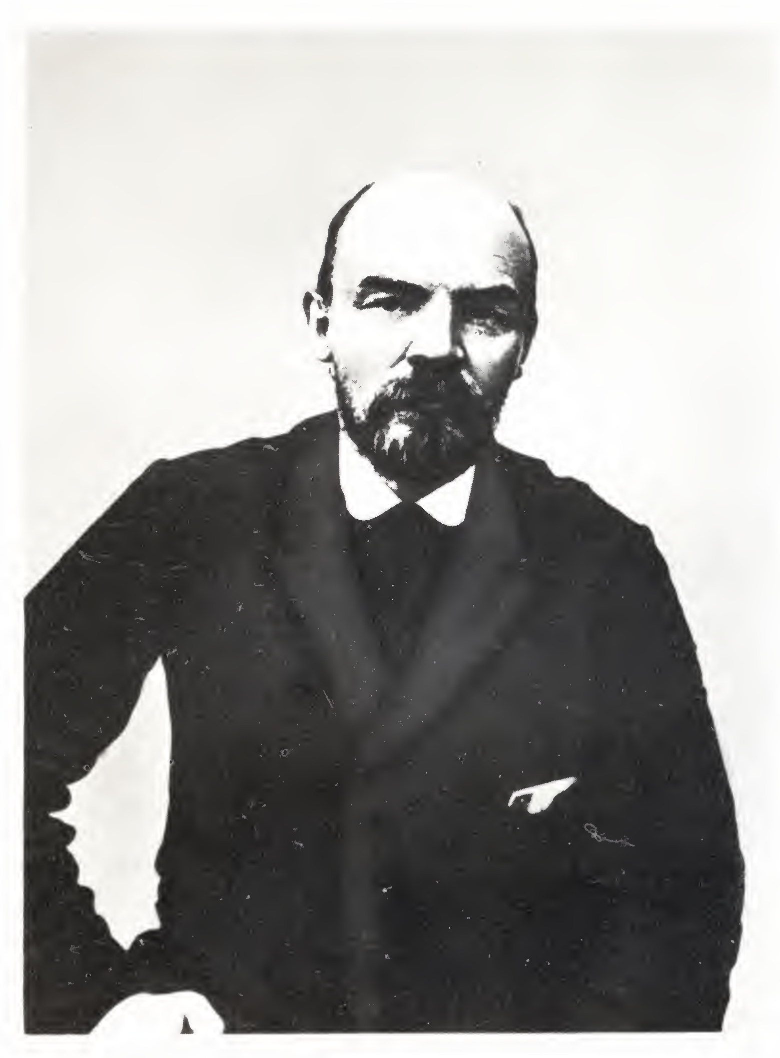
Въ виду нѣсколько поздняго поступленія ко мнѣ означенныхъ свѣдѣній, не представилось возможнымъ установить наблюденіе за БАДАЕВЫМЪ и лишь о выѣздѣ его въ Баку было телеграфировано Начальнику Бакинскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія 2[illegible]-го сего Августа за № 4180.

Объ изложенномъ докладываю Вашему Превосходительству для свѣдѣнія. Подробности пребыванія БАДАЕВА въ Астрахани разрабатываются.

Полковникъ [illegible]

ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦІИ.

Донесение начальника
губернского жандармского
управления о пребывании
А. Е. Бадаева в Астрахани.
25 августа 1914 года.

В. И. Ленин
в 1914 году.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ РОССІЙСКОЙ

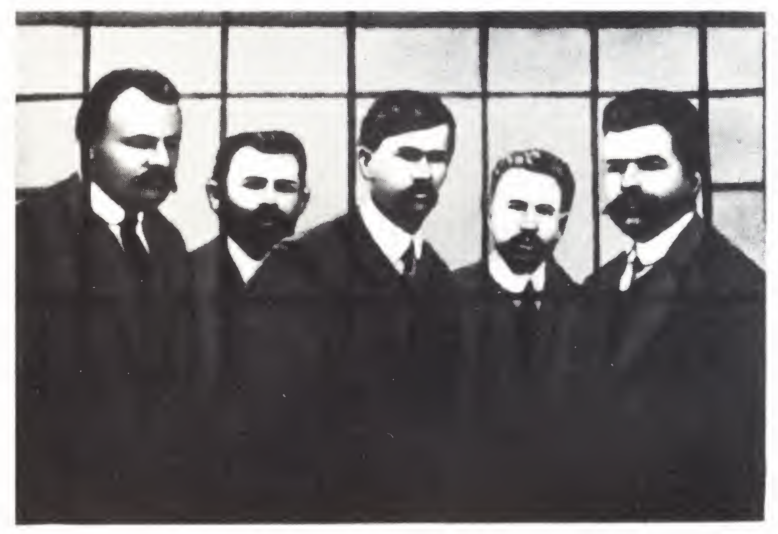
№ 33.

Противъ теченія!

ВОЙНА И РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

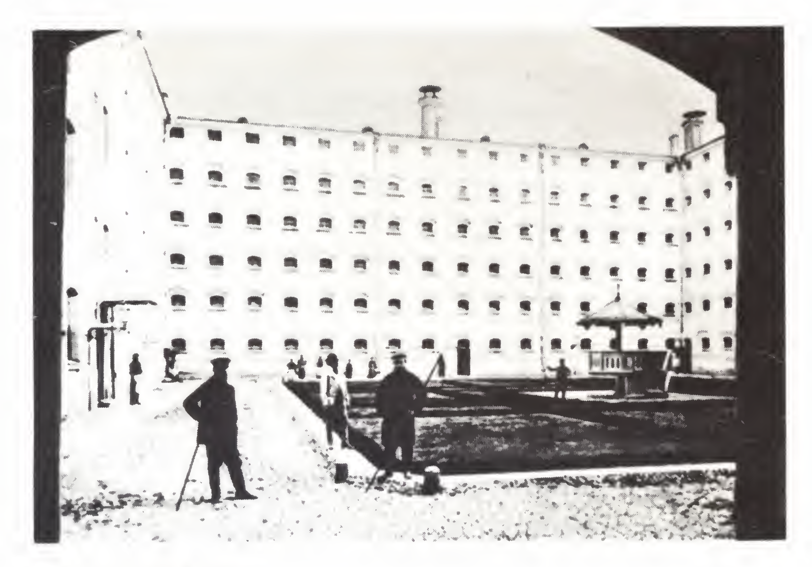
Статья В. И. Ленина «Война и российская социал-демократия», опубликованная в газете «Социал-демократ» № 33, ноябрь 1914 года.

Рукопись В. И. Ленина — вступление к тезисам «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». Август 1914 года.

Дом в Озерках,
где проходило
Всероссийское
совещание
большевиков
2—4 ноября
1914 года.

Депутаты
Государственной думы
за тюремной решеткой.
Фотография,
распространявшаяся
в России и за границей
накануне суда.

Петроградский Дом
предварительного заключения,
где содержались депутаты
с 5 ноября 1914 года
по 4 июня 1915 года.

Россiйская Соц.-Дем. Раб. Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ!

На дняхъ будетъ судъ надъ рабочими депутатами. Правительство хотѣло обвинить ихъ въ измѣнѣ и напечатало свою клевету въ газетахъ—это дѣло сорвалось. Военному суду хотѣло предать, но верховные заправи… лы теперешней рѣзни, обозвавъ министровъ дураками рѣшили, что расправляться по военному съ предст… вителями рабочихъ, переполняющихъ армію, это зн… чить сѣять своими руками возмущеніе. И нашихъ д… путатовъ будетъ судить судебная палата.

Обвиняютъ ихъ по 102 статьѣ, за принадлежно… къ Соціаль-демократической партіи. Только всего.

Но по этой статьѣ полагается до восьми лѣтъ … торги. Соціальдемократическіе рабочіе депутаты … дутъ въ каторгу только за то, что принадлежали … своей рабочей партіи,—только за то, что были … ствительно соціальдемократическими депутатами.

Они слишкомъ намозолили глаза правительст… буржуазіи.

Вспомните послѣдніе два года. Кто въ Думѣ … отстаивалъ рабочіе интересы? Кто больше всѣхъ … покоилъ министровъ запросами о беззаконіяхъ в… Кто разслѣдовалъ взрывы на пороховыхъ заво… въ угольныхъ шахтахъ? Кто мѣшалъ гулять … скому кулаку при похоронахъ рабочихъ и при … страціяхъ? Кто собиралъ пожертвованія для … давшихъ товарищей? Кто издавалъ газету „Пр… „Пролетарская Правда"? Кто протестовалъ … убійства и увечья милліоновъ людей на войн… Все они, все рабочіе депутаты. И за это … пойдутъ въ каторгу.

Вся буржуазія рада, что ихъ закуютъ въ … Когда ихъ арестовали, кадеты въ „Рѣчи" ст… нистрамъ:—Не бойтесь закатайте ихъ; вѣдь т… стоятъ за войну и за правительство; арестъ … депутатовъ дѣло не серьезное. А трудовики … Чхеидзе какъ будто сразу оглохли и онѣмѣ…

Кто же можетъ защитить теперь рабочихъ де… товъ? Только тѣ, кто ихъ избралъ, кто ихъ поддер… валъ. Только пролетаріатъ можетъ защитить … только Онъ можетъ показать, что судъ надъ ни… дѣло серьезное и что оно не можетъ пройти так… и гладко, какъ хотѣли бы охранники, министры … боралы. Въ особенности рабочимъ Петрограда … молчать, нельзя откладывать свое выступленіе … шаго будущаго. Передъ судомъ и въ день са… они должны выступить, чтобы повліять на с… правительство.

Черезъ тюремныя стѣны привѣтъ товар… татамъ, нашимъ стойкимъ борцамъ!

Да здравствуетъ революція! Долой …
Долой царскую монархію!
Да здравствуетъ демократическая …
Да здравствуетъ соціализмъ!

Петербургскій ко…
Россійской Соц.-Дем.

Российская Социал-Демократическая … Партия

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Товарищи!

В ночь 4-го ноября свершилось ужасное злодеяние. Правительство Николая Кровавого попрало своими ногами неприкосновенность депутатской личности, арестовав рабочих депутатов Госуд. Думы Муранова, Шагова, Бадаева, Петровского, Самойлова.

Товарищи! Мы не можем и не должны молчать … царского правительства, которое обманывает народ … призывая их к единению с царем … для защиты отечества, а в это же время … продолжает свою грязную и … работу, давя всякие проявления свободы. Издевательствам над народом и его избранниками мы должны всеми положить конец.

Товарищи! Мы в массе своей сила … встать на защиту своих прав!

Харьк. Организация Рос. С.-Д. Раб. Партии призывает вас единодушной забастовкой протеста 14-го ноября, дать отпор зарвавшемуся … врагу.

Да будет этот протест сигналом наступления … Революции!

Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія

Товарищи! …

…однодневной забастовкой и сходками протеста в среду 12 ноября.

Ком. с.-д. фракций Высших Учеб. Зав. Петрограда.

Петроград, Ноябрь …

Да здравствует социализм!

Большевистские листовки, изданные в разных городах России в связи с арестом и судом над депутатами.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ

ЧТО ДОКАЗАЛЪ СУДЪ НАДЪ Р.С-Д.Р. ФРАКЦІЕЙ?

Царскій судъ надъ пятью членами Р. С-Д. Р. Фр. и шестью другими с. д., захваченными на конференціи подъ Питеромъ 4-го ноября 1914 г., окончился. Всѣ приговорены къ ссылкѣ на поселеніе. Легальныя газеты помѣстили судебные отчеты, изъ которыхъ цензура вырѣзала мѣста, непріятныя царизму и патріотамъ. Расправа съ „внутренними врагами“ проведена быстро, и на поверхности общественной жизни опять не видно и не слышно ничего кромѣ бѣшенаго воя тьмы буржуазныхъ шовинистовъ да подпѣванія ему горстокъ соціалъ-шовинистовъ.

Что же доказалъ судъ надъ Р. С-Д. Р. Фр.?

Во-первыхъ, онъ показалъ недостаточную твердость на судѣ даннаго передового отряда революціонной с-д-тіи Россіи. Подсудимые преслѣдовали цѣль затруднить прокурору раскрытіе того, кто былъ членомъ Ц. К. въ Россіи и представителемъ партіи въ извѣстныхъ сношеніяхъ ея съ рабочими организаціями. Эта цѣль достигнута. Для достиженія ея и впредь долженъ быть примѣняемъ на судѣ давно и оффиціально рекомендованный партіей пріемъ — отказа отъ показаній. Но стараться доказать свою солидарность съ соціалъ-патріотомъ г. Іорданскимъ, какъ дѣлалъ тов. Розенфельдъ, или свое несогласіе съ Ц. К., есть пріемъ неправильный и съ точки зрѣнія революціоннаго с-д. недопустимый.

Замѣтимъ, что по отчету „Дня“ (№ 40) — оффиціальнаго и полнаго отчета о судѣ не имѣется — тов. Петровскій заявилъ: „Въ тотъ же періодъ времени (въ ноябрѣ) я получилъ резолюцію Центральнаго Комитета... и кромѣ того мнѣ были представлены резолюціи рабочихъ изъ семи пунктовъ объ отношеніи рабочихъ къ войнѣ, *совпадающія съ отношеніемъ Центральнаго Комитета*“.

Это заявленіе дѣлаетъ честь Петровскому. Шовинизмъ кругомъ былъ очень силенъ. Недаромъ въ дневникѣ Петровскаго имѣется фраза о томъ, что *даже* радикально-настроенный Чхеидзе съ воодушевленіемъ говоритъ объ „освободительной“ войнѣ. Этому шовинизму депутаты Р. С. Д. Р. Ф. давали отпоръ, когда они были на волѣ, но отгородиться отъ него было ихъ задачей и на судѣ.

Кадетская „Рѣчь“ холопски „благодаритъ“ царскій судъ за то, что онъ „разсѣялъ легенду“ о томъ, что с. д. депутаты желали пораженія царскимъ войскамъ. Пользуясь тѣмъ, что с-д. въ Россіи связаны по рукамъ и ногамъ, кадеты дѣлаютъ видъ, будто принимаютъ въ серьезъ мнимый „конфликтъ“ между партіей и фракціей, увѣряя, что подсудимые давали свои показанія совсѣмъ не страха ради судейска. Какіе невинные младенцы! Они будто бы не знаютъ, что въ первую стадію дѣла депутатамъ угрожали военнымъ судомъ и смертной казнью.

Т-щамъ надо было отказаться отъ показаній по вопросу о нелегальной организаціи и, понявъ всемірноисторическій моментъ, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложенія с-д. взглядовъ, враждебныхъ не только царизму вообще, но и соціал-шовинизму всѣхъ и всяческихъ оттѣнковъ.

Газета «Социал-демократ» № 40
от 29 марта 1915 года
со статьей В. И. Ленина
«Что доказал суд
над РСДР Фракцией?».

Члены большевистской фракции
в Туруханской ссылке.
Лето 1915 года.
На фотографии надписи
на немецком, французском
и английском языках.

Дом, в котором жил
Я. М. Свердлов
в селе Монастырском,
где проходило совещание
Русского бюро ЦК.
Июль 1915 года.

Группа большевиков
в Туруханской ссылке. 1915 год.
Сидят (слева направо):
К. Т. Свердлова с сыном Андреем,
Г. И. Петровский, Я. М. Свердлов.
Стоят: С. С. Спандарян,
Ф. Н. Самойлов, И. В. Сталин,
В. Н. Сергушева, В. Н. Яковлев,
А. Е. Бадаев, Ф. В. Линде,
Н. Р. Шагов.

Н. Р. Шагов с женой
Прасковьей Семеновной
и сыном Витей.

28/XII

№ 26

ПЕТРОГРАДЪ

Дорогая Доминка.
Отсюда изъ сурова-
го края шлю тебѣ
сегодня самый нѣж-
ный и любящій привѣтъ.
въ день твоихъ имянинъ.
да ты собственно теперь
всегда именинница, бла
годаря твоимъ безпредѣль-
нымъ усиліямъ, но я еще
немало лучшаго и желаю много и горячо. Твой Гриша.

Петровской.
Домны Федоровны
Кирилловская ул 14. к 16
Петроградъ

Г. И. Петровский с женой Доменикой Федоровной.

Письмо
Г. И. Петровского
жене из ссылки
28 декабря 1916 года.

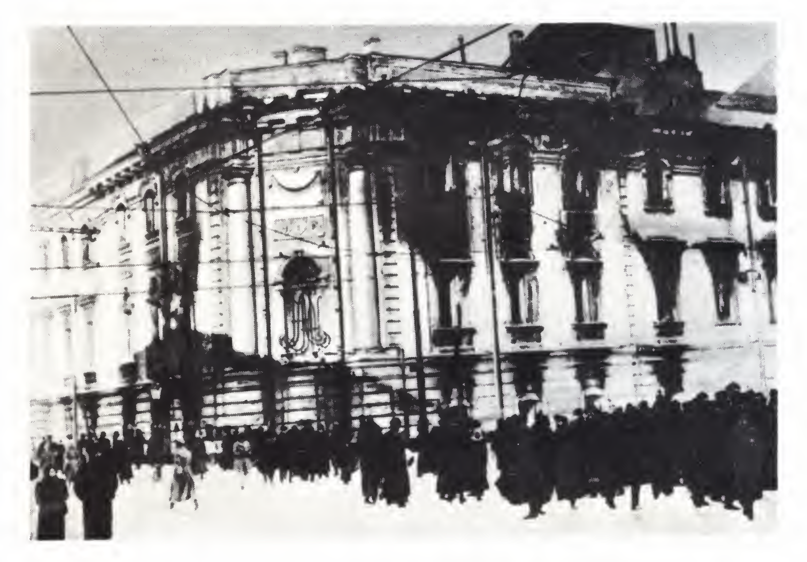
Рейсовый пароход «Север». Почтовая открытка тех лет.

Якутский этап. 1916 год. В группе ссыльных — Г. И. Петровский (третий слева в первом ряду).

Петроград.
Февраль 1917 года.
Баррикады на Литейном проспекте.

Обгоревшее здание департамента полиции.

всю организацию: ведь квартиры депутатов считались до сих пор безопасным местом и там хранились наиболее важные партийные документы — списки явок, адресов, фамилий, письма, отчеты, приходно-расходные тетради с записями поступавших во фракцию денежных сборов, алфавитные книги и т. д. Если бы эти материалы попали в руки полиции, сотни партийцев оказались бы в тюрьме и на каторге.

Утром 5 ноября на квартире А. Е. Бадаева состоялось заседание фракции. Пришли к выводу: как можно шире осведомить обо всем рабочие массы и обратиться в президиум Думы с требованием принять меры против произвола полиции. Приняв решение, двинулись к Таврическому дворцу; шпики опять следовали по пятам.

Председатель Государственной думы Родзянко, выслушав Петровского и Бадаева, высказал «сожаление по поводу всего происшедшего». В ответ на требование привлечь к ответственности виновных в нарушении закона о депутатской неприкосновенности Родзянко обещал принять «все зависящие от него меры». На столе председателя осталось лежать официальное заявление, подписанное рабочими депутатами, в котором президиум Думы информировался об учиненном насилии — нарушении прав депутатов, изложенных в 15-й статье Положения о Государственной думе.

Большевики постарались также как можно шире оповестить о случившемся депутатов других фракций. Самойлов и Муранов успели проконсультироваться с юрисконсультом фракции Н. Д. Соколовым, который не почувствовал реально нависшей над депутатами угрозы и выразил надежду, что правительство «не посмеет» нарушить депутатскую неприкосновенность.

Буквально по следам депутатов шли шпики, и это не давало возможности установить контакты с рабочими. Никогда еще полицейские агенты не вели себя столь нагло. По образному выражению Бадаева, «они, как хищные звери, уже лизнувшие крови, кружились вокруг нас в ожидании, когда им будет разрешено окончательно растерзать жертвы. Охранка, два года преследовавшая большевистскую фракцию, с нетерпением ждавшая момента, когда ей представится случай с нами разделаться, теперь торжествовала победу. И это победоносное настроение отражалось на лице каждого шпика, каждого охранника. Кольцо полицейских преследований все более и более сжималось. Круг замыкался» [4].

И действительно, атмосфера становилась все более напряженной. Трудно было сосредоточиться, хоть на какое-то время избавиться от слежки, обстоятельно продумать и обсудить план дальнейших действий. Ясно, что до ареста оставались считанные часы, если не минуты. И теперь важным для каждого было не дать застать себя врасплох, сохранять мужество и выдержку, по мере возможности освободиться от всего, что могло бы послужить дополнительным поводом для обвинения в незаконной нелегальной деятельности.

Поздно вечером 5 ноября 1914 года по распоряжению министра внутренних дел Маклакова, одобренному Николаем II, члены большевистской фракции IV Государственной думы были лишены свободы. Арест производился у каждого на квартире. Арестованные поодиночке были отправлены в отдельные камеры петроградского Дома предварительного заключения.

Расправа над рабочими депутатами началась...

Характеризуя деятельность большевиков в 1912—1914 годах, В. И. Ленин писал: «Нелегальная Российская социал-демократическая рабочая партия исполнила свой долг перед Интернационалом. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руках». Получилось это потому, что большевики давно порвали организационно с оппортунистическими группами и элементами. «Гирь оппортунизма,— констатировал Ленин,— и «легализма во что бы то ни стало» не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг» [5].

СВОБОДУ ДЕПУТАТАМ!

«Руки прочь!»

Совершив очередное злодеяние против рабочего класса, правительство приступило к «подготовке» и «обработке» общественного мнения. Только через три дня, 9 ноября 1914 года, органы информации сочли возможным опубликовать первое сообщение о задержании «тайной конференции представителей социал-демократических организаций». В то время когда депутаты уже сидели в одиночных камерах Дома предварительного заключения, «Правительственный вестник» осторожно сообщил лишь о решении судебного следователя «заключить под стражу» всех участников конференции [1].

Если до официального заявления в газетах мелькали небольшие заметки информационного характера об аресте, а кое-где даже говорилось о его незаконности, то с 9 ноября началась организованная и планомерная травля арестованных. В ней изощрялись газеты всех мастей и оттенков.

«Общественное мнение» было подготовлено. И тогда 15 ноября правительство в своем втором официальном сообщении в газете «День» известило об аресте большевистской фракции. Сообщение гласило: «При производстве предварительного следствия о лицах, съехавшихся вблизи Петрограда с разных мест на совещание с некоторыми членами Государственной думы, обнаружено, что совещание было посвящено обсуждению проекта резолюции, в которой признается «наименьшим злом поражение царской монархии и ее войска» и выдвигается лозунг «всестороннего распространения на войска и на театры военных действий пропаганды социалистической революции» и «организации для таковой пропаганды нелегальных ячеек в войсках». Все задержанные лица по постановлению судебного следователя заключены под стражу» [2].

Пожалуй, самое знаменательное в этом сообщении заключалось в том, что оно впервые цитировало ленинские тезисы о войне, сделав тем самым их широко известными в России!

Государственная дума, депутаты которой были лишены свободы, практически ничего не предприняла для их защиты. В кулуарах среди левых шли абстрактные разговоры о необходимости хоть какого-то протеста. Запрос правительству не мог быть сделан ввиду отсутствия в это время думской сессии *. По инициативе социал-демократов меньшевиков, кадетов и прогрессистов вопрос об обыске и задержании рабочих депутатов в Озерках был поставлен на очередном заседании думского комитета помощи больным и раненым, ежедневно собиравшегося в кабинете председателя. Это произошло утром 6 ноября, когда еще не было известно об аресте. Осуждая действия полиции, депутаты исходили из чисто «патриотических» причин: они боялись, что нападение на большевистскую фракцию вызовет волнение в рабочих массах и тем самым внесет расстройство в тыл армии.

Не выполнил своего обещания и председатель Думы Родзянко. Правда, через месяц, 30 ноября, он направил письмо председателю Совета министров Горемыкину, но ни словом не обмолвился в нем об аресте; ограничился лишь пересылкой оставленного у него протеста РСДР Фракции об обыске и задержании в Озерках. В сопроводительном же письме, ссылаясь на статью 15 Положения о Думе, он просил «принять соответствующие меры к ограждению впредь членов Государственной думы от незаконных действий чинов полиции» **.

По-иному думал и действовал пролетариат России. Арест депутатов вызвал гневное возмущение по всей стране. Большевики наиболее крупных организаций сразу же приступили к подготовке выступлений протеста против очередного злодеяния царизма. Как только весть об аресте дошла до питерцев, представители фабрик и за-

* Позднее, когда в январе 1915 г. после длительного перерыва занятия Государственной думы возобновились, думское большинство не допустило предъявления запроса правительству об аресте рабочей фракции. Кадеты отказались подписаться под ним. Из-за отсутствия необходимого количества подписей запрос не был внесен.

** Горемыкин передал письмо Родзянко на заключение министру внутренних дел Маклакову. В своей резолюции «старший царский городовой», как назвал его А. Е. Бадаев, выразил благодарность чинам полиции, обнаружившим и задержавшим большевистских депутатов Думы.

водов собрались для обсуждения форм выступления. Но поставленная на ноги петроградская полиция выследила собрание и арестовала всех его участников.

Однако, несмотря на военный террор, большевистские организации развернули активные действия. Прежде всего был широко использован такой метод агитации, как издание листовок. Для всех выпущенных в связи с арестом прокламаций характерны революционная направленность, критика самодержавного строя, призыв к решительной борьбе в защиту депутатов.

Готовя на 12 ноября забастовку и митинги протеста, Петербургский комитет выпустил накануне специальную прокламацию «против гнусного и беззаконного деяния царско-помещичьей шайки». Прокламация информировала рабочих об аресте, разъясняла его смысл, разоблачала клевету правительственных и буржуазных газет, обливавших депутатов-большевиков грязью. «Лживость и лицемерие фраз о единении с народом вскрыты,— говорилось в ней,— обману и развращению народных масс наступает конец... Царское правительство сделало последний шаг: дальше идти некуда! Фиговый лист российской «конституции» еще раз сорван и на этот раз окончательно... В тюрьму посажен весь рабочий класс: шайка грабителей и эксплуататоров, шайка погромщиков и провокаторов осмелилась осудить как преступника весь 30-миллионный рабочий класс России. Рабочему классу брошен смертельный вызов! Но и железные тиски военного положения не удержат пролетариат от гневного крика протеста. Клич «Долой палачей и насильников!» громко вырвется из груди многомиллионного пролетариата, грудью вставшего на защиту своих депутатов»[3].

С небольшими редакционными изменениями этот текст был переиздан одним из районных комитетов Петрограда и Объединенным комитетом социал-демократических фракций высших учебных заведений Петрограда (в двух редакциях). С листовкой протеста выступила также социал-демократическая фракция Петроградского политехнического института. Вслед за ПК все прокламации ставили задачу организации однодневных забастовок, митингов и сходок.

В защиту депутатов выступили избиратели М. К. Муранова. Харьковский комитет призвал рабочих к единодушной забастовке протеста 12 ноября против «ужасного злодеяния правительства Николая Кровавого». Прокламация призывала во что бы то ни стало «дать отпор

зарвавшемуся дерзкому врагу», в ней вновь провозглашались лозунги борьбы за революцию и демократическую республику. К Харьковскому комитету присоединилась социал-демократическая фракция студентов, которая в своем обращении «К студентам г. Харькова» также призвала к однодневной забастовке. С протестом против ареста депутатов выступил Киевский комитет РСДРП.

Издание листовок смогли организовать и большевики Риги. В большом количестве экземпляров распространялась на латышском языке прокламация ЦК СДЛК «Напрасно ликуете, палачи!». Призывая к новой революции и бичуя контрреволюционную политику царизма, латышские большевики обращались к правительству: «Вы уничтожили рабочее представительство, но вам не уничтожить рабочий класс, его революционной борьбы. В новой революции рабочий класс вырвет из царского плена своих отважных борцов, создаст настоящее народное представительство. Трепещите, палачи! Близится час расплаты» [4].

Об аресте большевистской фракции говорилось и в антивоенной ноябрьской листовке Московской организации РСДРП, изданной за подписью «Группы организованных социал-демократов», и в специальном листке Сызранского комитета РСДРП. Всего за несколько дней в разных городах было выпущено не менее 11 листовок протеста, тираж которых составил более 10 тысяч экземпляров.

Большевики вели в массах и устную агитацию. Через своих единомышленников на заводах они призывали к выражению активного протеста в виде летучих митингов, однодневных стачек, уличных демонстраций, собраний, принятия резолюций и т. д. Рабочий-большевик Пирейко позднее вспоминал: «После ареста большевистской думской фракции в рабочей массе все более росла уверенность в правильности позиции большевиков» [5]. А в Швейцарию Ленину шло сообщение: «Из России приходят новости утешительного характера, передают, что: «В связи с арестами членов Государственной думы, а также не перестающими арестами и гонениями рабочих возбуждение и ненависть к правительству достигли крайнего напряжения. В ответ на брошенный вызов — арест думской фракции, петербургские рабочие устраивали в заводах митинги-протесты, на которых принимались решительные резолюции готовиться к борьбе в удобный момент... Сведение получено из верного источника» [6].

В департаменте полиции знали, что возможны массовые выступления на фабриках и заводах. Мобилизуя для отпора рабочим полицейские силы Петрограда, директор департамента 11 ноября отдал распоряжения и для периферии. Полетели срочные циркулярные телеграммы в губернии, где избирались депутаты,— Владимирскую, Костромскую, Екатеринославскую и Харьковскую: «Ввиду возможности выступлений стороны рабочих связи привлечением, арестом членов Думы (Самойлова, Шагова, Петровского, Муранова), благоволите принять надлежащие меры недопущению беспорядков». Начальник Московского охранного отделения тоже получил телеграмму: «Частным сведениям Москве готовится выступление рабочих связи арестом членов Думы. Будто бы для агитации выехало из Петрограда несколько человек. Проверьте донесение»[7]. Начальник Харьковского губернского жандармского управления поспешил уведомить департамент полиции о предполагаемой забастовке на Харьковском паровозостроительном заводе: «...если этот завод забастует, забастовка перельется на другие заводы и предприятия»[8].

Принимались срочные полицейские меры для предотвращения «беспорядков». Но призыв большевиков к однодневной забастовке и сходкам встретил поддержку трудящихся.

12 ноября 1914 года в ответ на призыв Петербургского комитета на заводах столицы прошли забастовки протеста. На одном из крупных промышленных предприятий Питера — «Парвиайнен» (во время войны — завод «Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов») в утреннюю смену не приступили к своим обязанностям 1050 рабочих из 1300: часть их была впоследствии арестована, призвана в армию, отправлена на передовую или выслана из города. На чугунолитейный и котельный завод «Новый Лесснер» ворвались городовые. Появившиеся там прокламации большевиков побудили рабочих к выступлениям на заводах.

Листовки Объединенного комитета социал-демократических фракций высших учебных заведений Петрограда распространялись в студенческой среде. В аудиториях университета, Политехнического и Психоневрологического институтов, а также на Высших женских курсах проходили летучие сходки. В университете, куда явился наряд полиции, было задержано около 200 студентов.

12 ноября выступления против ареста большевистских

депутатов прошли в Москве, Харькове, Екатеринославе, Владимире, Костроме, в Рязанской губернии. Во второй половине ноября из-за нарушения ритма работы (вследствие волнений шахтеров) произошло даже снижение добычи угля на всех шахтах Донбасса.

Так разрозненный войной рабочий класс России нашел в себе силы выступить под руководством большевиков против ареста депутатов. Это был первый в годы войны массовый политический протест. И хотя на выступлениях сказались сложности военного времени и ослабленность партийных организаций, в них уже чувствовалось сплочение пролетариата для дальнейших объединенных действий.

«В эти дни,— писала центральная партийная пресса,— когда в нашей стране окончательно задушено всякое свободное слово и героями дня являются лакеи и холопы печати,— и в эти дни есть две России: Россия Меньшиковых, Романовых, Милюковых, Бобринских и — Россия рабочая, Россия пролетарская, Россия, которая выдвинула из своих рядов Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова» [9].

Расправа над депутатами вызвала протесты в Европе. В назначенный большевиками день — 12(25) ноября (через неделю после ареста) — в знак солидарности с пролетариями России собрались на митинг революционные организации и русские эмигранты Женевы (Швейцария). В принятой резолюции участники митинга заявили, что они «в страшный час международной бойни приветствуют зарю второй русской революции и выражают надежду, что она послужит непосредственным прологом к мировому революционному движению пролетариата против общественного строя, приведшего к разрушительной войне и грозящего торжеством нового рабства на развалинах цивилизации и лучших надежд человечества». «Собрание,— говорилось далее,— осуждает тех социалистов, которые тормозят пробуждение революции, провозглашая единение пролетариата каждой страны с господствующими классами и угашая таким образом революционный дух масс как раз в то время, когда история требует от нас наибольшей решительности и наибольшего сосредоточения революционной энергии» [10].

Одна из швейцарских социал-демократических газет писала: «Обвинение [в антигосударственной деятельности.— *И. Д.*], брошенное русским товарищам, является блестящим свидетельством того, что они выполняют

свой революционный долг при самых тяжелых условиях, какие только можно себе представить»[11]. В Германии орган левых германских социал-демократов — «Bremen Bürger-Zeitung» — поместил статью под заголовком «Герои», называя так Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова за честное исполнение пролетарского долга *.

В Тулузе (Франция) было созвано специальное собрание, посвященное аресту депутатов. В Стокгольме (Швеция) конгресс Социал-демократической партии 10(23) ноября принял специальную резолюцию протеста, а затем по всей Скандинавии прошли выступления против репрессий царизма. Во многих газетах был опубликован портрет Г. И. Петровского.

В Дании участники Копенгагенской конференции социалистов нейтральных стран единодушно проголосовали 4(17) января 1915 года за «Резолюцию протеста против русского насилия», где выражалось сочувствие пяти арестованным партийным товарищам. В Амстердаме (Голландия) председатель социал-демократической партии Д. Вайнкоп предложил взять на себя инициативу организации ряда мероприятий в пользу арестованных членов Думы в масштабе международного социалистического движения. По поводу ареста депутатов-большевиков были написаны статьи для английской и американской прессы.

Беспрецедентный акт насилия царского правительства над членами российского парламента нанес серьезный удар по практической работе большевиков. С ликвидацией Русского бюро ЦК нарушались с большим трудом налаженные связи как внутри России, так и с заграничным Центральным Комитетом.

Владимир Ильич Ленин был очень обеспокоен судьбой депутатов. 12(25) ноября он писал из Берна в Стокгольм: «Вчера вечером прочли об аресте 11 человек (в том числе 5 членов РСДР Фракции) под Питером и сегодня послали телеграмму Брантингу, чтобы Вы выяснили (le cas échéant ** через финнов), взяты ли, арестованы ли 5 членов РСДР Фракции. Беда, если да!»[12]

* Опубликовав информацию об этом в № 36 газеты «Социал-демократ», редакция в статье «Не герои» упрекала самих германских социал-демократов, которые не смогли занять интернационалистскую позицию (из 111 социал-демократических депутатов рейхстага только К. Либкнехт выполнил свой долг, проголосовав против кредитов).

** — если представится случай *(фр.)*.

Через три дня, когда в Берн пришли достоверные сведения об аресте депутатов-большевиков, Ленин в письме от 15(28) ноября просит узнать фамилии остальных товарищей, арестованных вместе с ними, и предостерегает: «Правительство решило, видимо, мстить РСДР Фракции и не остановится ни перед чем. Надо ждать самого худшего: фальсификации документов, подлогов, подбрасыванья «улик», лжесвидетельства, суда с закрытыми дверями и т. д. и т. д.» [13] Владимир Ильич прекрасно понимал, насколько тяжела утрата Русского бюро ЦК. Но он знал, что партия найдет новые силы. «Работа нашей партии,— пишет он далее,—теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии» [14].

В. И. Ленин всегда очень бережно относился к сохранению кадров революционеров. Спустя полтора месяца после ареста депутатов в письме от 21 декабря 1914 года (3 января 1915) он обращает внимание партийных товарищей на строжайшую конспирацию в работе. «Вообще же,— пишет Владимир Ильич,— положение таково, что борьба с царизмом требует сейчас сугубой осторожности — особенно в смысле сохранения резервов. Потратить сразу (после наших *безмерных* потерь) еще большие силы — значит обессилить себя окончательно для момента более решительных действий против царизма» [15].

Судьба депутатов беспокоила многих деятелей революционного движения. А. М. Коллонтай, находясь в Копенгагене (Дания), записывает в своем дневнике: «Арест наших пяти думских депутатов (ведь все рабочие!) оборвал возможность сношения с Россией. Сносились главным образом через них и с ними. Жутко, жутко думать о их судьбе... Хочется куда-то ринуться, что-то предпринять, их спасти, отстоять. Ведь им грозит каторга!» [16]

Да, над рабочими депутатами навис меч...

Военный или гражданский процесс?

Любое антиправительственное выступление в военное время, сопровождаемое призывом к свержению существующего строя, да еще на территории, находящейся на военном положении, строго

каралось. Депутаты были обвинены «в принадлежности к революционному сообществу» по статье 102 Уголовного уложения «О бунте против верховной власти». Министр юстиции И. Г. Щегловитов в телеграмме в штаб верховного главнокомандующего подчеркивал, что все «дела же о бунте по военному положению автоматически подчинены военному суду, не требуя особого распоряжения военной власти» [1].

Нависшую угрозу понимали все: и арестованные, и их избиратели рабочие.

Чтобы быстрее расправиться с большевистской думской фракцией, полиция вела следствие ускоренными темпами: выявлялись и подбирались «вещественные доказательства», опрашивались обвиняемые.

Основная, наиболее существенная часть материалов поступила в руки следователя при первом личном обыске депутатов в Озерках 4 ноября. Были изъяты газета «Социал-демократ», № 33, машинописные тексты «Резолюции из 7 пунктов» (ленинские тезисы о войне), копии телеграммы Вандервельде, брошюры «Программа и устав РСДРП», «Всероссийская конференция РСДРП 1908 г.», копия ответа Вандервельде, рукописный оригинал прокламации «К студенчеству», брошюры «Всероссийская конференция РСДРП 1912 г.» и «Извещение и резолюции летнего 1913 г. совещания ЦК РСДРП с партийными работниками» (Поронинское). Кроме того, у Петровского к моменту обыска находились «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и машинописный список фабрик и заводов Петрограда и его окрестностей, у Бадаева — прокламация «К студенчеству» с призывом к борьбе с войной и к революции, у Самойлова — блокнот с краткими пунктами его доклада для ивановцев о собственной работе и работе фракции, у Шагова — небольшая переписка и блокнот с записями, у Гавриловой — 27 брошюр, как сообщает охранка, «тенденциозного содержания». Уже эти документы говорили не только о прямой принадлежности членов фракции к партии большевиков, но и об их активной революционной работе *.

В том, что члены РСДР Фракции — составная часть

* Об этом свидетельствовали, в частности, замечания на изъятом при обыске экземпляре ленинских тезисов, сделанные к отдельным его пунктам рукой Г. И. Петровского (позднее В. И. Ленин писал, что эти поправки «никакого даже оттенка не показывают».— См.: Полн. собр. соч., т. 26, с. 175).

большевистской партии, убеждали опубликованный в газете «Ответ Вандервельде», составленный фракцией (на копии у Бадаева стояла подпись «Бюро ЦК РСДРП»), а также целый ряд положений из отобранных у делегатов брошюр. Например, в брошюре о всероссийской конференции РСДРП 1908 года была помещена специальная резолюция «О думской с.-д. фракции», которая четко определяла фракцию как один из служебных органов, подчиненных партии и ее Центральному Комитету.

Часть документов поступила в следственные органы после обысков на квартирах подсудимых. 8 ноября был проведен обыск на квартире Петровского в Петрограде, 9 ноября — у Бадаева и Шагова, а 14 ноября — на харьковской квартире Муранова. По свидетельствам самих депутатов, многие документы были уничтожены накануне ареста. Во время обыска в квартире Петровского в печке был обнаружен пепел от бумаг, сожженных настолько тщательно, что не осталось необгоревших частей. А в квартире Бадаева даже пепел был выметен из печей. Эти меры предосторожности спасли многих нелегальных работников, с которыми были связаны депутаты, укрыли от ищеек сотни имен, явок, адресов.

У Петровского все же нашли несколько записных книжек с пометками о встречах и переписке с депутатами, письма и записки. Но особенно заинтересовали полицию два документа: проект резолюции «группы рабочих Заднепровья» (принятой во время пребывания Григория Ивановича в Екатеринославе в начале войны и свидетельствовавшей об антивоенной позиции автора) и дневник Петровского, в котором он с 14 сентября по конец октября делал заметки о текущих делах, встречах, впечатлениях *. Эти документы цитировались потом на суде при обвинении депутата в нелегальной деятельности.

На квартире у Бадаева, несмотря на то что он в ночь перед арестом уничтожил почти все бумаги, были обнаружены разрозненные куски протоколов социал-демократической фракции и несколько сохранившихся приходно-расходных тетрадей, чековые книжки с корешками и переписка. Эти материалы свидетельствовали о том, что Бадаев, как казначей фракции, ведал разного рода сборами в пользу бастующих рабочих, осужденных кронштадтских матросов, «вtouродумцев», содержащихся

* Дневник не сохранился, однако автором сделана попытка восстановить его текст.— См.: Український Історичний журнал. Київ, 1974, № 11, с. 103—110.

в Доме предварительного заключения, политических ссыльных и лиц, высылаемых в административном порядке. Экспертизой было установлено, что на хранящейся в доме пишущей машинке отпечатаны два экземпляра телеграммы Вандервельде, отобранные 4 ноября при личном обыске у Петровского и Бадаева.

Денежные документы были найдены и на квартире Шагова: семь чековых книжек и несколько оправдательных финансовых бумаг, подтверждающих, что депутат также имел отношение ко всевозможным сборам.

Значительный следственный материал был взят на квартире Муранова в Харькове. Выезжая 29 октября на конференцию в Петроград, Матвей Константинович, естественно, не предвидел ареста, поэтому на его квартире остались важные бумаги. Самое непоправимое заключалось в том, что в руки полиции попали адреса товарищей, с которыми депутат поддерживал связь,— 90 адресов!

Документы свидетельствовали и об участии депутата в подпольной деятельности местных организаций: были захвачены написанные его рукой «Устав Верх-Исетской организации РСДРП», исходящий из основных положений общепартийного устава, резолюция Харьковской организации РСДРП, в которой осуждалось «поведение и обращение Эмиля Вандервельде к российскому пролетариату», рукописный мандат от Верх-Исетского завода (г. Екатеринбург) на предполагавшийся летом 1914 года международный конгресс II Интернационала, несколько экземпляров прокламаций и брошюра «Письмо депутатов РСДР Фракции к товарищам рабочим», в которой излагалась история раскола среди социал-демократических депутатов Думы.

На квартире М. К. Муранова была найдена также брошюра «Извещение и резолюции совещания Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками. Февраль 1913». Такие документы служили для большевиков руководством к действию. В одной из основных резолюций этого Краковского совещания, называвшейся «Революционный подъем, стачки и задачи партии», шла речь о необходимости поддержки, развития и организации «всякого вида революционных выступлений масс»[2]. На этот пункт обратили внимание и следственные органы. Не обошли они и другую резолюцию — «Строительство нелегальной организации», призывавшую к «созданию на всех фабриках и заводах чисто партийных нелегальных заводских комитетов, состоящих из наиболее актив-

ных рабочих элементов»[3]. Скрупулезно была изучена судебно-следственными органами и резолюция, определявшая место и роль в партии думской социал-демократической фракции, особенно такое ее положение: «Признавая единственно правильною установившуюся в нашей партии традицию, в силу которой думская с.-д. фракция является органом, подчиненным партии, как целому, в лице ее центральных учреждений,— совещание находит, что в интересах политического воспитания рабочего класса и правильной постановки думской работы партии необходимо внимательно относиться к каждому шагу с.-д. фракции и таким образом осуществлять контроль партии над фракцией»[4].

Полиция не ограничилась обысками на квартирах депутатов. В Харькове, Риге и Иваново-Вознесенске были осмотрены квартиры В. Н. Яковлева, Ф. В. Линде и И. А. Воронина, где тоже обнаружилось много печатных трудов по экономическим и политическим вопросам явно социалистического направления.

При «добыче» вещественных доказательств не обошлось и без печальных неожиданностей. Как известно, во время налета полиции на совещание в Озерках депутатам удалось избавиться от некоторых документов: многие листки, с наибольшей очевидностью говорившие о подпольной работе и цели самого совещания, полетели в отхожее место около дачи. И надо было так случиться, чтобы через месяц, когда наступили заморозки, дворник дома Гавриловых приступил к чистке отхожих мест. 6 декабря 1914 года он извлек оттуда несколько бумаг. Об этом сразу стало известно охранке. Таким образом на столе следователя оказались новые документы.

Наиболее важной «уликой» для следствия послужила записная книжка М. К. Муранова с законспектированным отчетом о поездке по Уралу. Там же было несколько адресов для конспиративных сношений. Это один из уникальных сохранившихся документов, скрупулезно, шаг за шагом освещающий подпольную деятельность депутатов. Когда в ходе суда документы оказались обнародованными, Ленин отмечал: «Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского (имеется в виду его дневник.— *И. Д.*) останутся надолго образцом *той* работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России»[5].

В числе документов, полученных 6—8 декабря 1914 года, были также мандаты на зарубежный социалистический конгресс от рабочих Надеждинского, Лысьвенского и Верх-Исетского уральских заводов, прокламация Петербургского комитета («Снова вас оторвали от ваших семей...»), девять листков, исписанных Петровским различными заметками, номерами телефонов и адресами, визитные карточки депутатов и т. д. *

Таким образом, материалы, добытые при личном обыске, осмотре квартир депутатов и другими путями, подтверждали: РСДР Фракция была одним из партийных органов, ведущих легальную и нелегальную деятельность, а ее члены в годы войны — руководящим центром в России, ставящим своей целью разработку (до получения из-за границы ленинских теоретических положений) антивоенной программы организации и восстановление партийных кадров.

Во время первого задержания и обыска в Озерках депутаты решили держаться так, чтобы не дать полиции возможности обвинить большевистскую партию в антиправительственных действиях, в частности в устройстве нелегального совещания. «Мимоходом,— вспоминал Бадаев,— насколько это позволяли условия обыска, мы приняли решение объяснить свое пребывание у Гавриловой как обычное посещение знакомых, к которым мы пришли в гости» [6].

Все еще не верилось, что может быть нарушена депутатская неприкосновенность. Поэтому на следующий день тактика поведения в случае ареста депутатами не обсуждалась. Когда же через двое суток им довелось встретиться в приемной следователя, у них оказалось слишком мало времени (всего несколько минут), чтобы прийти к окончательному решению, какой тактики держаться во время следствия.

Ф. Н. Самойлов вспоминал, что во время этой первой после ареста кратковременной встречи возникла мысль отказаться от дачи показаний. «Но, говоря об этом между собой перед допросом, мы каким-то образом окончательного решения по этому поводу не приняли. Поговорили как-то мельком об этом и только. Почему это произошло, потому ли, что не успели, или еще почему,—

---

* Департамент полиции сразу же разослал начальникам двадцати шести губернских жандармских управлений распоряжение о производстве на местах дознаний по всем обнаруженным в бумагах адресам.

теперь уже не помню, но поэтому у нас здесь получилась порядочная неорганизованность. Наше поведение на допросе было без единого общего плана. Каждый был предоставлен самому себе и вел себя на допросе так, как подсказывала его собственная совесть и как он сам считал наиболее правильным. Поэтому в показаниях наших (как это позднее выяснилось) хотя большой пестроты и не получилось, но была допущена та большая ошибка, что на эти показания вообще мы пошли и вследствие этого сразу же стали на ложный путь, который только затруднил и осложнил наше положение» [7].

Многолетняя практика подпольной работы в условиях царизма выработала у членов партии определенные нормы поведения при аресте и на суде. Еще в ноябре 1901 года в «Искре» появилась ленинская статья «Каторжные правила и каторжный приговор», в которой сформулировано положение о том, чтобы каждый судебный процесс над революционерами *«был превращаем* в политический процесс самими обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовщины!» [8]. II съезд посвятил этому специальную резолюцию «О показаниях на следствии». Так как показания революционеров на предварительном следствии служили одним из главных материалов для обвинения и привлечения к следствию новых лиц, съезд рекомендовал «всем членам партии отказываться от каких бы то ни было показаний на жандармском следствии» [9].

Аналогичные положения были разработаны в редакционном предисловии «Искры» к письму П. А. Заломова «Из-за решетки». Документ рекомендовал арестованным товарищам заявлять протест против всякого чиновничьего суда, разоблачать политику самодержавия, показывать гниль царского «правосудия», раскрывать положения партийной программы, участвовать в судебном следствии «в целях разоблачения приемов жандармского дознания», пользоваться «правом последнего слова — для защиты своих убеждений». Как говорилось в редакционной заметке, на «суде революционер представляет, как-никак, перед известной частью общества свою партию и обязан выполнить эту роль с достоинством... Наше участие в суде есть продолжение нашей борьбы на воле». Вместе с тем в «Искре» указывалось, что «там, где можно суд заставить оправдать обвиняемого за недостатком улик, это должно быть сделано, ибо мы слишком бед-

ны силами, чтобы отдавать их добровольно во власть врага. Дело такта революционера, дело его революционного чутья — понять, когда чисто юридическая почва самозащиты должна быть покинута» [10].

Многолетний опыт борьбы с самодержавием подсказывал, что в судебном следствии участвовать нет смысла, если противник располагает изобличающими документами. Тогда необходимо, как писал Ленин, «все внимание обратить на принципиальную речь... которую желательно подготовить заранее» [11]. Даже если подсудимый организационно не признает себя членом партии, а ограничивается заявлением, что он социал-демократ по убеждению, необходимо, советовал Владимир Ильич, «чтобы социал-демократические речи на суде стали речами и заявлениями партийными, чтобы агитация шла в пользу партии» [12].

Поведение депутатов во время следствия, а потом на суде показало, что они не до конца учли предыдущий опыт российских революционеров.

Наиболее правильную позицию с момента ареста занял Матвей Константинович Муранов. Заявив следователю о незаконности задержания, он при первом же допросе отказался отвечать на вопросы, не подписал ни одного протокола, оставив за собой право выступить на суде с речью о целях и задачах своей партийной, то есть внедумской, деятельности.

В. И. Ленин дал объективную оценку поведению депутатов после их ареста. Он писал, что в ходе следствия и на самом процессе «подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом ЦК в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями» [13]. Действительно, когда знакомишься со следственными делами, читаешь обвинительный акт, где излагаются показания подсудимых, еще раз убеждаешься в справедливости утверждений Владимира Ильича, что депутаты всеми силами стремились запутать правительственные органы, не выносить на обсуждение никакие партийные дела, хотели отвести от партии удар и поэтому давали подчас самые неправдоподобные объяснения своим поступкам и изъятым у них документам.

При первом же очень кратком допросе обвиняемые не признали себя виновными в приписываемых им «преступных деяниях» и заявили, что, хотя и являются членами социал-демократической фракции Государственной

думы, не состоят в Российской социал-демократической рабочей партии.

Позднее они давали следующие объяснения. К Гавриловой, несмотря на то, что не были с ней знакомы (немного знал ее лишь Шагов), пришли по приглашению в гости, а заодно и побеседовать по злободневным вопросам рабочих организаций (страховых и больничных касс, издания рабочей газеты или журнала и т. д.). За чаепитием решили повидаться с представителями рабочих, так как товарищи, приходящие в помещение фракции, сразу же берутся полицией под наблюдение. Наличие у них партийной литературы объясняли необходимостью быть в курсе настроений рабочих. На вопрос об отношении к войне депутаты отсылали следователя к декларации, оглашенной обеими фракциями на заседании Думы 26 июля 1914 года.

Относительно отобранных у него документов Петровский показал, что они были получены им по почте и через посыльных от неизвестных лиц незадолго до ареста. Бадаев утверждал, что не знает, кем вырабатывалась найденная у него «Резолюция из 7 пунктов», и не помнит, от кого она получена. Самойлов объяснил, что конспект его доклада Иваново-Вознесенской организации — это всего лишь список различных вопросов для памяти (этот документ был воспринят судебными органами как порядок дня конференции в Озерках — так он впоследствии и фигурировал на процессе).

Товарищи с периферии (Линде, Яковлев, Воронин) каждый по-своему обосновывали свое появление в Питере. Запутывая следствие, они отрицали прибытие в столицу к заранее назначенному сроку, утверждали, что в дом Гавриловой попали случайно, желая познакомиться и поговорить с депутатами.

Все подсудимые отрицали преднамеренное собрание в Озерках членов партии, обсуждавших подготовленные вопросы и принимавших какие-либо решения. Все стремились отвести удар от уполномоченного ЦК Каменева, придавая его присутствию частный характер.

Сам Каменев на следствии (да и на суде) старался выдать себя «случайным гостем», беспартийным литератором, приехавшим обсудить с депутатами вопрос об издании рабочей газеты, которая должна была носить характер хроникерского листка, каким, заявил он, «впрочем, была и «Правда»; вопросы теоретические, естественно, не могли занимать в ней много места» [14]. В своих заявле-

ниях Каменев отгораживался от партии, просил специально отметить в протоколе, что его знакомство с депутатами, равно как и сотрудничество в «Правде» и «Пути правды», носило частный характер и ни в коем случае не связано с членством в какой-нибудь организации. Выгораживая себя, Каменев прибег к такому недостойному приему, как категорическое отрицание своей солидарности с позицией ЦК по отношению к войне. Он заявил, что «содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение Российской социал-демократической рабочей партии к военным событиям, решительно противоречит его взгляду на текущую войну» [15].

Получив первые сведения о ходе следствия, Н. К. Крупская писала, оправдывая подсудимых: «То, что на предварительном следствии говорили...— это все, ведь, довольно обычный прием, к которому часто прибегают, когда не ясно еще, есть ли у полиции какие-нибудь данные и насколько серьезно дело... но из этого не вытекает ниоткуда, что они будут и на суде то же говорить» [16].

Следствие шло быстро. Депутаты находились в строгой изоляции в одиночных камерах Дома предварительного заключения. На допросы их вызывали поодиночке. Увидеться удалось лишь 24 декабря, когда после окончания следствия всех вызвали для ознакомления с обвинительным материалом.

Три дня в небольшой комнате здания Окружного суда шло слушание дела (его зачитывали следователь и секретарь попеременно). В трех объемистых книгах приводились и комментировались изъятые у депутатов документы, скрупулезным образом освещался полуторамесячный ход следствия — допросы обвиняемых, свидетелей и т. д. В деле находились множество полицейских донесений, различные прокламации, выпущенные в Петрограде в начале войны, и другие материалы, свидетельствовавшие о революционной деятельности фракции.

Депутаты в полной мере осознали нависшую опасность. В эти три дня, встречаясь ежедневно под неотступным наблюдением конвойных, они убедились, что следствие располагает обширнейшими материалами о революционной деятельности фракции. Но тогда еще не были как следует продуманы детали поведения на суде. И только в конце января, когда вновь увиделись в здании Окружного суда (для личного ознакомления с обвинительным материалом, устроенного по их настоятельному

требованию), они смогли посоветоваться и сошлись во мнении, что необходимо официальное выступление на процессе председателя фракции — выступление, которое поддержат остальные товарищи. В эти же дни все ознакомились с проектом речи Григория Ивановича.

Оставшиеся на воле товарищи и жены арестованных попытались организовать их защиту. С согласия депутатов она была поручена юрисконсульту фракции социал-демократу Н. Д. Соколову — известному адвокату по политическим процессам *. В состав защитников вошли одиннадцать присяжных поверенных либерального толка, далеких от большевистских и вообще социалистических взглядов, и это сослужило недобрую службу арестованным.

Свидания с защитниками происходили в нижнем этаже Дома предварительного заключения, в одной из свободных одиночных камер. Всех — заключенных и защитников — более всего интересовал вопрос о мере наказания, которую может потребовать обвинение. Адвокаты обещали добиваться на суде минимального срока каторжных работ, но заключенные не очень надеялись на это: по обвинительному акту дело представлялось весьма серьезным.

В одном из писем периода следствия Н. К. Крупская отмечала неблаговидную роль адвокатуры. «Одно видно,— писала она 7(20) февраля 1915 года,— что патриотически настроенные адвокаты стараются сделать все, чтобы скомпрометировать линию ЦК, чтобы заставить депутатов от нее отречься. Хуже полиции стараются, и вот тут боязно, что могут сбить наших с толку, хотя в то не верится. Очевидно все, о чем пишет Ф. **, ходатайство у Самба, проект изобразить себя противниками ЦК внушено этой патриотической сволочью, которая звонит направо и налево о своих переговорах с подсудимыми. А те, кто слушает, не отличают уже, где проекты адвоката, а где инициатива и согласие самих подсудимых» [17].

Правительство торопилось быстрее закончить дело, чтобы довершить разгром большевистской фракции, ставшей в начале войны центром руководства революционной борьбой рабочего класса. Подыскивались «закон-

---

* После Октябрьской революции Н. Д. Соколов (1870—1928) работал юрисконсультом в советских учреждениях.

** Речь, очевидно, идет о письме В. И. Ленину Финна-Енотаевского от 4(17) февраля 1915 г.

ные основания» для самой суровой расправы. По статье 17 Правил о местностях, состоящих на военном положении, обвиняемые в «бунте против верховной власти и государственной измене» подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени, то есть смертной казни. Кроме того, по статье 19 тех же Правил местные власти могли по усмотрению передавать военному суду все дела по другим преступлениям.

Решить этот вопрос предстояло Ставке верховного главнокомандующего, которая была в этот период фактическим хозяином в стране, определяя ход дел как в военном, так и в гражданском управлении. В ставке концентрировалась и переписка, связанная с подготовкой процесса над депутатами, в которую были вовлечены почти все министры царского правительства, вплоть до председателя Совета министров. Переговоры о том, какой суд устроить над депутатами — военный или гражданский, начались с первых же дней их ареста. Но, спеша расправиться с депутатами, правительство ни на минуту не забывало, что за спиной РСДР Фракции большевиков стоят российские пролетарии.

И эти опасения были основательны: в стране постепенно начал рассеиваться шовинистический угар, чему способствовали военные неудачи и поражения на фронте, ухудшение экономического положения в тылу, слухи о катастрофическом состоянии армии и изменах (так называемое дело полковника Мясоедова и др.). Налицо были и несомненные признаки оживления рабочего движения. Участились экономические забастовки, кое-где прошли политические стачки.

Вот почему во всех идущих из столицы в Ставку письмах, телеграммах, отношениях, докладных записках, рескриптах, связанных с делом депутатов, чувствовалась боязнь народных волнений в условиях военного времени. Этот страх перед революцией разделял «власть имущих» на две группы. Одни, сторонники военного суда (министр юстиции, петроградский градоначальник и др.), были уверены, что только строгое наказание депутатов по законам военного времени сможет «охладить» рабочих и приостановит движение. Другие, более разумные политики, считали нецелесообразным выходить за рамки «закона», чтобы не дать в руки революционных элементов еще один козырь — обвинение в скорой и несправедливой расправе над депутатами под предлогом военного времени.

Поэтому даже верховный главнокомандующий, дядя царя — Николай Николаевич, сразу же ставший на «позиции законности», 8 декабря 1914 года писал председателю Совета министров Горемыкину: «Как это ни странно может вам показаться, но в мирное время я безусловно предал бы всех арестованных по настоящему делу военному суду, а теперь, в военное — особенно при настоящих условиях — считаю такую меру несоответственной». По «глубокому убеждению» главнокомандующего, передача дела на рассмотрение военного суда неминуемо должна была «вызвать брожение среди фабричных и иных оппозиционных элементов. Между тем спокойствие в рабочей среде, обслуживающей разнообразные нужды армии, в заботах о последней представляется и представлялось мне весьма важным» [18],— отмечал он. Поэтому главнокомандующий повелел передать дело из военного суда в гражданский.

Но окончательно вопрос был решен в канун нового, 1915 года, при передаче дела на утверждение царю Николаю II. Страх перед революционными выступлениями руководил самодержцем «всея Руси», когда он «высочайше повелеть соизволил: дело о членах Государственной думы Петровском, Бадаеве, Муранове, Самойлове и Шагове и других лицах, обвиняемых вместе с ними в преступном деянии, предусмотренном ч. 1 ст. 102 Уголовного уложения, изъять из-под действия военного положения, с обращением его в подлежащий суд гражданского ведомства, указанный в Уставе уголовного судопроизводства» [19].

Дело поступило в Особое присутствие Петроградской судебной палаты. Начало процесса назначалось на 10 февраля 1915 года.

«Нас судят за стойкую защиту прав народа»

Пролетариат России напряженно ждал начала суда над депутатами. На фабриках и заводах из уст в уста передавали вести из тюремных застенков, с оглядкой обсуждали просачивающиеся сведения о ходе следствия, продумывали формы протеста в дни приближающегося процесса. Все предполагали каторжный приговор.

Правительственной прессе, продолжавшей кампанию клеветы на арестованных, рабочие не верили. При-

слушивались к голосу большевиков. Газета «Социал-демократ» посвятила судьбе депутатов статью под названием «На боевом посту». Центральный Орган партии активно выступил в защиту арестованных. Он ставил задачу рассказать читателям о делах фракции, поддержать товарищей в их тяжелом положении [1].

В январе и начале февраля 1915 года в разных городах страны большевиками было издано не менее 15 листовок, посвященных началу процесса над депутатами. Обличая царское «правосудие», прокламации раскрывали подлинный смысл ареста и суда как акта расправы с представителями рабочих, бесстрашно боровшимися за их интересы, против империалистической бойни. В них предлагалась программа конкретных действий в защиту подсудимых. Большевистские листовки звали рабочих к организации забастовок и уличных демонстраций. В целом партия ставила как первоочередную задачу мобилизации революционных сил, проверки их боеготовности. Не исключалась также возможность добиться минимального судебного наказания.

Наиболее широко развернулась работа большевиков в Петрограде, где проходил суд над депутатами. Правительственной шумихе вокруг процесса была противопоставлена продуманная агитация среди самых широких масс. При этом большевики прежде всего стремились всесторонне раскрыть картину деятельности рабочих представителей в Думе.

«Вспомните последние два года,— говорилось в одной из листовок ПК.— Кто в Думе всегда отстаивал рабочие интересы? Кто больше всех беспокоил министров запросами о беззакониях властей? Кто расследовал взрывы на пороховых заводах и угольных шахтах? Кто мешал гулять полицейскому кулаку при похоронах рабочих и при демонстрациях? Кто собирал пожертвования для пострадавших товарищей? Кто издавал газеты «Правда» и «Пролетарская правда»? Кто протестовал против убийства и увечья миллионов людей на войне? Все они, рабочие депутаты. И за это они пойдут на каторгу... Кто же может защитить теперь рабочих депутатов? Только те, кто их избрал, кто их поддерживал. Только пролетариат может защитить их, только он может показать, что суд над ними — дело серьезное и что он не может пройти так тихо и гладко, как хотели бы охранники, министры и либералы» [2].

Правительство, писали большевики в своих листовках, пользуясь случаем, лишило пролетариат представительства в Думе, преградило ему возможность открыто осуждать разбойничью политику правящих классов. Но пролетариат молчать не будет, никакие преследования не заглушат его свободного неподкупного слова, зовущего на борьбу с царизмом[3]. В прокламации Петербургского комитета, выпущенной накануне суда, так же как и в других листовках, звучал призыв к забастовке: «Товарищи рабочие! Докажем, что враги наши ошиблись в расчетах... Пусть перед судом предстанут не пять депутатов, а весь рабочий класс, громко заявляющий о своей солидарности с подсудимыми и готовности бороться за своих представителей и за идеалы, начертанные на нашем красном знамени. Товарищи рабочие! Бастуйте в день 10 февраля, устраивайте митинги, демонстрации, протестуйте против наглого издевательства царского правительства над рабочим классом. Товарищи запасные и ратники! Не разбивайте в этот день единства рабочего движения»[4].

Призыв большевиков не остался без ответа. Несмотря на произведенные аресты, на то, что многочисленные полицейские отряды в день суда установили наблюдение за наиболее крупными фабрично-заводскими предприятиями, патрулировали улицы, пролетарии нескольких питерских заводов прекратили работу. Были даже сделаны попытки подойти к зданию суда, охранявшемуся усиленными нарядами полиции. В Петроградском университете, на Высших женских и Сельскохозяйственных курсах, в Политехническом и Психоневрологическом институтах состоялись студенческие сходки.

К началу процесса над депутатами готовился и пролетариат других стран. Первый международный митинг протеста против суда был созван в Швейцарии. Многолюдное собрание социал-демократов разных национальностей и членов местного профсоюза происходило в Народном доме Берна 10(23) февраля 1915 года. В митинге приняли участие и члены ЦК РСДРП во главе с В. И. Лениным. Резолюция в поддержку депутатов, осуждавшая царизм, была единодушно принята всеми собравшимися. От имени ЦК РСДРП и его Центрального Органа — газеты «Социал-демократ» участникам митинга зачитали специальное письмо. В нем говорилось:

«Дорогие товарищи! Сегодня царское правительство судит наших товарищей, членов Российской социал-демо-

кратической рабочей фракции Государственной думы. Что мы со всем негодованием протестуем против преступления царского правительства, что мы всей душой на стороне наших депутатов — в этом, конечно, никто не сомневается. Но наши товарищи в России особенно ценят всякое выражение сочувствия со стороны иностранных социалистов. Позвольте же нам, редакции Центрального Органа партии («Социал-демократ»), выразить вам искреннюю признательность за ту интернациональную чуткость, с которой вы спешите откликнуться на процесс депутатов. Швейцарским рабочим, в лице сегодняшнего митинга, принадлежит инициатива в деле международного протеста против нового преступления царизма»[5].

В тот же вечер многолюдный антивоенный митинг состоялся в Христиании (Норвегия). В большом переполненном зале Народного дома вместе с представителями местной общественности выступила со страстной речью А. М. Коллонтай, поддерживавшая тесные контакты с В. И. Лениным. Дружными аплодисментами была одобрена составленная русскими интернационалистами резолюция протеста. Участники митинга горячо приветствовали «смелых и честных революционных борцов за рабочее дело, отказавшихся поддерживать русское правительство в современной империалистической войне и оставшихся верными лучшим заветам рабочего Интернационала». Они высказали «надежду, что революционная Россия, не складывающая и сейчас оружия революционной борьбы, восторжествует над темными силами царизма»[6].

Суд над депутатами начался 10 февраля 1915 года. Огромный зал Петроградского окружного суда был полон публики. Правительство решалось на такое в исключительных случаях. Обычно из боязни предать гласности наличие в стране революционного движения и революционных организаций судопроизводство по статье 102 (принадлежность к организации, ставящей задачи свержения существующего государственного строя) происходило при закрытых дверях. Сам факт передачи дела в гражданское ведомство формально снимал с подсудимых обвинение в государственной измене. Но правительству необходимо было внушить населению России мысль об «изменнической деятельности» подсудимых, представить ее как подрывную, антинародную, умаляющую шансы России в победе над внешним врагом. Этим и объяснялся свободный доступ в зал заседаний.

Ход процесса был тщательно, всесторонне продуман и уже заранее сориентирован на вынесение сурового приговора. В судебном разбирательстве принимали участие самые видные царские судебные чиновники, имевшие большой опыт в ведении специальных политических процессов. Председательствовал на суде Н. С. Крашенинников. Обвинителем выступал товарищ прокурора Г. Ненарокомов. В число сословных представителей входил губернский предводитель дворянства, ярый черносотенец Сомов. Свидетелями были подобраны преимущественно полицейские и охранники, которые подтверждали и сообщали факты, необходимые суду для вынесения обвинительного акта.

Задача процесса заключалась в обосновании обвинения участников совещания в Озерках «в преступном сообществе, которое, подчинив свою деятельность руководству и контролю Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, поставило целью насильственное ниспровержение, посредством вооруженного народного восстания, установленного в России основными государственными законами образа правления и замену его иным, на началах демократической республики»[7].

Обстоятельное изложение хода процесса может стать темой специального исследования; нам же важен его политический аспект.

Как и было обговорено, в первый же день заседаний суда слово для объяснения попросил председатель РСДР Фракции Г. И. Петровский. Его речь, прежде всего, открыто засвидетельствовала партийную принадлежность депутатов.

— Когда нас выбирали рабочие и уполномоченные,— сказал Григорий Иванович,— то мы проходили в Думу под флагом социал-демократии. Когда мы вошли в Думу, мы образовали рабочую социал-демократическую фракцию, примыкающую к большевистскому течению партии... Мы поддерживали, сотрудничали и распространяли рабочие газеты, участвовали в страховой компании и больничных кассах, стремясь защищать интересы рабочих. Мы поддерживали профессиональную, культурно-просветительную деятельность рабочих... В своей деятельности фракция примыкала к рабочей газете «Правда», пользовалась советами сведущих лиц. Чтобы быть в курсе настроения российской социал-демократической рабочей партии, мы знакомились с ее литературой...[8]

Петровский, по существу, признал связь с ЦК РСДРП, заявив:

— Я получил резолюцию Центрального Комитета... и, кроме того, мне были представлены резолюции рабочих из семи пунктов об отношении рабочих к войне, совпадающие с отношением Центрального Комитета [9].

Он рассказал о деятельности депутатов в защиту пролетариев, о трудностях работы и о совещании в Озерках:

— Нас судят за стойкую защиту прав народа. Мы гибнем в молодых годах за то, что мы заслужили доверие рабочих классов, и за то, что по мере своих знаний защищали интересы рабочих. Поэтому мы считаем суд над нами величайшей несправедливостью [10].

Полный текст речи Г. И. Петровского не сохранился. Опубликованные в газетах отдельные ее фрагменты (выборочно и в разных редакциях) дают лишь общее представление. Отточия в судебных отчетах свидетельствуют о цензурных изъятиях. Позднее Григорий Иванович вспоминал: «Из текста моей речи цензура выбросила все, что призывало народ к борьбе за свое освобождение, за свободу, против грабительской кровавой войны, за превращение империалистической войны в войну гражданскую, за свержение ненавистного помещичье-капиталистического строя, который порождает империалистические войны» [11].

В. И. Ленин также заметил, что из судебных отчетов даже легальной прессы «цензура вырезала места, неприятные царизму и патриотам» [12]. Но и частично опубликованная в газетах, речь председателя РСДР Фракции понравилась Владимиру Ильичу, и он с удовлетворением отмечал, что «это заявление делает честь Петровскому» [13].

В унисон с речью Григория Ивановича прозвучало заявление М. К. Муранова. Он сказал, что считает позорным скрывать, что как член РСДРП и депутат Думы поддерживал постоянную связь с избравшими его рабочими и занимался внедумской, то есть партийной, деятельностью. На вопрос председателя: «Когда вы призывали в организации, вы призывали в социал-демократическую партию?»— Муранов ответил:

— Я призывал организовываться. Существуют профессиональные, кооперативные и просветительные рабочие организации. Я не скрывал, что, согласно постановлению конференции, социал-демократы должны употре-

бить все усилия, чтобы получить в этих организациях влияние. Я считал своей обязанностью создавать такие организации [14].

В своих кратких выступлениях А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов также присоединились к речи Петровского, сделав некоторые дополнения по конкретным вопросам, затронутым в обвинительном акте и в ходе суда.

Таким образом, на процессе четко обозначилась партийная принадлежность подсудимых депутатов, хотя они и продолжали утверждать, что фракция не находилась в прямом подчинении ЦК РСДРП. Не отрицался также факт совещания в Озерках, хотя и не раскрывались обсуждавшиеся на нем вопросы.

В общем ходе процесса отрицательную роль сыграла позиция Каменева. Нарушив принятое всеми решение, что, кроме председателя фракции Петровского, никто из подсудимых не будет выступать, Каменев произнес в суде речь, в которой, по существу, отказался от принципов большевизма. И чтобы подтвердить свою позицию по отношению к войне, он попросил защитника М. В. Беренштама возбудить ходатайство о вызове в качестве свидетеля редактора журнала «Современный мир» социал-патриота меньшевика Н. И. Иорданского *. Взгляды подсудимого на войну таковы, сказал защитник, «что исключают всякую возможность предъявления к нему обвинения в желательности поражения России в настоящей войне» [15].

Каменев отмежевался от ленинских взглядов на войну, которые были изложены в цитируемых на суде документах ЦК, тем самым заявив товарищам по партии, что идейно им не по пути. В. И. Ленин назвал солидарность Каменева с социал-патриотом Иорданским и открыто выраженное несогласие с ЦК приемом неправильным и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимым [16].

Сейчас, спустя семь десятков лет, с интересом вчитываешься в речь «государственного обвинителя» Г. Ненарокомова. В задачи прокурора входило «заклеймить» подсудимых и в их лице всю российскую социал-демократию, выставить их злейшими врагами народа и отечества. Но объективно получилось так, что с трибуны суда на всю Россию из его уст прозвучала информация о дея-

* Суд отказал в вызове свидетеля.

тельности большевиков. «Обвиняя», прокурор цитировал антивоенные партийные документы.

Им было раскрыто содержание декларации, оглашенной 26 июля 1914 года, резолюции о войне Харьковской организации, ответа большевиков Э. Вандервельде, некоторых революционных прокламаций, ленинских тезисов о войне, манифеста ЦК, а также личных документов — дневника Петровского, записок Муранова, конспекта доклада Самойлова и т. д. Ненарокомов довольно обстоятельно рассказал об организационной деятельности депутатов — о совещаниях в деревне Нейвола (близ Мустамяки) и в Озерках. На основании изъятых у депутатов документов он доказывал, что фракция находилась в живой связи с партией, подчиняясь директивам ЦК большевиков. Восхваляя Вандервельде и его единомышленников — социал-шовинистов Англии, Франции, Бельгии, прокурор подчеркнул, что они не в пример российским социал-демократам стали на сторону своих правительств. Но у прокурора не нашлось аргументов для обвинения подсудимых в «измене родине» *. Он стремился заклеймить «антинародность» деятельности депутатов-большевиков.

Наступило время защиты. Выступления адвокатов можно разделить, пожалуй, на две части: защиту действительную и мнимую. С одной стороны, были приложены определенные усилия, чтобы доказать, что подсудимые, сами выходцы из народа и его избранники, не могут быть и не являются врагами рабочих и крестьян, изменниками родины. Защитники осудили сам факт посягательства правительства на неприкосновенность народных избранников в Думе. Они использовали некоторые чисто юридические и логические неувязки обвинения относительно «состава преступления» (этому в значительной степени была посвящена речь Н. Д. Соколова). Были отмечены высокие моральные качества рабочих представителей в Думе.

— Пройдут года и все забудется...— говорил присяжный поверенный П. Н. Переверзев.— Но останутся незабвенными имена их в памяти народа, останется неизменным сознание, что, поднявшись с темных, безвестных низов на вершину государственной жизни, они забыли себя и, как простые рабочие, не оторвали сердца

* Даже черносотенная пресса, начавшая с этой целью «освещать» судебный процесс, после речи прокурора прекратила давать о нем информацию.

своего от страданий и нужд своих братьев, защищали их честно и смело, как умели, и доблестно пали в неравной борьбе [17].

Но В. И. Ленин не напрасно в свое время предостерегал членов партии от использования в политических процессах буржуазной, даже либерального толка адвокатуры. Используя адвокатов, считал он, надо требовать от них: «Будь только юристом, высмеивай свидетелей обвинения и прокурора, самое большее противопоставляй этакий суд и суд присяжных в свободной стране, но убеждений подсудимого не касайся, об оценке тобой его убеждений и его действий не смей и заикаться. Ибо ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь, что даже хваля их не сумеешь обойтись без пошлостей» [18].

Так и получилось: процесс депутатов подтвердил опасения Владимира Ильича. Действительно, к чему было, например, трудовику А. Ф. Керенскому беспокоиться о престиже большевистской партии, ее политической линии, единстве ее рядов? Как адвокат, ставя перед собой узкую цель — «помочь» депутатам в уменьшении сроков наказания, «отвести» от них мотивы обвинения, Керенский не скупился ни на какие средства. Цель его «защиты» сводилась к тому, чтобы всеми правдами и неправдами, фальсифицируя факты, отделить депутатскую фракцию в Думе от их партии, доказать ее «конфликт» с партийным руководством — Центральным Комитетом большевиков, с В. И. Лениным.

То же старались делать и другие «защитники». Для этого искажалась деятельность депутатов, их позиция по отношению к царскому правительству, извращались взгляды на войну и перспективы пролетарского революционного движения. Адвокаты старались найти противоречие с партийными документами в пометках, сделанных на «Резолюции из 7 пунктов». Из декларации от 26 июля цитировались главным образом места о «защите культурных ценностей страны», авторство которых принадлежало меньшевикам. Был использован также тезис о недостаточной образованности сидящих на скамье подсудимых депутатов, чтобы принизить их истинное значение и руководящую роль в революционном движении.

13 февраля 1915 года, после ряда судопроизводственных формальностей, судебная палата и сословные представители удалились в совещательную комнату для

вынесения приговора. Через три часа председатель Н. С. Крашенинников в наступившей тишине набитого до отказа зала зачитал решение Особого присутствия судебной палаты: «Члены Государственной думы Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов, Самойлов, а также Розенфельд [Каменев.—*И. Д.*], Яковлев, Линде и Воронин на основании 1 ч. ст. 102 Уголовного уложения приговариваются к ссылке на поселение. Гаврилова и Антипов признаны виновными по 2 ч. 136 ст. Уголовного уложения (за недонесение) и приговорены к крепости: Гаврилова — на 1 год 6 месяцев, Антипов — на 8 месяцев с зачетом предварительного заключения обоим. Антипов и Козлов признаны по 102 ст. оправданными за недоказанностью. Приговор по вступлении его в законную силу будет представлен на Высочайшее благовоззрение. В окончательной форме приговор будет объявлен 20 февраля. Мера пресечения по отношению ко всем подсудимым, кроме Козлова, оставлена без изменений. Козлов объявлен свободным» [19].

Таким образом, депутаты, официально осужденные за принадлежность к РСДРП, а неофициально — за то, что во время войны оставались верны принципу пролетарского интернационализма, лишались всех гражданских прав, их имущество было конфисковано и пошло «на издержки судебного производства» (!), а им самим предстояло пожизненное поселение в Сибири. Тут же на суде Г. И. Петровский уполномочил адвокатов передать от имени подсудимых кассационные жалобы *.

Пресса давала возможность следить за ходом суда. О процессе, о депутатах писали все печатные органы — одни информационно, другие с «патриотическим» негодованием клеймя их. Поэтому рабочие в основном были в курсе событий, знали о суровом приговоре. Но особенно чутко они прислушивались к голосу большевиков, раз-

---

* Жалоба была написана и адресована в Сенат 9 марта 1915 г. от девяти подсудимых (Гаврилова и Антипов подчинились приговору). Она была мотивирована отсутствием «состава преступления», так как, кроме всего прочего, никаких решений, принятых на совещании в Озерках, в судебном деле не имелось. От подачи кассации депутаты не ожидали благоприятных результатов. Они хотели лишь оттянуть время и лишний раз напомнить о себе в печати. 14 апреля 1915 г. без присутствия подсудимых жалоба рассматривалась в уголовно-кассационном департаменте и после продолжительного совещания была «оставлена без последствий». 16 апреля заседание Сената постановило признать кассационный протест необоснованным, а приговор Петроградской палаты оставить в силе.

дававшемуся из глубокого подполья. Для этого голоса, несмотря на нанесенный удар, был характерен оптимистический революционный дух. В изданных прокламациях звучала твердая уверенность, что никакие, даже самые жестокие, судебные репрессии не остановят революционной борьбы.

Московские большевики посвятили процессу над депутатами четыре листовки. Прокламации выпустили также Харьковский, Самарский и Рижский комитеты, Сормовская, Владимирская, Сызранская и Ростовская-на-Дону организации РСДРП. Сохранились резолюции Тульской и Орехово-Зуевской организаций большевиков, изданные после суда.

Преступление царизма послужило для большевиков местных партийных организаций поводом не только к критике существующего в стране бесправия, но и к призыву пролетариата к организации, объединению и революционной борьбе. «Новые жертвы ненасытному царизму не остановят нас на нашем пути к светлому будущему»,— писали большевики Москвы [20]. Самарцы предрекали, что «суд над депутатами, который заставит народные массы слиться в гневном возмущении против ига капиталистов, против ига нашего кровавого царского правительства, должен умножить народные силы, удесятерить его революционную борьбу, чтобы общими усилиями прекратить бессмысленную, ненужную войну, против которой боролись депутаты-рабочие, и свергнуть правительство и его слуг, заменить его народным управлением» [21].

Заслушав доклад о суде над депутатами, Орехово-Зуевская организация в своей резолюции «находит приговор над депутатами актом величайшего позора и насилия». Она отмечает, что приложит все усилия, исполняя долг международной солидарности, чтобы «приготовить рабочих своего района к борьбе за революционные лозунги социализма» [22]. Тульская социал-демократическая группа, возмущенная «дикой выходкой правительства», протестует против произвола, факт виновности депутатов считает недоказанным и требует немедленного их освобождения [23].

Прокламации распространялись на промышленных предприятиях, будили и повышали политическую сознательность российского пролетариата, поднимали его на революционную борьбу против империалистической войны и самодержавия.

После вынесения приговора повторились волнения в Питере. Вслед за столицей призыв большевиков к активной солидарности с депутатами поддержали рабочие других городов России. 17 и 18 февраля забастовки прошли на заводах Москвы («Динамо», трубопрокатном, хирургических инструментов, типографии Крылова и Шукшина и др.). 16 и 17 февраля, как протест против осуждения большевистской фракции Думы, прошла частичная забастовка студентов Харькова. Открыто выразили свое отношение к очередному злодеянию царизма рабочие-сормовичи. И все это несмотря на то, что вскоре после суда над депутатами правительство приняло самые решительные меры к пресечению движения: специальные объявления, вывешенные на фабриках и заводах, строго предупреждали, что за всякое революционное выступление его участникам грозит военно-полевой суд.

Расправа царизма над рабочей большевистской фракцией Думы послужила определенным стимулятором начавшегося оживления рабочего движения в России, активизации политических выступлений.

Выступления в поддержку депутатов продолжались и за пределами России. Спустя неделю после окончания процесса, 20 февраля (5 марта), около тысячи человек собрались в Цюрихе на митинг, устроенный в Народном доме Швейцарской социал-демократической партией и местными русскими социал-демократическими группами. Среди ораторов были Феликс Яковлевич Кон — видный деятель польского и российского революционного движения. Как отмечала охранка, «русские ораторы в чудовищной форме нарисовали внутреннее состояние России, преследование национальностей России русским правительством, призывали протестовать против политики русского правительства и добиваться освобождения осужденных депутатов социал-демократической фракции Государственной думы. Эта мысль вошла в резолюцию, принятую митингом с присоединением также протеста против реакционной политики русского правительства»[24].

Российские революционеры не были забыты также и на многотысячном всебалканском рабочем митинге, который состоялся 23 февраля в Софии (Болгария). На нем, кроме организаторов, присутствовали представители румынской и сербской социал-демократических партий. Руководитель митинга Димитр Благоев — основатель и вождь болгарской революционной марксистской партии «тесных социалистов» — выразил в своей речи

братскую солидарность с депутатами Думы, «которые за свой смелый протест против войны были осуждены хулиганствующим царизмом на пожизненное заключение»[25].

Специальная резолюция в поддержку депутатов была принята на массовом митинге русских рабочих Бостона в США 8 (21) марта 1915 года. Собравшиеся заявили, что «осужденные товарищи честно и добросовестно исполняли волю пославшего их рабочего класса и, находясь во вражеском стане эксплуататоров, бесстрашно и самоотверженно защищали интересы пролетариата и демократии в настоящую особенно тяжелую годину». В резолюции выражалась надежда, что «уже недалеко то время, когда откроются окончательно глаза всего русского народа и он начнет не царскую, капиталистическую, а свою гражданскую войну за свободу и демократию, когда Россия перестанет быть рабской царской Россией, а будет свободной, демократической, республиканской страной, где свободный народ почтит любовью и почетом этих теперь осужденных товарищей»[26].

Еще раз отдали должное депутатам норвежские социал-демократы. На своем съезде в Тронхейме (21—22 мая 1915 года) они по предложению А. Коллонтай, которая присутствовала в качестве гостя от России, послали сочувственную телеграмму Российской социал-демократической рабочей партии по поводу осуждения депутатов.

Спустя еще несколько месяцев на международном форуме интернационалистов — социалистической конференции в Циммервальде 5—8 сентября 1915 года,— собравшиеся в специальной «Резолюции симпатии жертвам войны и преследуемым» выразили глубокое братское сочувствие борцам против войны К. Либкнехту, Р. Люксембург, К. Цеткин и сосланным в Сибирь думским депутатам, которые, как говорилось в документе, «являются продолжателями славных революционных традиций России»[27].

Но все эти факты пролетарской международной солидарности не стали еще определяющими в общественной жизни. Их глушила неослабевающая волна шовинистических настроений, раздуваемых буржуазной прессой, делающей все, чтобы принизить, сбить революционный резонанс суда над большевистской фракцией Думы. Недаром Ленин вскоре писал: «Расправа с «внутренними врагами» проведена быстро, и на поверхности общест-

венной жизни опять не видно и не слышно ничего, кроме бешеного воя тьмы буржуазных шовинистов да подпевания ему горсток социал-шовинистов»[28].

Итоги суда и выводы

Партия, ее Центральный Комитет, Владимир Ильич Ленин всю осень 1914 и начало 1915 года внимательно следили за «делом депутатов». Из России постоянно шли информационные письма, посылались газеты, документы, сообщались необходимые сведения.

Подготовка суда и сам процесс имели для партии большое значение. На скамье подсудимых находились избранники рабочих, выдвинутые передовым отрядом пролетариата — Российской социал-демократической рабочей партией большевиков. Отстоять их честь, защитить, помочь в трудную минуту — такой была одна из поставленных задач. Необходимо было и другое: серьезно обдумать случившееся, подвести политические итоги процесса, сделать выводы для организации дальнейшей борьбы.

В. И. Ленин был в курсе всех дел, связанных со следствием и судом над депутатами. Поэтому спустя месяц после процесса в № 40 газеты «Социал-демократ» от 29 марта 1915 года появился материал «Что доказал суд над РСДР Фракцией?». Эта итоговая ленинская статья написана, как всегда, остро и публицистично. Вождь партии с большевистской прямотой, не боясь назвать «ошибку и слабость ошибкой и слабостью», говорил о недостатках в поведении депутатов, оказавшихся в необычной ситуации. И вместе с тем давал высокую оценку их думской и внедумской деятельности, особо выделяя мужество и стойкость в первые месяцы империалистической войны.

Ленин раскрыл перед партией огромное политическое значение процесса, проанализировал расстановку сил в российской и международной социал-демократии, сделал прогноз развития пролетарского революционного движения.

Самый главный результат процесса над РСДР Фракцией заключался, по мнению Владимира Ильича, в том, что суд «впервые дал открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, объективный

материал по важнейшему, основному, существеннейшему вопросу об отношении к войне *разных классов* российского общества» [1].

Все классы и партии России за полгода определили позицию в начавшейся войне. Во время процесса стало окончательно ясным классовое лицо партийных групп в Думе. И среди многоликого шовинизма всех мастей и оттенков громко прозвучал протестующий голос рабочих представителей.

Именно на это обратил особое внимание В. И. Ленин. Большевистские депутаты Думы на протяжении двух месяцев вели активную работу в массах, отражали и выражали взгляды передового пролетариата России. Фигурирующие на процессе листовки Петербургского комитета и материалы, изъятые на конференции в Озерках, с безусловной очевидностью подтвердили тот факт, что эти взгляды российского пролетариата враждебны шовинизму и что они созвучны идеям, пропагандируемым Центральным Органом большевиков. О том, что думские депутаты-большевики выражают волю большинства рабочего класса, свидетельствует то, что за последние два с половиной года вокруг «Правды», в полной идейной солидарности с которой работали депутаты, сплотилось $^{4}/_{5}$ сознательных рабочих России.

«Факты говорят,— сделал В. И. Ленин главный вывод,— что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России *на деле* сплотился вокруг ЦК и ЦО. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт,— он неопровержим. Цитируемые в обвинительном акте слова: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран»— эти слова, благодаря суду, разнесут и разнесли уже по России призыв к пролетарскому интернационализму, к пролетарской революции. Классовый лозунг авангарда рабочих России дошел теперь до самых широких масс благодаря суду» [2].

Второй важный итог процесса состоял в том, что «суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма *революционной* социал-демократией» [3].

Большевистские депутаты в Думе на протяжении двух лет наглядно демонстрировали для социалистического движения, как и в каком направлении должны работать рабочие представители в буржуазном правительстве.

Сочетание парламентской (легальной) и внедумской (нелегальной) деятельности дало тот блестящий результат, о котором говорил Ленин: сплочение вокруг большевистского Центрального Органа четырех пятых сознательных рабочих России. Депутаты оказались на высоте и во время начавшейся войны. И если «социалистические» депутаты многих стран возлагали надежды на легальность, сделались шовинистами и слугами шовинистов, то большевики-депутаты видели свой долг в непосредственных контактах, укреплении связей с пролетариатом, показали пример работы в гуще трудящихся.

С огромной гордостью Владимир Ильич подвел итог внепарламентской деятельности осужденных. «В России,— писал он,— нашлась одна рабочая партия, депутаты которой блистали не краснобайством, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью «европейского» адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора. Подняться выше — к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра — таков *на деле* был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического» парламентаризма. Спуститься ниже — помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образцами Муранова и Петровского» [4]. Для Ленина было важно всемирно-историческое значение опыта большевистских парламентариев России, опыта, который благодаря суду над депутатами стал известен во всех странах. Как положительные моменты Ленин отмечал выступления на процессе Петровского и Муранова, а также фигурирующие в обвинительном акте их записки о нелегальной работе.

Что следовало из осмысления материалов процесса? Рабочие разных стран, писал В. И. Ленин, знакомясь с опубликованными документами о нелегальной деятельности российских революционеров, больше не смогут соглашаться на старое удовлетворение легальностью парламентаризма буржуазии. Они наконец поймут, что это ведет к теснейшему фактическому союзу оппортунистов и буржуазии. Для каждого мыслящего рабочего становится ясным: кто на деле выступает союзником буржуазии, тот неизбежно переходит в стан врагов пролетарского движения.

Таков был еще один важнейший вывод из материалов процесса над депутатами.

Оценивая политическое значение суда, большевики отмечали и недостатки. В. И. Ленин и местные организации сочли необходимым признать «недостаточную твердость» членов большевистской фракции и остальных подсудимых. В письмах к Ленину из Питера в этом же духе высказалась А. И. Ульянова-Елизарова [5]. Я. М. Свердлов писал из ссылки: «Процессом депутатов не очень я доволен. Он должен был быть иным, более ярким, сильным. Надо было совершенно отбросить мысль о возможности получить минимальный приговор» [6]. Подобные оценки встречаются в письмах других большевиков.

Вместе с тем в переписке подчеркивалось главное — положительное значение деятельности депутатов. «Мы должны всеми силами защитить достоинство наших товарищей. Несмотря на могущую быть слабость — они все-таки молодцы по сравнению с «ходатайствующими» у министров»,— писал В. И. Ленину один из корреспондентов [7]. Надежда Константиновна также отмечала: «У депутатов же нет, собственно говоря, никакого отречения [от партии.— *И. Д.*], зато «вещественные доказательства» так ярко иллюстрируют их внедумскую деятельность, что это своего рода пропаганда. Владимир Ильич думает, что рабочие сумеют вычитать из газет то, что надо, и использовать как следует отчет» [8].

«Пусть бешено набрасывается на РСДР Фракцию правительственная и буржуазная печать, — писал В. И. Ленин,— пусть злорадно «ловят» проявления слабости или мнимого «несогласия с Центральным Комитетом» социал-революционеры, ликвидаторы и социал-шовинисты (надо же им бороться с нами хоть как-нибудь, если они не могут бороться принципиально!). Партия революционного пролетариата достаточно сильна, чтобы открыто критиковать самое себя» [9].

Депутаты-большевики с честью выполняли свой долг на воле. На суде они должны были продолжить начатую политику. А для этого, писал Ленин, «товарищам надо было отказаться от показаний по вопросу о нелегальной организации и, поняв всемирно-исторический момент, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков» [10].

Это не было сделано. Поэтому Ленин считал, что негативные стороны процесса надо учесть как урок на будущее. Спустя несколько месяцев в работе «Крах II Интернационала» он вновь подчеркнул то главное, что отличало поведение депутатов в начале войны: «Рабочий депутат Муранов, лучше других державшийся на суде и отправленный царизмом в Сибирь, показал наглядно, что кроме парламентаризма *министериабельного* (от Гендерсона, Самба, Вандервельде до Зюдекума и Шейдемана, которые тоже «министериабельны» вполне и вполне, их только дальше передней не пускают!) есть еще парламентаризм *нелегальный и революционный*»[11]. Эта же мысль проводится и в работе Владимира Ильича «Социализм и война», написанной через полгода после процесса. В специальном разделе «Российская социал-демократическая рабочая фракция в Государственной думе и война» Ленин еще раз напомнил, что «парламентская деятельность одних приводит их на министерские кресла, парламентская деятельность других приводит их — в тюрьму, в ссылку, на каторгу. Одни служат буржуазии, другие — пролетариату. Одни — социал-империалисты. Другие — революционные марксисты»[12].

Основные итоги были подведены. Выводы сделаны. Оставалось определить: сможет ли правительство запугать рабочих отправкой в Сибирь РСДР Фракции? И на это партия, Ленин дают определенный ответ: нет, рабочие не испугаются. Более того — они лучше поймут свои задачи. Научатся выбирать в Думу только таких людей, как члены РСДР Фракции, для такой же и даже более широкой и более «неоткрытой» деятельности среди масс. Вместо того, чтобы убить «нелегальный парламентаризм» в России, правительство по существу закрепило связь пролетариата с подобным парламентаризмом.

Верой в силу и крепость партии заканчивается статья Ленина, посвященная итогам процесса. Владимир Ильич пророчески писал: «Правдистские газеты и работа «мурановского типа» создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России. Около 40 000 рабочих покупали «Правду»; много больше читало ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он *один* стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Он

один устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои *от* социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, «Нашей Зари» *к* социализму. Его существование, его идеи, его работу, его обращение к «братству наемных рабов других стран» показал всей России суд над РСДР Фракцией. С этим слоем надо работать, его единство против социал-шовинистов надо отстоять, по этому единственному пути может развиваться рабочее движение России в направлении к социальной революции, а не к национально-либеральному «европейскому» типу»[13].

БОЛЬШЕВИКИ НЕ СДАЮТСЯ

Восстановление прерванных связей

Суд закончился. Кассационная жалоба, оттянувшая приведение приговора в исполнение, отклонена. Каторжный режим вступил в силу. Осужденных начали готовить к отправке в Сибирь.

Лишенные «всех прав состояния» депутаты вынуждены были расстаться даже с личными вещами. В тюремном цейхгаузе с них сняли благопристойные депутатские костюмы, накрахмаленные воротнички, шляпы, котелки и облачили в арестантскую форму, предназначенную для всех времен года: рубаху, порты, картуз и халат из серого казенного сукна. Разрешили оставить только обувь (вместо тюремных котов) и нижнее белье.

Бадаев впоследствии вспоминал: «Арестантское платье было в отвратительном состоянии— наряду с пятнами застарелой грязи виднелись следы гноя, мокроты и запекшейся крови. Эта одежда проводила в могилу не одно поколение тюремных обитателей. Каждый кусок арестантского платья говорил языком более живым, чем человеческая речь, о прошлых и будущих мучениях и страданиях» [1].

Но главное заключалось не в арестантской одежде. Тюремщики, вынужденные ранее сдерживаться, теперь распоясались: бывшие депутаты, лишенные прав, становились вне закона и ниоткуда не могли получить защиты. Хамское отношение, окрики, грубость надзирателей вошли в их повседневную жизнь.

Донимали и болезни. У Самойлова участились сердечные приступы и мигрени, появились желудочные боли; ухудшилось состояние нервной системы у Шагова. «Лечили» их на убогих койках тюремной больницы.

Наконец, по окончании весенней распутицы, заключенных начали готовить к отправке на поселение. 3 июня 1915 года объявили, что назавтра назначен отъезд прямо

из предварилки. Утром 4 июня всех подвергли дактилоскопии (взяли отпечатки пальцев). Врач засвидетельствовал «особые приметы». Покончено с последними формальностями: проверены вещевые мешки, на рубахи нацеплены арестантские номера, подготовлены кандалы... Но конвойный офицер «смилостивился» — наручников не надели. И, наконец, сделаны фотографии в арестантской одежде.

Поздно вечером 4 июня закрытый тюремный автомобиль с арестантами отправился на Николаевский вокзал. В специальном вагоне с решетками на окнах и дверях большевистским депутатам и их сопроцессникам предоставили два купе, остальную часть вагона, также отгороженную решеткой, занял сопровождающий особый конвой. Дежурный солдат сразу же занял свой пост.

Вывоз бывших депутатов проводился в полной тайне, но извещенные окольными путями, на вокзал пришли жены арестованных и небольшая группа рабочих. Принесли продукты, деньги, цветы. Кто-то крикнул:

— Не горюйте, товарищи, выручим!

В ночь на 5 июня вагон, прицепленный к отправляющемуся на Вологду поезду, двинулся в путь.

Еще весной было определено общее местонахождение ссыльных — Енисейская губерния. В специальном предписании от 19 апреля директор департамента полиции, информируя енисейского губернатора о приговоре, писал: «Принимая во внимание серьезный характер преступной деятельности названных лиц, имеющих широкие связи в революционной среде, департамент полиции просит Ваше превосходительство сделать распоряжение о водворении поименованных выше лиц в одной местности и вместе с тем принять все зависящие от Вас меры как к предупреждению побега высылаемых лиц, так и возможности попыток к освобождению их из ссылки, установив за этими лицами и их сношениями в месте водворения возможно строгий и бдительный надзор полиции» [2].

Некоторые либеральные депутаты Думы пытались хоть как-то смягчить участь осужденных. Депутат от Енисейской губернии С. Востротин 8 июня — на третий день после отбытия депутатов — отправил письмо из Таврического дворца на имя енисейского губернатора. Зная, что выбор места в губернии для поселения зависит от губернатора, он писал: «Имея в виду, что все высылаемые — семейные люди и имеют детей школьного возраста, жены их и группа членов Государственной думы об-

ратились ко мне, как к депутату от Енисейской губернии, с просьбой просить Ваше превосходительство назначить места жительства высылаемых не в столь отдаленных пунктах губернии и, если возможно, поселить их в г. Минусинске или, если нельзя почему-либо в городе, в Минусинском уезде, который является наилучшим местом в климатическом отношении, чего требует и состояние здоровья многих высылаемых. Исполняя просьбу многих моих товарищей по Государственной думе, я присоединяю к ней и свой голос» [3].

В просьбе было отказано. Более того, губернаторство «постаралось» подыскать в своих «владениях» наиболее суровое место для поселения. В письме от 9 июня 1915 года исполняющий должность губернатора Хозиков доносил в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири: «Принимая во внимание, что Туруханский край, как самая отдаленная местность от удобных для побегов путей сообщения и значительных населенных пунктов, является более подходящей в отношении осуществления надзора за означенными девятью ссыльнопоселенцами и предупреждения побега их, я нашел нужным распорядиться поселить осужденных в с. Монастырском Туруханского края» [4].

Действительно, Туруханская ссылка была одной из самых далеких и тяжелых. Помимо бездорожья дикий, малонаселенный край «славился» чрезвычайно суровым климатом, длинными холодными зимами, коротким летом. Редкие населенные пункты с небольшим количеством жилых построек * делали почти невозможными связи между ссыльнопоселенцами. Ссыльные называли эти места ловушками, тупиком, откуда никакого выхода не было: «Бездорожье и полная невозможность передвижения по Туруханской тайге «стерегли» политических ссыльных лучше всяких полицейских дозоров, каменных стен и тюремной стражи» [5]. Но, отправляясь в путь, депутаты не знали об уготованной им участи: точное место «водворения» в Сибири им не было сообщено.

Поезд с осужденными тащился медленно. На остановках у вагона собирались люди, желающие узнать, кого везут. Незаметно для конвойных Муранов наклеил на оконном стекле узенькую полоску бумаги с надписью «депутаты», и рабочие приветствовали арестованных, выражали сочувствие, обещали поддержку.

* Местные охотничьи племена остяков и тунгусов жили в юртах или чумах в отдалении от российских поселений.

— Прощайте, товарищи,— раздавались возгласы.— Не падайте духом! Мы вас не забудем, постараемся выручить!

12 июня проехали пограничный столб, обозначающий начало Сибири — азиатской части России. Эту границу арестованные не имели права перейти обратно *. «Переезжая границу Европы и Азии,— писал Г. И. Петровский своей жене Доменике Федоровне,— сердце сильно болело, но благодаря тому, что мы все вместе, не так тяжело это испытание» [6].

Горный и лесистый Урал кончился. Раскинулись необъятные равнинные пространства Западной Сибири. Погода стояла теплая, и депутаты под неусыпным надзором конвоиров выходили на станциях погреться на солнышке, купить поспевающую землянику. Уже начали устанавливать первые связи «с миром» — отправляли письма родным и близким, некоторым из своих бывших адвокатов (Н. Д. Соколову).

Миновали Тюмень, Омск, Барабинск, Ново-Николаевск. Начиналась Восточная Сибирь с ее глухой неприступной тайгой, протянувшейся вдоль железнодорожного полотна.

В Красноярске кончился первый этап пути. У ворот пересыльной тюрьмы встреча с группой административно высылаемых в Иркутскую губернию «политических» — товарищей по партийной работе в Центральной России, среди которых оказались знакомые «правдисты». Объятия, приветствия, расспросы... Еще одно общение со своими, новые сведения о жизни «на воле», положении в революционных кругах.

В пересыльной тюрьме, обнесенной высокой каменной стеной, депутаты с товарищами по процессу прожили шесть дней. Им объявили о дальнейшей судьбе — отправке на далекий север Енисейской губернии, в Туруханский край, за полторы тысячи километров от Красноярска по направлению к Ледовитому океану.

Предстоял еще один этап — на нарах в душном, мокром трюме дряхлого колесного пароходика вниз по Енисею. Двое суток добирались до Енисейска — маленького, бедного, грязного и пыльного городка. Но и здесь нашлись свои радости: на пароходе плыли старые знако-

* По законам царского времени все ссыльнопоселенцы, перебравшиеся через Урал, карались тремя годами каторги и по отбытии наказания высылались обратно в Сибирь.

мые по партии, с ними депутаты вели долгие разговоры об общем деле, передавали новости «с воли».

Сохранилось свидетельство большевика Б. И. Аронова, который следовал с депутатами этапом до Енисейска, беседовал с ними на политические темы — об отношении партии большевиков к войне и т. п. Из села Кежемского Енисейского уезда Аронов писал в Петроград члену меньшевистской фракции Думы Чхеидзе: «...Несколько слов об осужденных депутатах, с которыми лично я встретился в дороге и пробыл с ними несколько суток. В общем, все бодры. Самойлов болен — его хотели оставить в Енисейске, но отказали; Бадаев тоже не особенно здоров... Шагов грустен. Самочувствие остальных, а также сопроцессников, олимпийское. Все остаются верны занятой ими позиции (№ 33) *, ожидают светлых дней... Из Красноярска, кстати, их выкрали, равно из Енисейска. Охрана была им устроена почетная и бдительная — это их очень огорчало и стесняло. Так неудобно бывает находиться в положении депутата. Из Енисейска уехали было с большой нуждой, без сахара, но благородные ** к воротам тюрьмы доставили все, даже сеток против назойливой мошкары. Жду от них писем. Пожалуйста, похлопочите о переводе депутатов на Ангару, здесь лучше, чем в Туруханске...» [7]

После четырех дней пребывания в тюрьме депутаты снова двинулись в дорогу — опять по реке, теперь уже до места назначения. И, может быть, только уезжая из Енисейска, бывшие депутаты вздохнули свободно. После восьмимесячного тюремного заключения впервые по-настоящему ощутили острый аромат цветов, свежесть густой травы, теплоту солнца и дуновение ветра... На конвойных смотрели, как на назойливую, злую сибирскую мошкару: и это кончится!

Не могли наговориться: столько всего пришлось пережить! В селе Анциферово, где депутатов встречали ссыльные товарищи, конвой запретил всякое общение. Лишь в селе Ворогово (на границе между Енисейским уездом и Туруханским краем), где произошла очередная смена конвоя, арестованные почувствовали себя свободнее.

---

* Речь идет о № 33 газеты «Социал-демократ».

** Очевидно, имеются в виду члены Енисейской группы РСДРП А. Перенсон, А. Спундэ и другие. Самойлов в своих воспоминаниях пишет, что все необходимое передали им в тюрьму «местные товарищи, политические ссыльные».

5 июля 1915 года, спустя месяц после отъезда из Петрограда, осужденные прибыли на место поселения — в захолустное сибирское село Монастырское, находившееся при впадении Нижней Тунгуски в Енисей, в двух с половиной тысячах километров от ближайшей железнодорожной станции. Сорок — пятьдесят домов, две лавчонки, церковь, полицейское управление, мировой судья и каторжный острог с несколькими десятками стражников — таково было место, где им предстояло отбывать наказание.

Когда пароход подходил к высокому берегу, солнце после знойного дня склонялось к закату. Депутаты увидели, как от пристани навстречу плывет лодка. Быстро работая веслами, к ним приближался Яков Михайлович Свердлов. Радости не было предела — ведь это был старый друг, опытнейший партийный товарищ, член Русского бюро ЦК, сосланный в Сибирь в 1912 году. Поднявшись на борт пароходика, Свердлов крепко обнял каждого, сердечно приветствовал прибывших и произнес:

— Ну, завершили круг своей работы на пользу революции и рабочего класса?! Хорошо, очень хорошо. Теперь, дорогие гости, садитесь в лодку и поедем на новое местожительство, пожалуйста в нашу дружную семью!

На берегу их восторженно встретили ссыльные: С. С. Спандарян, В. Л. Швейцер, А. А. Масленников, М. С. Аксенов-Сергушев и многие другие.

В тот же день, на краю села у самого леса, в низеньком деревянном домике в четыре окна, с одной комнатой и кухней, где жил Я. М. Свердлов с женой К. Т. Новгородцевой и двумя малолетними детьми, состоялось первое неофициальное собрание: депутатов забросали вопросами о судебном процессе и этапном путешествии, а они, изголодавшиеся без информации, расспрашивали о жизни в ссылке, о товарищах, о партийных новостях.

В эти дни Г. И. Петровский писал жене: «Нас здесь встретил старый знакомый, который дня два и подкормил нас, пока мы разбрелись по квартирам. Собственно у меня еще нет ее, и я временно обитаю на квартире поселенца Спандаряна» [8].

Новые ссыльнопоселенцы понемногу стали втягиваться в непривычную жизнь. Разместились по соседству со Свердловыми: Бадаев, Самойлов и Шагов — в маленькой двухкомнатной квартире с самодельными кроватями; Петровский и Муранов поселились отдельно.

Сразу же пришлось думать о хлебе насущном. Бытовые нужды поглощали на первых порах много времени: заготовка дров, добыча и приготовление пищи (благо еще — лето и тайга с рекой рядом!), стирка белья и т. п. Не замедлила сказаться и необходимость заработка. Каждый устраивался, как мог, хотя возможностей было мало. Я. М. Свердлов, например, помимо уроков детям местных жителей, рыбной ловли и охоты, возил воду с Енисея на лошади одного из поселян и обслуживал находящуюся в их доме метеорологическую станцию*. М. К. Муранов вел в одной из лавочек бухгалтерские книги, Ф. В. Линде взялся помогать ссыльному латышу в строительстве дома, И. А. Воронин нанялся косарем в монастырь. Остальные занимались рыбной ловлей. Все были трудовыми людьми, и эти первые шаги по устройству в необычных условиях не представляли для них особых трудностей.

Раньше большевиков-депутатов связывали в основном общие партийные задачи, работа в Думе. Теперь жизнь поворачивалась иначе: впереди предстояли, может быть, долгие годы не только тесной работы, но и совместного ежедневного общежития. Стали чаще и больше встречаться, ближе узнавать друг друга.

Все особенно привязались к Якову Михайловичу Свердлову. Его душевность, отзывчивость, желание всегда прийти на помощь произвели на депутатов сильное впечатление. Петровский вспоминал: «Яков Михайлович — исключительно добрый товарищ. Хлопотливое участие принимал в устройстве депутатов в Туруханске, размещении по квартирам, а потом в совещании и партийных занятиях»[9]. А Самойлов отмечал: «В присутствии Я. М. Свердлова, всегда веселого, жизнерадостного и бодрого, тоскливое настроение быстро рассеивалось»[10].

Г. И. Петровский, некоторое время живя в семье Свердлова, в одном из писем жене писал с особой теплотой: «За все время моего пребывания ко мне Клавдия Тимофеевна и сам Свердлов относились очень и очень хорошо. Если когда-либо вздумаешь написать им, то благодари, что близкое тебе существо нашло лучшее товарищеское к себе отношение, чем даже я заслуживал»[11].

Якову Михайловичу еще по работе в Питере Григорий Иванович пришелся по душе. Он это отмечал и в своих письмах: «Что за хороший тип Петровский. Пре-

* Ныне Дом-музей Я. М. Свердлова.

лесть. Удивительная чистота, искренность, преданность своему долгу, делу,— писал он 20 марта 1915 года.— Именно таким он и остался у меня в памяти по личным впечатлениям. И рос он прямо-таки на глазах. Письма его обнаруживали этот рост. За него не страшно. Он удержится на высоте... В общем, все хорошие товарищи» [12].

Акклиматизация продолжалась недолго. Почти сразу же стали захлестывать и политические дела. В связи с ожидавшимся созывом очередной сессии IV Государственной думы бывшие ее члены, представлявшие в царском «парламенте» истинно пролетарскую Россию, решили еще раз заявить о себе, напомнить, что они живы, что ссылка в Сибирь не сломила их, что они считают беззаконным лишение их депутатских званий. Из далекого Туруханского края в Петроград, на имя Родзянко была послана телеграмма-протест:

«Председателю Государственной думы. Копии Керенскому и Чхеидзе. Лишенные ссылкой в Туруханск возможности представить личные объяснения в пленарном заседании об исключении, считаем долгом перед страной и избирателями заявить, что лишение нас прав членов Думы будет лишением сотен тысяч наших избирателей, рабочих, права подать свой голос в решительный момент истории народов России. Как до суда, так и после него мы остаемся избранниками рабочего класса, действовавшими всегда и во всех случаях в полном единении с мыслью и чувствами своих избирателей; мы заявляем, что только те, кто вручил нам мандаты, могли бы с выражением своего недоверия к нашей деятельности лишить нас права и обязанности продолжать защищать интересы рабочего класса и программу Российской социал-демократической рабочей фракции в Думе... Настоящее просим огласить на заседании Думы *» [13].

Чрезвычайно важным событием стало совещание ссыльных большевиков в Монастырском в середине июля 1915 года, посвященное итогам процесса над депутатами. На окраине села, в ветхой избушке собралось около тридцати политических ссыльных. Присутствовали руководящие работники партии, члены Русского бюро довоенного времени и Центрального Комитета РСДРП Ф. И. Голощекин, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин, члены РСДР Фракции Государственной

* Замолчать протест ссыльных в Думе не решились. Со значительными сокращениями он был оглашен на очередном заседании 14 августа 1915 г.

думы (Русское бюро военного времени), Л. Каменев, агенты ЦК А. А. Масленников, В. Л. Швейцер, участники процесса депутатов Ф. В. Линде и В. Н. Яковлев, большевики Д. П. Долбежкин, М. С. Аксенов-Сергушев, В. Сергушева, К. Т. Новгородцева и другие.

Совещание под руководством Я. М. Свердлова продолжалось три дня. Доклад о деятельности РСДР Фракции сделал Г. И. Петровский. Он обстоятельно охарактеризовал проделанную с начала войны работу — легальную и нелегальную, подробно остановился на ходе судебного следствия и процесса. Как один из недостатков Григорий Иванович отметил отсутствие руководства фракцией в этот период, что входило, как считали депутаты, в прямую обязанность Каменева. «Именно поэтому,— сказал он,— у нас не было общего плана поведения, и члены фракции выступали и вели себя на суде кто как умел» [14].

Каменев выступил на совещании с содокладом. Вместо того, чтобы сделать глубокий анализ событий, признать ошибки, он старался оправдать и выгородить себя, бросить тень на остальных сопроцессников. По воспоминаниям В. Л. Швейцер, участницы этого заседания, Каменев «доказывал, что провести правильную линию на суде не мог, ссылаясь на несостоятельность думской пятерки, на то, что имел дело с неподходящим «человеческим материалом» (подлинное его выражение). Он говорил и о нервном расстройстве Шагова, и о болезни Самойлова, и о деморализующем влиянии, какое оказывали на всех подсудимых их семьи. Речь Каменева произвела на всех крайне неприятное впечатление» [15].

В бурных прениях участвовали Свердлов, Спандарян, Муранов, Яковлев и другие. Г. И. Петровский позднее вспоминал: «Собрание проходило вольно, свободно высказывались по всем вопросам работы партии по всей России, и об отношении к войне, о пораженческой и оборонческой позициях в этом вопросе» [16]. Выступали принципиально, по-партийному. Одобрив в целом работу депутатов в Думе, высоко оценив нелегальную деятельность фракции, участники совещания отметили и огромное значение процесса для революционной мобилизации масс. Вместе с тем критиковали депутатов за ошибки, указывали на то, что Каменев не только не выполнил своей обязанности — руководить фракцией, но занял позицию оборонца. Присутствовавших особенно возмутило поведение Каменева на самом совещании. По воспоми-

наниям той же В. Л. Швейцер: «Возмущенные Муранов и Петровский выступили с резкой критикой всей тактики Каменева и как руководителя, и как сопроцессника. Они отметили всю фальшь его оправданий. Еще более резко охарактеризовал Каменева Спандарян и назвал его речь «речью либерального адвоката» [17].

Итог прениям подвела резолюция, составленная Свердловым, Спандаряном, Сталиным и Петровским. Несмотря на то, что в ссылку еще не дошел «Социал-демократ» с ленинской статьей «Что доказал суд над РСДР Фракцией?», участники совещания правильно оценили процесс, пришли в основном к тем же выводам, которые сделал Центральный Комитет партии.

Резолюция прежде всего отметила, что «позиция осужденных депутатов РСДР Фракции по вопросу о войне является единственно правильной точкой зрения на происходившие кровавые события, соответствующей интересам рабочего класса России и идее международного интернационала». Вместе с тем говорилось, что депутаты на суде «к сожалению, все же не смогли твердо и неуклонно провести свою революционную [тактику], допустив ряд колебаний и затушеваний... не смогли превратить процесс об «измене» рабочих депутатов в открытое обвинение пролетарскими депутатами правительства и либеральной буржуазии в измене русскому народу» [18].

Основное внимание в резолюции уделялось политическому аспекту процесса — наиболее важному для активизации борьбы с шовинизмом. Когда социал-демократические партии многих стран Европы, подчеркивалось в ней, забыли лозунг пролетарской солидарности, когда в самой России меньшевистская фракция в Думе осуществляет «позицию лояльности», осужденные большевики во весь голос напомнили миру интернационалистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В заключение при оценке положительных и отрицательных сторон процесса собрание пришло к выводу, что позитивные итоги «доводят до минимума промахи» депутатов. От имени «Группы социал-демократов ссыльных одного из пунктов Восточной Сибири» (так подписана резолюция) собравшиеся призывали повсеместно устраивать собрания, присоединяться к резолюции и распространять ее по стране.

Посланная в Центральный Комитет В. И. Ленину, попавшая в партийные организации Сибири и другие места резолюция ссыльных членов Русского бюро ЦК об

РСДР Фракции в Думе имела довольно широкое хождение. Она обсуждалась в партийных кругах.

Полученные из Сибири вести Ленин считал недурными — его не могли не обрадовать сообщения участников процесса об отсутствии разногласий депутатов с Центральным Комитетом.

К лету 1915 года накал политических страстей вокруг «дела депутатов» не снизился. В сборнике «Война», выпущенном за границей Плехановым и Алексинским, авторы пытались причислить фракцию и ее сопроцессников к своему «лагерю» — социал-шовинистов. Именно поэтому в статье «О положении дел в российской социал-демократии», опубликованной в № 43 «Социал-демократа» 26 июля 1915 года, В. И. Ленин категорически утверждал: «Про РСДР Фракцию, ушедшую в Сибирь, гг. Плеханов и Алексинский лгут бесстыдно. Теперь уже недалеко, вероятно, время, когда можно будет документально опровергнуть лгунов» [19].

Мысль об опубликовании официального заявления от имени Фракции возникла одновременно как в Сибири, так и за границей. В конце августа — начале сентября 1915 года в Сибирь было отправлено из Швейцарии письмо, в котором сообщалось об использовании заявлений на суде политическими противниками большевиков. «Думаем,— говорилось в нем,— что в интересах дела вам необходимо послать во все легальные левые газеты опровержение» [20]. К письму прилагались проект такого опровержения и вырезки из социал-шовинистской прессы.

23 января 1916 года Г. И. Петровский писал: «До нас доходят слухи, что мы разошлись [будто бы] в деле со всеми прежними друзьями. Это неверно. И если кто-либо будет изрыгать это, т. е. что все-таки мы разошлись идейно, в принципах и т. д., то это — ложь» [21].

Работая над текстом заявления для печати, ЦК РСДРП исходил из необходимости ликвидировать перед единомышленниками и противниками надуманную ситуацию «конфликта». Речь шла не об «амнистии» и «прощении» сделанных ошибок, а о документе, необходимом для нормализации политической атмосферы, ибо тактический промах на суде привел к недоразумению, получившему огласку.

К середине мая 1916 года была составлена информация для публикации в «Социал-демократе» — проект объяснительного письма, в котором участники процесса категорически заявляли, что ни о каких разногласиях с ру-

ководящим учреждением марксистов, решения которого обязательны для правдистов, не было и нет речи. Далее объяснялось, что депутаты не считали зал суда местом, где они в условиях военного времени могли излагать свои взгляды на современную войну. И хотя их поведение на суде вызвало некоторое недовольство единомышленников — правдистов, на это имелись смягчающие вину обстоятельства. Свою ошибку они признают — и в этом мнение правдистов является для них решающим. Однако, говорится в письме, поведение на суде участников процесса не дает ни малейшего права господам социал-шовинистам (с Плехановым во главе) приписывать им взгляды, которых не было. Заканчивается документ надеждой, что вскоре наступит время, когда все они смогут гораздо отчетливее высказаться по всем вопросам.

Владимир Ильич очень серьезно относился к заявлению депутатов. По поводу этого документа он писал: «*Безусловно* необходимо *еще* раз послать *самый* текст Каменеву и *дождаться* его ответа, *тоже письменного,* а не одного лишь телеграфного. Дело архиважное, малейшая неосторожность вредна. Лучше *попозже,* но солиднее»[22]. Через два месяца Ленин еще раз возвратился к этому вопросу: «Насчет телеграммы из Енисейска — необходимо запросить письмом. По догадкам печатать немыслимо. Надо *добиться* письма»[23].

Ленин обращал особое внимание на необходимость отречения Л. Б. Каменева от своей позиции на суде. А в тексте объяснительного письма, которое снимало вопрос о расхождениях между ЦК и депутатами, оценка поведения Каменева смягчена, и Центральный Комитет не располагал еше четким изложением его позиции.

Объяснительное письмо в партийной прессе так и не появилось. Скорее всего, не была оперативно установлена связь между заграничным ЦК и отдаленными городами сибирской ссылки (к осени 1916 года ссыльные депутаты уже находились в разных городах). Кроме того, развивающиеся революционные события конца 1916 — начала 1917 года, возникшая революционная ситуация ставили на повестку дня свержение царизма, буржуазно-демократическую революцию в России.

В. И. Ленин в своих публичных выступлениях периода войны неоднократно возвращался к судьбе депутатов, еще и еще раз высоко оценивая их работу. О них говорится в проекте декларации ЦК РСДРП к Лондонской конференции социалистов стран Антанты, РСДР Фрак-

ции посвящен специальный раздел в работе Ленина «Социализм и война». Владимир Ильич обращался к деятельности депутатов в работе «Несколько тезисов», в речи на интернациональном митинге в Берне, в предложениях ЦК РСДРП 2-й социалистической конференции и в приветствии съезду Итальянской социалистической партии. А в «Воззвании о войне» он с гордостью и уверенностью писал: «Все сознательные рабочие России стоят на стороне Российской социал-демократической рабочей фракции в Государственной думе (Петровского, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова), которые сосланы царизмом в Сибирь за революционную пропаганду против войны и против правительства. Только в такой революционной пропаганде и революционной деятельности, ведущей к возмущению масс, лежит спасение человечества от ужасов современной войны и грядущих войн. Только революционное свержение буржуазных правительств, и в первую голову самого реакционного, дикого и варварского царского правительства, открывает дорогу к социализму и к миру между народами» [24].

Тяжелые испытания

Немногим более двадцати дней прожили депутаты и другие участники процесса в Монастырском. В воскресный полдень 21 июля 1915 года туруханский пристав предложил снова немедленно собираться в путь. По телеграфному распоряжению енисейской губернской тюремной инспекции предстояла отправка обратно в село Елань, расположенное в 35 километрах от Енисейска. На столь «гуманное» решение повлияли требования вернуть депутатов из Туруханского края и петиции либеральной общественности.

В очередной тысячекилометровый поход, но уже на юг по Енисею, отправились двумя партиями: основная — 29 июля, а оставшаяся на несколько дней группа (Самойлов, Бадаев и Шагов) — 3 августа. После тяжелого, изнурительного пути первая партия 13 августа прибыла на место назначения. А тем, кто ехал следом, предстояла неожиданная и радостная встреча с женами...

Депутатским женам выпала тяжелая доля. Им приходилось мыкаться по судебным инстанциям с малолетними детьми на руках, с трудом добиваться минутных свиданий, организовывать передачи в тюрьму. Необхо-

димо было вести переговоры с адвокатами, списываться с партийными товарищами, вниманием и заботой поддерживать моральный дух заключенных. Время до начала процесса было наполнено тревогой за судьбы близких.

Жестоким для жен подсудимых был и приговор суда, лишавший их мужей всех прав. Прасковья Семеновна Шагова писала: «Я, например, по этой статье имела право свободно выходить замуж и священник должен был венчать. Как будто умер человек» [1].

Но женщин отличала стойкость, накопленная за многие годы революционной деятельности мужей. Их не сломило и то, что после оглашения приговора не разрешили даже проститься с мужьями (а ведь все они думали, что это последняя встреча!). Очень боялись, что не смогут выяснить, когда будут отправлять в ссылку. Но все-таки случайно узнали. Собрав последние деньги и продукты, прибежали на вокзал и несколько часов стояли поодаль от вагона, так как близко к поезду не подпускали конвойные. Сердце разрывалось от отчаяния и горя, но они улыбались, подбадривая отъезжающих... И тогда же решили: кто сможет — поехать за ними в далекую, суровую Восточную Сибирь, чтобы на правах «свободных» людей облегчить их жизнь.

Первой собралась Анна Анисимовна Бадаева с четырьмя детьми: тремя дочерьми и племянницей (самой маленькой шел второй год, а старшей, племяннице, было 12 лет). За ней — Прасковья Семеновна Шагова, оставив пока маленького сынишку с родными.

Путь этих истинно русских женщин был нелегок. К счастью, в Красноярске Бадаева с Шаговой случайно встретились и уже все последующие мытарства переносили вместе, помогая и поддерживая друг друга. Спустя многие годы Прасковья Семеновна так описывала один из последних этапов их «путешествия»: «Утром километрах в пятнадцати от Ворогова баржа вновь остановилась. Кругом на Енисее дым. Горела тайга. Страшное зрелище. Проснулись дети, испуганно прижались к нам, плачут... Из тайги звери бегут к воде. Проехать невозможно. Стоим день, другой. Кончился хлеб. Надо добывать пищу, ведь с нами дети...» [2]

Женщины делали все, чтобы выжить, спасти детей, добраться до любимых. А судьба не была милостива: пароходы запаздывали, баржи застревали, Енисей бушевал, тайга преподносила неожиданности... Местное жандармское начальство, бесцеремонно обращаясь с ссыльными

депутатами, заставляло их переезжать из конца в конец Восточной Сибири. И это тоже затрудняло встречу.

Но в Ворогове женщин застала неожиданная телеграмма А. Е. Бадаева: «Нас против нашего желания отправляют на лодках назад, в Енисейск, а затем в Елань. Оставайтесь в Ворогове и ждите нас»[3]. Более недели с нетерпением ожидали приезда мужей, не уходили с берега. Но сначала встретили первую партию ссыльных.

— История вас не забудет. Как мужественно вы переносите такие трудности! — говорили приехавшие.

Мучительное ожидание продолжалось. Каждый день казался вечностью. Наконец, счастливая встреча и дальнейший путь вместе с близкими и родными людьми. А на душе у каждого радостно: «Всем вместе будет легче!» Однако Петровский писал жене в Петроград, пытаясь ее успокоить: «Если бы ты знала, сколько эти две несчастные депутатские жены с детьми перенесли всяких неудач, то вполне удовлетворишься, что сама ты не поехала *. Вместе, или скорее через них, и нам пришлось пережить несколько горьких минут...»[4]

Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Ф. В. Линде, В. Н. Яковлев, И. А. Воронин и Л. Б. Каменев прибыли в Елань 13 августа 1915 года. Здесь им объявили, что по распоряжению начальства пяти депутатам определен местожительством город Енисейск. Остальные сопроцессники должны были оставаться в Елани.

Город уже готовился к встрече. Еще до прибытия депутатов тайный полицейский агент извещал жандармское управление, что в Енисейске и близлежащих селах ждут революционных парламентариев и надеются на оживление революционной борьбы.

20 августа в город приехали Петровский и Муранов, а 22 августа — остальные. На первых порах Петровский, Муранов, Самойлов и Бадаевы поселились вместе

* У Петровских дети были более взрослыми (в 1915 г. Петру исполнилось 16 лет, Леониду — 13, Антонине — 10). Все они учились, и семья, несмотря на желание встретиться и помочь друг другу, не сочла возможным рисковать судьбами детей, оставив их одних в суровом, холодном и голодном военном Питере. Кроме того, сама Доменика Федоровна сдавала экзамены за три класса гимназии, чтобы иметь право поступить на акушерские курсы и получить специальность для самостоятельного заработка. Все это задержало отъезд семьи в Сибирь. Однако летом 1916 г. Д. Ф. Петровская собралась в ссылку к мужу, но его перевод в Якутск и надвигающиеся революционные события сделали этот отъезд нецелесообразным.

Жена Ф. Н. Самойлова приехала в Енисейск 30 сентября 1915 г. с маленьким сыном Леонидом.

в двухэтажном полукаменном доме Глазкова на Сенной площади. Позднее Петровский с Мурановым заняли отдельные комнаты на Нагорной у Бабыкина.

С первого дня начались унижения. Сначала «прием» у исправника. Тот «показал» их стражникам. После этого позвал к себе пристав. С ехидной усмешкой сказал, что хочет познакомиться с ними, посмотреть на их физиономии.

— Вы мне отданы под надзор и, надеюсь, никаких неприятностей у нас не будет!

О жизни депутатов в ссылке известно немного. Кроме свидетельств самих депутатов (Бадаева и Самойлова), некоторые следы их пребывания в Енисейске можно найти в восточносибирских архивах бывших жандармских управлений. Там же хранится незначительная часть перлюстрированной переписки депутатов с различными общественными деятелями и партийными работниками. Но эти документы не могут всесторонне осветить их ссыльную жизнь и деятельность. Поэтому с особым вниманием вчитываешься в каждую строчку чуть не ежедневных писем Г. И. Петровского к жене в Петроград, подлинники которых хранятся ныне в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Эти письма-отчеты, письма-дневники служат достоверным историческим источником периода пребывания депутатов в ссылке. В них Петровский раскрывается как человек большой души, бесконечно привязанный к семье и близким. Рассказ о душевных переживаниях, размышления и сомнения чередуются с деловыми советами и распоряжениями, со скрупулезной подчас информацией о быте, настроениях депутатов, работе, планах, мечтах, об окружающей обстановке. О возникновении этих своеобразных исповедей очень хорошо сказал сам Григорий Иванович: «Я изобрел способ почти все тебе сообщать. Перед глазами на столе лежит каждым днем начатое тебе письмо. Как только сажусь за стол, так сейчас же пишу тебе, таким образом ты знаешь, что я чувствую и думаю каждый день» [5].

Таких писем сохранилось около ста. По ним можно восстановить некоторые стороны жизни депутатов в ссылке. Устроившись на новом месте, Григорий Иванович сообщал: «Здесь, в Енисейске, нет ничего завидного и фабрично-заводская жизнь совсем отсутствует. Между тем жизнь здесь все же дороже, чем где-либо из прошедших нами этапов...» [6] А в другом письме добавлял: «...надо тебе сказать, что город здесь паршивый, всего больше тор-

говый, в нем больше сидят кровососы, рабочие которых работают в тайге на золотых приисках, поэтому бедноты хоть отбавляй...»[7] Приблизительно то же сообщает Ф. Н. Самойлов в письме Г. Л. Шкловскому в Швейцарию 8 ноября 1915 года: «Городок наш представляет собой маленькое захолустное местечко. Здесь очень тихо и спокойно, и очень мало и редко доходят сюда какие-либо отголоски происходящей там, в далекой Европе, кровавой мировой драмы. Здесь нет ни раненых, ни беженцев...»[8]

Одной из тягостных и унизительных сторон жизни был постоянный надзор и слежка полиции. Мелочное глумление стражников не прекращалось практически ни на один день. В начале ноября 1915 года Петровский рассказал жене, как однажды вечером его неожиданно вызвали в участок, где уже находились Бадаев и Самойлов. Чуть не по стойке «смирно» пришлось стоять депутатам перед развалившимся в кресле приставом. «Теперь ихняя берет,— горестно восклицал Григорий Иванович в письме.— Вот здесь поднадзорные и поселенцы живут под полным произволом полиции, сколько тут наслушался всех я слухов, так это ужас! Сибирь страна хорошая, но почти вся превращена в тюрьму и ой как тяжело живется людям»[9].

Во второй половине сентября в Енисейске наступила уже суровая сибирская зима. Морозы доходили до 50°. К голоду и холоду прибавились болезни. «Здесь зима в полном разгаре,— писал Петровский 23 октября 1915 года,— морозы уже жестокие, это только октябрь. Очевидно, с непривычки к ним наши тут болеют. Так, например, Шагов простудился и опасно болен, вот уже более недели лежит и все хуже и хуже ему. Оно и понятно. Квартиры здесь хорошей не найдешь, а климат болотный, зимой же очень суровый. В связи с дороговизной домохозяева и квартирохозяева топят скупо, всегда простываешь, надо сугубую осторожность, чтобы не простудиться и не заболеть... Жутко становится за людей, когда послушаешь рассказы бывалых. Сколько перемерзло народу, простудилось, да умирали — и числа этому нет. Да, гибнут люди и лучшие люди. За что?»[10]

Болезни не обошли никого. После ареста и поселения значительно ухудшилось здоровье Ф. Н. Самойлова («он на ладан дышит», «едва стал ногами двигать»,— писал Петровский). Частые головные боли и простуды бывали у самого Григория Ивановича. Тяжело заболели Муранов

и жена Бадаева. Плохое здоровье было у жены Шагова. Болели детишки... Г. И. Петровский информировал обо всем Доменику Федоровну для передачи питерским товарищам и членам Думы. «Таким образом,— писал он в середине ноября,— уже три депутата болеют... О том, что у нас трое больных, если кто придет или кого увидишь из депутатов — передай»[11].

Д. Ф. Петровская расторопно и точно выполняла поручения мужа. Уже через две недели, 1 декабря 1915 года, большевистский журнал «Вопросы страхования», легально выходивший в годы войны как журнал рабочей страховой группы Страхового совета, опубликовал заметку «Болезнь депутата Шагова». Расчет лаконичной информации был прост: еще раз напомнить пролетариям о судьбе и положении их избранников в «российском парламенте». Вскоре (11 января 1916 г.) в читинской газете «Забайкальское обозрение»* была опубликована заметка «Депутаты в ссылке».

Тяжелым было материальное положение депутатов и их семей. Питались подчас всухомятку. Особенно бедствовала большая семья А. Е. Бадаева. Заболевшая жена — в захолустной больнице, дети без присмотра дома. Имеющиеся деньги уплывают на лечение, квартиру, скудное питание. Все помогали, как могли. Но положение становилось почти трагическим.

Забота об арестованных и сосланных товарищах началась сразу же после незаконного их задержания. Большую помощь депутатам оказывали посылками родные и близкие. Но в основном поддерживала их партия, рабочий класс. В двадцатых числах ноября 1915 года в подпольную типографию было сдано обращение Русского бюро ЦК к местным организациям и заграничным группам РСДРП, призывавшее оказать материальную поддержку депутатам: «Огромное большинство осужденных лишены абсолютно всяких средств, равно как и их семьи. Мы полагаем, что, несмотря на самое тяжелое финансовое положение местных организаций, партия обязана позаботиться о своих осужденных депутатах и хотя сколько-нибудь обеспечить их материально... Мы приглашаем вас немедленно организовать специальные сборы на фабриках, заводах, в ремесленных мастерских, среди учащейся молодежи и среди общества. **Дело не терпит отлагательства»**[12].

---

* Газета издавалась социал-демократами интернационалистами, большую роль в ней играли большевики.

В России повсеместно начались сборы для депутатов. В Екатеринославе, где выдвигался в Думу Г. И. Петровский, вскоре после их ареста рабочие Брянского завода создали фонд помощи депутатам. К ста рублям, присланным в ссылку избирателями Н. Р. Шагова, была приложена телеграмма: «Общее собрание Родниковского кооператива, объединяющего 2800 потребителей, шлет искренний привет бывшему председателю общества и работнику нашего района, желает скорого возвращения к прерванной работе и надеется видеть вас среди защитников трудящихся» [13]. В письмах Петровского неоднократно сообщается о получении различных денежных сумм от рабочих.

Кампания денежной помощи депутатам была широко развернута и среди заграничных секций партии. Сборы производились во время докладов, массовых собраний и митингов, специальными организациями помощи ссыльным и каторжанам. Газета «Социал-демократ», информируя читателей о расходовании денежных средств, сообщала: «В пользу семей осужденных депутатов (за все время) собрано на рефератах в Божи — 45,30 фр., в Женеве — 39,70, через Парижскую секцию поступило 168, от румынского товарища — 70, из Монпелье — 11, из Тулузы — 8, из Генуи (по подписному листу) — 23, из Женевы — 10,25, через Краковский Союз помощи политическим ссыльным — 35. Итого 407,25 фр.» [14].

Но как бы ни была бескорыстна и чистосердечна оказанная депутатам помощь, их угнетал сам факт существования за чужой счет. В письмах Г. И. Петровского четко определяется отношение к сборам: «...депутаты решили впредь, пока у них есть еще накопленные вами (женами.— *И. Д.*) деньги за время нашего сидения в тюрьме, не пользоваться сборами от рабочих... Все же присланные деньги мы будем отдавать часть нашим сопроцессникам и в колонии политических ссыльных» [15]. В другом письме сообщается: «Я отослал в «Вопросы страхования» отчет о распределении между политическими ссыльными полученных на нас денег... с заявлением, что впредь, пока отсутствует у нас острая нужда, мы распределили [их] и т. д. Пока у нас есть кое-что, депутаты рабочих *пятаков проедать не хотят*» [16].

Конечно, помощью рабочих, партийной кассой и заграничными сборами приходилось пользоваться. Но депутаты старались делать это в минимальных размерах. Поэтому с первых же дней пребывания в Енисейске они

предприняли попытки найти пусть небольшой, но прочный заработок. Но это оказалось очень нелегко. Постоянная тревога ощутимо прослеживается в письмах Петровского. В сентябре, то есть спустя месяц после поселения, он писал: «...в этой норе Енисейске нет возможности достать работу, а жизнь все дороже становится» [17]. В начале октября опять: «...для нас тут, бесправных, жить в городе все равно, что быть в тюрьме, и я еще и сейчас не вижу себе, где бы заработок приобрести, разве пилить дрова, да чистить от снега дворы?!» К середине того же месяца Григорий Иванович вновь с грустью сообщает, что уже «до тошноты жизнь лодыря надоела» [18]. После длительных и безуспешных поисков работы в начале 1916 года возникла возможность наняться в тайгу на золотые прииски, верст за 150—300 от Енисейска. «Там, говорят, в токарях нуждаются,— писал Григорий Иванович.— Не хотелось забиваться в глушь, да ничего не поделаешь» [19].

И так от письма к письму: планы, надежды, разочарования, грусть от безвыходности положения...

В январе Г. И. Петровский поступил токарем в мастерские пароходства. Очевидно, это было временное устройство, так как он писал жене: «Начал, не зная на сколько хватит работы. Говорят, до весны, боюсь, что раньше прекратят». Через несколько дней сообщал: «Прошла неделя в работе. Работать трудно. Станок большой, а работа все больше мелкая, приходится все чаще ворочать станок, ну и надрываешься. Вчера была получка, за пять дней получил 12 р. 50 к. ...Я тут подработаю и накоплю на лето, хотя работы, видимо, очень мало. Я думал — хватит на четыре месяца, а там едва ли хватит на два, а потом опять...» Вместе с работой приходит и хорошее настроение: «Как только начал я зарабатывать, так лучше начал себя и чувствовать»,— заканчивал Григорий Иванович одно из своих писем [20]. Однако весна и лето 1916 года опять прошли в безрезультатных поисках работы: на прииски не взяли — ведь за политическими ссыльными нужен был специальный надсмотрщик!

В Енисейске заработки у всех были эпизодическими. В январе 1916 года устроился кассиром в кооператив Н. Р. Шагов. Работая в холодном, почти не отапливаемом помещении, он получал по рублю в день. Семья жила экономно, считая каждую копейку. А. Е. Бадаев не смог устроиться на работу из-за тяжелой болезни жены: беготня по больницам, уход за детьми отнимали много

времени. Из-за обострения туберкулеза легких Ф. Н. Самойлов тоже не смог работать. В таких случаях приходилось пользоваться помощью товарищей.

Как бы ни было тяжело пребывание в ссылке, депутаты не сдавались. Они не отставали от жизни, старались как можно больше читать, продолжали самообразование. У поселенцев удалось найти несколько книг по российской истории (Ключевского, Покровского), и рабочие депутаты пристально вглядывались в прошлое страны. Каждый совершенствовал свои знания по русскому языку, математике, по мере возможности следил за текущими событиями, зачитывая до дыр редко попадающиеся номера газет.

Недостаток литературы ощущался очень остро. Поэтому в первом же (сентябрьском 1915 года) письме к товарищам в центр и, конечно, к Ленину А. Е. Бадаев жаловался на отсутствие газет, журналов, книг, полную оторванность от жизни. «Каждая колония,— писал он,— пользуется одной газетой, прочитывая по очереди, за 75 верст обращаются к нам, чтобы помочь им чем только можно, а мы сами еще ничего не имеем — ни газет, ни книг, ни журналов, чем можно было поделиться. Нужда в этом здесь очень большая. Поэтому я обращаюсь к вам, т[оварищи], с просьбой устроить для всех нас высылку пары газет, хотя бы «День» и «Речь». Необходимо также высылать все, какие выходят, рабочие издания, не исключая, конечно, «Вопросы страхования» — от первого номера,— видели мы его только мельком, и если бы можно, то парочку журнальчиков. За все это, конечно, когда вернемся, расплатимся с благодарностью» [21].

Та же просьба красной нитью проходит через многие письма Г. И. Петровского: «...мы почти ни одной газеты не получаем». Неоднократно звучали просьбы присылать журнал «Вопросы страхования», газету «Рабочее утро», издания с книжного склада «Правды», а также все сочинения А. М. Горького, чтобы «здесь его хорошо изучили — ведь это наш пролетарский поэт» [22]. К началу 1916 года библиотека ссыльных значительно расширилась. В ней уже имелись такие довольно редкие по тому времени книги, как «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Исторический материализм» Ф. Меринга и многие другие. Получали и начавший выходить под руководством Горького интернационалистский журнал «Летопись».

Так в далекой сибирской ссылке рабочие депутаты, измотанные условиями жизни, неустроенным бытом, бо-

лезнями, продолжали жить политическими интересами партии, пополняли знание марксизма, повышали образование, надеясь, что еще смогут быть полезными в революционной борьбе пролетариата.

На поселении ярко высветилась еще одна прекрасная человеческая черта депутатов — все они были внимательными мужьями и нежными отцами. В ссылке ребятишек собралось несколько человек. Даже при малых возможностях особое внимание проявлялось к четверым детям А. Е. Бадаева. Восхищались развитостью маленького Лени Самойлова, который знал много стихов и, еще картавя, «преуморительным» чтением доставлял большое удовольствие ссыльным. Радовал и малыш Витя Шагов.

Г. И. Петровский очень скучал по своим детям, оставшимся в Питере. Его письма к ним полны любви и заботы не только об их здоровье, но и об общем развитии, нравственности, человечности. Он радовался успехам детей и сокрушался по поводу их неудач. Делал все, чтобы и из заточения помочь жене в воспитании ребят, находившихся в переходном возрасте[23]. Дети отвечали Григорию Ивановичу привязанностью, откровенностью, уважением. Гордость за отца-революционера помогала их формированию, была утешением для самого Петровского.

Усилия родителей по воспитанию детей не пропали даром. Они рано приобщились к революционной борьбе. Вскоре после процесса над депутатами Петр и Леонид Петровские передали в тюрьму записочку: «Отец, тебя осудили, а мы решили заменить тебя и вступили в подпольный большевистский кружок...»[24] С первых лет сознательной жизни они начали принимать участие в революционной борьбе: помогали подпольщикам печатать и распространять большевистские листовки, прятать их от полицейских ищеек. Когда подросли, выполняли поручения как члены большевистского кружка *.

Новый, 1916 год депутаты встречали все вместе, вскладчину. Из Челябинска к празднику прислали много поздравлений и сладостей. Подняли тост за партию, за Ленина, за рабочий народ. Подытожили пережитое, наметили планы на следующий год. Спели популярную в то время песню «С Волги-матушки широкой». Гармонист грянул плясовую, и в круг вошли Петровский с Мурановым... Было весело. Все верили в грядущую революцию

* Петр и Леонид Петровские в 1916 г. стали членами партии. В 1917 г., во время штурма Зимнего дворца они, совсем юные, находились в первых шеренгах атакующих.

и освобождение. Но на вечеринке присутствовали ссыльные и каторжане, прожившие в сибирских краях около десяти лет. Настроение этих людей отрезвляло. «Они лелеяли мечты,— писал в те дни Петровский,— и... до сих пор здесь» [25].

Среди статей и открыток, присланных к Новому году, была фотография с картины Верещагина «Апофеоз войны» — громадная гора человеческих черепов. Григорий Иванович часто внимательно вглядывался в этот, по существу, шедевр антивоенной пропаганды, не только бережно его хранил, но и прикрепил на стене рядом с фотографией брата-фронтовика: «Теперь у меня Андрюша-солдат окружен открытками, порождающими дурное отношение к войне»,— написал он 2 января 1916 года [26].

Надежды на скорое освобождение были пока эфемерны. Война продолжалась. Царское правительство не сдавало позиций. Но рабочий класс уже готовился к решительному штурму самодержавия.

Верность партийному долгу

Размеренная, внешне спокойная жизнь депутатов в ссылке была на деле прикрытием революционной борьбы. Фракция уже не осуществляла свои официальные функции, которых лишил народных представителей царский режим, но, несмотря на «неусыпное око» жандармов, дружно и согласованно занималась подпольной деятельностью.

Опыт партийной работы у всех был значителен — двадцатилетний у Петровского, десятилетний у остальных депутатов. О многом было передумано во время пребывания в тюрьме. В архивах сохранилась копия рукописи Г. И. Петровского об организации нелегальной работы, которую охранка датировала июнем 1915 года, то есть тем месяцем, когда депутаты следовали в ссылку.

Рукопись состоит из пяти разделов: «Общая постановка организации», «Хранение адресов», «Устройство собраний», «Устройство собраний на квартирах», «Техника и листки» [1]. В каждом из них обстоятельно изложены способы обеспечения конспирации в подпольной деятельности партийных организаций, которая гарантировала бы от провалов, способствовала сохранению революционных сил. Тщательное соблюдение правил конспиративной работы было особенно необходимо в усло-

виях политической реакции, в частности в военное время. Этим, надо полагать, и вызвано составление документа.

4 июля 1915 года петроградская охранка сообщала в департамент полиции, что «по полученным от секретной агентуры отделения сведениям несколько дней тому назад от бывшего члена Государственной думы Петровского из места его заключения на имя одного из рабочих гор. Петрограда было получено письмо с приложением его собственной рукописи, представляющей собой наставления для постановки партийной работы, озаглавленной: «Общая постановка организации». Рукопись эта перепечатана на пишущей машинке в ограниченном числе экземпляров и распространена среди местных социал-демократов» [2].

Революционную работу в ссылке депутаты осуществляли максимально конспиративно, соблюдая рекомендации, изложенные в рукописи. Именно по этой причине сохранилось незначительное количество документов тех лет. Однако, собрав свидетельства воедино, можно в некоторой степени восстановить картину их деятельности.

Надо отметить, что Енисейская ссылка была одной из наиболее многолюдных в Сибири. В городе проживало несколько десятков тесно связанных между собой большевиков. Через Енисейск проходили ссыльные в Туруханский край и на Ангару, поэтому удавалось поддерживать связь и с другими районами. Приезд депутатов способствовал образованию крепкого большевистского ядра, которое оказывало влияние на политическую жизнь ссыльнопоселенцев. Произошла и явная активизация революционной деятельности в городе.

Вскоре после приезда в Енисейск, в начале сентября 1915 года, депутаты собрали у себя в доме местных ссыльных социал-демократов, перед которыми сделали доклад о процессе. «На собрании,— вспоминал позднее Ф. Н. Самойлов,— присутствовало довольно много народу. Прения были горячие. Часть товарищей стояла за одобрение нашего поведения на суде, а часть (1—2 человека) — против и предлагала вынести нам что-то вроде порицания. Ввиду разногласий была избрана комиссия из трех человек для выработки резолюции по нашему докладу. Комиссия выработала резолюцию, осуждавшую наше поведение на суде. Устроили второе собрание и вновь поставили на обсуждение этот вопрос. В резуль-

тате собрание отвергло резолюцию комиссии и вынесло другую, одобряющую деятельность нашей фракции»[3].

Ссыльные депутаты-большевики делали все возможное, чтобы расширить свои связи. Усилия, затраченные на установление контактов с заграничным Центральным Комитетом, с различными российскими партийными центрами и печатными органами, с местным населением и избирателями, были небезуспешными. «Мы всеми силами стремились найти пути для связи с В. И. Лениным»,— писал Петровский[4]. Это надо было делать очень осторожно, чтобы не вызвать подозрения полиции.

Первое письмо из Енисейска Ленину в Швейцарию ушло 23 сентября 1915 года. В нем А. Е. Бадаев сообщал о пути следования в Сибирь и поселении (с указанием адреса), просил информировать депутатов о партийных делах и оказать помощь в присылке материалов[5]. Как напоминал Алексей Егорович в одном из своих последующих сообщений Н. К. Крупской,— он написал ей чуть ли не сотню писем[6].

8 ноября 1915 года отправил письмо в Берн Г. Л. Шкловскому Федор Никитич Самойлов. Оно было ответом на запрос от 18 июля, когда в ЦК еще не знали точного места поселения депутатов (поэтому открытка пропутешествовала три с половиной месяца). В обширном письме (написано на шести открытках) Самойлов информировал товарищей о жизни в тюрьме, о пути в Сибирскую ссылку, об общем состоянии депутатов, но главное, сообщал точный адрес, на который ожидал вестей из партийного центра[7]. Связь была установлена. Как вспоминал Федор Никитич, «изредка к нам доходили письма из-за границы, от близко стоявших тогда к ЦК партии товарищей»[8].

Уже к концу 1915 года депутаты имели в своем распоряжении сороковой номер «Социал-демократа» от 29 марта, в котором были опубликованы статья «Что доказал суд над РСДР Фракцией?», очень важные резолюции февральской конференции заграничных секций РСДРП с четко сформулированными лозунгами по вопросам войны, мира и революции, а также другие ленинские материалы. Вскоре до Енисейска дошел и № 45-46 «Социал-демократа» от 11 октября со статьями Ленина и документами о международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария), проходившей в первых числах сентября. У ссыльных хранился также переписанный экземпляр обращения конференции к про-

летариям Европы. Сами депутаты снимали копии со многих руководящих документов, опубликованных в «Социал-демократе», так как это было необходимо для пропаганды ленинских взглядов.

В ссылке они старались продолжать революционную деятельность как единая партийная группа. Фактически по-прежнему работали как большевистская фракция под председательством Г. И. Петровского. «Мы довольно регулярно устраивали свои заседания, на которых обсуждали все текущие вопросы»,— вспоминал Самойлов. На заседаниях нередко присутствовали и другие ссыльные товарищи. От вновь прибывших в ссылку депутаты узнавали о событиях в Петрограде, происшедших в течение года после их ареста. На одном из заседаний было решено снова обратиться к Государственной думе с требованием принять все меры к защите попранных прав представителей рабочего класса. Обращение отправили в Петроград на имя председателя Думы, а копии — Чхеидзе и Керенскому. Однако, как и первое обращение, посланное из Монастырского, оно не дало никаких результатов.

Совместно с другими ссыльными депутаты организовывали в Енисейске дискуссии. Собиралось по 30—40 человек, представлявших различные партии и социальные группы. Особенно острыми были споры об отношении к войне. Как и повсюду, меньшевики и эсеры проводили идею «защиты отечества», а большевики стояли на ленинской позиции превращения империалистической войны в гражданскую. Чаще других большевиков на этих нелегальных дискуссиях приходилось выступать Г. И. Петровскому. Давая отповедь «защитникам отечества», в частности меньшевику Брусневу, одному из лидеров «рабочих групп» в буржуазных военно-промышленных комитетах, Григорий Иванович отстаивал, несмотря на яростные атаки противников, взгляды большевиков.

— Война идет самая обычная,— говорил он,— капиталистические группы Европы делят колонии для эксплуатации и угнетения. За это, как и раньше, гибнут сотни тысяч и миллионы простого рабоче-крестьянского люда. Богачи наживаются на войне... Надо стрелять в правителей, а на фронтах вести агитацию за братание солдат, за мир без аннексий и контрибуций [9].

Ленинские, большевистские взгляды на войну пропагандировать было опасно: за открытое выступление де-

путатам грозило увеличение срока ссылки. Но они пользовались любой представлявшейся возможностью. Пример тому — доклад А. Е. Бадаева в Красноярске. Получив в связи с тяжелой болезнью жены, которая находилась в красноярской больнице, разрешение на выезд из Енисейска, Алексей Егорович в середине февраля 1916 года отправился в путь. Приехав в Красноярск в начале марта, он, тщательно соблюдая конспирацию, установил связи с местными партийными организациями. И уже вечером 13 марта на квартире одного из рабочих железнодорожных мастерских было устроено собрание. Среди одиннадцати присутствующих находились также представители от городской организации.

Выступая перед местными революционерами с более чем трехчасовой речью, Бадаев как член Русского бюро ЦК ставил перед собой задачу: отчитаться о деятельности фракции и рассказать о процессе над депутатами, обстоятельно изложить ленинскую антивоенную позицию, дать характеристику современного положения и борьбы рабочего класса России, призвать красноярских рабочих претворять в жизнь ленинские тезисы о войне. Реферат назывался, по данным полиции, «Победа или поражение» и произвел на слушателей сильное впечатление. Как докладывала охранка, речь Бадаева «повлияла на депутатов от рабочих, горячо приветствовавших представителей своих интересов; присутствовавшими постановлено собраться на следующий день для обсуждения вопроса об образовании ячейки для активной работы под руководством городского коллектива» [10]. По утверждению Самойлова, на совещании была также принята резолюция, одобряющая поведение депутатов.

Обсуждение доклада продолжили на следующий день. Бадаев на нем не присутствовал, так как вынужден был покинуть город в связи с обнаруженной слежкой *. Но задача активизации революционной деятельности в большевистском духе и пропаганды ленинских взглядов была выполнена. Собравшиеся 14 марта решили организовать кружки самообразования и издать воззвание к рабочим с призывом прекратить работы, связанные с выполнением военных заказов. Начальник енисейского жандармского управления вскоре писал: «Приезд, хотя и

* Из Енисейска вместе с Бадаевым выехал в Красноярск приставленный к нему секретный агент охранки, носивший кличку «Таежная мошка». Он информировал полицию о каждом шаге ссыльного.

кратковременный, бывшего рабочего депутата Государственной думы Бадаева всколыхнул доселе инертную рабочую массу и породил образование новой «Бадаевской» С. Д.-ячейки специально для пропаганды пораженчества и агитации прекращения работ на государственную оборону» [11].

Существенным итогом доклада А. Е. Бадаева было издание в марте 1916 года большевиками города листовки «Ответ Красноярской группы РСДРП на вопросы Красноярского военно-промышленного комитета». Распространяемый по всей Сибири, этот листок излагал отношение Центрального Комитета партии к войне. Он призывал обратить оружие против истинных врагов пролетариата — «отечественных угнетателей», а не против рабочих других стран. «Пусть войну кончат революционные народы, победа которых над своими правительствами и явится достойным концом войны» [12].

О поездке А. Е. Бадаева в Красноярск, проведенном там собрании и докладе вскоре стало широко известно. Через два месяца после события, 14 мая 1916 года, газета «Сибирская жизнь» дала на своих страницах сообщение о допросе Бадаева местной жандармерией в связи с собранием и о том, что от дачи показаний депутат отказался. Однако «дело» на Бадаева было заведено. Ему грозило выселение из Енисейска «в более отдаленную местность ввиду пораженческой агитации» [13].

Продолжая революционную деятельность, депутаты стремились к контактам с рабочими и населением города. Сами рабочие, они легко находили с трудящимися общий язык. Г. И. Петровский, работавший токарем в мастерских казенного пароходства, и Н. Р. Шагов — кассир в кооперативе — осторожно, умело заводили беседы на различные политические и экономические темы.

У Петровского установились тесные связи с пароходными командами, рабочими судоремонтных мастерских и кузниц Швецовских и Коноваловских кожевенных заводов, электростанции, с поденщиками и грузчиками на пристани. Как вспоминал бывший политссыльный рабочий Г. Шевченко: «К нам на электростанцию он каждый день ходил,— он же меня научил работать на токарном станке. Григорий Иванович не упускал ни одной возможности выступлений среди местных рабочих и использовал их всемерно. Велись беседы, распространялись листовки. Я не помню случаев, чтобы местные рабочие приходили на квартиру Григория Ивановича,— по условиям

ссылки нельзя этого было делать, иной раз, почти сутки, то на углу, то где-нибудь еще близ квартиры дежурили шпики. Но, несомненно, работу он вел широкую» [14].

Такая деятельность, конечно, не могла остаться незамеченной; Григорий Иванович вскоре был уволен с работы.

Регулярная связь с товарищами поддерживалась и посредством переписки. Самойлов вспоминал: «Живя в Енисейске, мы начали переписываться со своими избирателями, членами местных партийных организаций. Несмотря на строгость цензуры военного времени, эта переписка проходила довольно благополучно. Мы писали в Россию и получали оттуда ответы» [15]. Переписка велась не только с трудящимися европейской части страны, но также и с Уралом (Челябинск), разными городами Сибири (в частности с депо Слюдянка Забайкальской железной дороги), Дальнего Востока (база Амурской речной флотилии) и т. д. Она носила разнообразный характер — от информационных сообщений до высказывания соображений политического характера. В той или иной форме депутаты призывали к собиранию сил и организации борьбы против войны и царизма. В ответ рабочие морально поддерживали их, сообщали о нарастании революционных событий в стране, о положении дел на фабриках и заводах. «Сейчас,— писал Петровскому автор одного из писем,— у нас войну содержат только рабочие да крестьяне, и за все это в благодарность получаем от правителей тюрьму, ссылку, нагайку, притеснения, угнетение и т. д. ...Что-то вскорости должно быть, а так жить нельзя...» Рабочие советовали не падать духом — «имей в виду, что ты еще нужен. Авось и нас когда-нибудь солнышко обогреет». Посылая привет всем остальным товарищам, корреспондент Петровского сообщал: «Рабочие об вас, депутатах, отзываются втихомолку и публично очень хорошо» [16].

Своим избирателям в Петроград писал и А. Е. Бадаев. Об одном из писем имеется свидетельство рабочего Ижорского завода М. П. Баклайкина (партийная кличка «Дедка»). В письме Алексея Егоровича не только содержалась благодарность за присланные деньги, но и высказывались соображения о причинах войны, излагались задачи, стоящие перед партией [17]. Письмо депутата имело большое значение для дальнейшей работы большевистского кружка в Колпино. Его прочитали и обсудили на собрании кружка, им пользовались в антивоенной аги-

тации. Оно в значительной степени обеспечило влияние большевиков на рабочих прокатной мастерской завода.

До ссыльных депутатов дошла весть о жестокой расправе властей с иваново-вознесенскими рабочими, организовавшими забастовку в июле-августе 1915 года. Это очередное кровавое злодеяние царизма послужило толчком к массовым политическим выступлениям во многих городах России. Очень остро воспринял эту весть и депутат ивановознесенцев Федор Никитич Самойлов.

Не прекращал связи с избирателями Николай Романович Шагов. Рабочие слали ему письма, поддерживали морально. Вел переписку с товарищами и Матвей Константинович Муранов.

Одной из форм общения с трудящимися была партийная легальная печать. Петровский вспоминал об участии депутатов в рабочих изданиях: «...нам надо было проявлять активность, расширять связи путем переписки, знакомить своих избирателей с нашим отношением к войне. Все это надо было делать очень осторожно и умело» [18].

20 февраля 1915 года большевикам удалось возобновить в Петрограде издание рабочего журнала «Вопросы страхования». Депутатам стало об этом известно в июне, во время следования в Сибирь, и вскоре с редакцией были установлены непосредственные контакты. Большевики-депутаты и раньше (до войны) были активными ее членами. Сейчас эта связь стала еще более необходимой. Когда обосновались в Енисейске, в столицу ушло первое сообщение от А. Е. Бадаева, а в двадцатых числах октября — второе о болезни Н. Р. Шагова.

Журнал выходил раз в месяц. Поэтому только 1 декабря 1915 года в № 10(48) рабочие смогли узнать о судьбе своих избранников. В заметке, озаглавленной «Письмо депутата», Алексей Егорович Бадаев писал: «Из далекой и гиблой Сибири шлю всем вам, товарищи, свой горячий и сердечный привет. Наконец-то после долгих мытарств по сибирской тайге и реке Енисею (в Туруханском крае),— пришлось около двух с половиной тысяч верст до Монастыря и обратно путешествовать в лодках, теперь как будто остановились в городе Енисейске. На пути по станциям встретили много ссыльных и все они терпят ужасную нужду. Часто административным не платят кормовых по семи месяцев, пребывают без гроша денег в кармане. Как хочешь, так и живи. К этому — отсутствие газет, журналов, книг, полная оторванность от жизни...»

Г. И. Петровский предложил редакции журнала написать «Путевые очерки». Очевидно, об этих уже написанных заметках он говорит в письме жене: «Сейчас я посылаю очерк из моей жизни, правда, мало продуманный... Если бы обстановка была лучше, несомненно, и «очерк» вышел бы лучше. Но работаю над другим и думаю, что он будет лучше»[19].

К началу 1916 года в редакцию журнала поступило уже несколько заметок от депутатов. 23 января Петровский попросил жену узнать, будут ли помещать в «Вопросах страхования» их материалы, «а то вот Муранов послал давно одну заметку, а ее не поместили. Послал и я две»[20]. В 1916 году в журнале было опубликовано три письма Г. И. Петровского, по одному — А. Е. Бадаева и М. К. Муранова и одно от имени всех депутатов.

Первая корреспонденция Г. И. Петровского названа так же, как и бадаевская — «Письмо депутата». Написанное почти за три месяца до наступления 1916 года и, видимо, рассчитанное на новогоднюю публикацию, письмо увидело свет только в № 3(52) от 16 марта 1916 года. В нем автор выражал сожаление, что не смог выполнить обещания написать очерки о пути депутатов в ссылку: этому помешали трудные жизненные условия, быстро наступившая зима, тяжелые болезни Шагова, Самойлова и жены Бадаева. Григорий Иванович благодарил редакцию и рабочих за газеты и книги, просил и впредь не забывать ссыльных. Он давал своим читателям понять, что депутаты в курсе нарастающих в стране событий; тщательно охраняемые жандармами, говорится в письме, они «чутко-чутко прислушиваются к всплескам родного, но далекого... народного моря». «Зная и веруя в наступление лучшего, мы радуемся, что никому не удалось поколебать доверия к нам наших избирателей, и глубоко признательны петроградским и московским товарищам рабочим, выступившим в защиту нас. Испытывая политический гнет реакции, в результате которого мы, депутаты, высланы в Сибирь, выполняя порученную нам нашими избирателями работу, я все же не верю в устойчивость положения реакции. И отсюда, из сибирской норы, где сковывают все живое морозы, поздравляя товарищей с Новым годом, я желаю избавиться от кошмарного прошлого и набраться побольше энергии и сил для борьбы за идеалы демократии».

25 апреля 1916 года журнал поместил в № 4(53) письмо от имени всей фракции. Оно состояло из обстоятель-

ного отчета о полученных и израсходованных денежных средствах. «Не ощущая пока острой нужды,— говорилось в нем,— мы, РСДР Фракция, распределили: часть нашим сопроцессникам, часть отдельным нуждающимся политическим ссыльным, а часть отдали в одной из колоний политических ссыльных. Полученные книги от В. Александрова и из книжного магазина «Жизнь и знание» включили в свою библиотеку. Принося глубокую благодарность друзьям и товарищам за все заботы, мы шлем свой горячий товарищеский привет». Аналогичное письмо-отчет, подписанное «Ссыльные депутаты IV Гос. Думы», опубликовано 31 мая в пятом номере журнала.

Апрельская корреспонденция А. Е. Бадаева также содержит информацию о распределении получаемой литературы, в ней рассказано о жизни, материальном положении политических ссыльных Нарыма, Туруханского края, Ангары и других отдаленных мест Сибири. Депутаты продолжали в дальнейшем сообщать через журнал о получении и распределении ими денежных средств.

Увидевшее свет 14 сентября 1916 года в № 8(57) журнала «Письмо о ссыльных» Г. И. Петровского посвящено положению ссыльных Енисейской губернии, в особенности Ангарского, Пинчурского и Кожемского поселений. Обстоятельно описывая нищенское существование ссыльных, отвратительное снабжение их продуктами, общую дороговизну, взвинчивание цен купцами-спекулянтами, автор информирует читателей журнала, то есть рабочих всей страны, о том, в каких условиях находятся те, кто посвятил свою жизнь служению народу. Депутат продолжал оставаться на посту: он и в ссылке проявлял заботу об униженных и оскорбленных. Его письмо поныне служит ярким документальным свидетельством о положении политических ссыльных в дореволюционной России.

Журнал «Вопросы страхования» с каждым номером все больше завоевывал авторитет в массах. Но, как и любое рабочее издание, он испытывал острый недостаток в денежных средствах, поэтому депутаты, сами нуждающиеся, старались оказать помощь журналу. Об этом свидетельствует опубликованное в № 5(54) от 31 мая 1916 года письмо М. К. Муранова: «Мною посылается сейчас 15 руб., упомянутых в телеграмме, подписанной пятью депутатами. Деньги идут на усиление фонда «Вопр[осов] стр[ахования]» или на создание «железного фонда» бу-

дущей рабочей газеты или органа». Такая же сумма была выслана в редакцию в начале 1917 года.

Ссыльные депутаты сумели связаться и с другим легальным большевистским изданием — саратовской «Нашей газетой». Несмотря на кратковременность ее существования (с 8 августа по 13 октября 1915 года), они успели завести с членами редакции интенсивную переписку. «Мы решили писать в эту газету статьи»,— вспоминал Г. И. Петровский. Но что можно было сделать за два месяца, да еще учитывая расстояние от Енисейска до Волги? Только в сентябре был получен в ссылке первый номер газеты. И, очевидно, сразу же ушло в Саратов первое депутатское письмо — от М. К. Муранова. Номера газеты выходили раз в неделю. Получив это письмо, редакция поспешила сразу же откликнуться на него. В № 9 от 13 октября, в «Почтовом ящике» помещается краткий телеграфный ответ: «Енисейск. Муранову. Получили. Благодарны. Просим писать. Шлем свой привет».

13 октября, в день выхода в свет последнего номера «Нашей газеты», Г. И. Петровский написал письмо в редакцию с приложением статьи «Из далекого Севера». Сообщал, что эта газета выписывается пятью депутатами и читается нарасхват. А в статье, подписанной «депутат Петровский», содержался протест против предания суду пяти членов Государственной думы, осуждения и высылки их в Сибирь, а также разоблачался империалистический характер войны и критиковалась предательская позиция либеральной буржуазии: «Тем либералам и той буржуазии, которая боится своего народа... не будет дано исторической роли быть избавительницей своего народа, как бы об этом они себе ни заявляли». Автор статьи утверждал, что борьба за прекращение войны — долг «социалистов, мира, как представителей народных масс». Он писал и о причастности сосланных депутатов к продолжающейся борьбе рабочих. «Прошел год,— говорится в заключительной части статьи,— с той поры, когда нас, рабочих депутатов, насильственно удалили от родного народа, и сейчас, прислушиваясь к борьбе на далекой родине, слышна борьба только наших избирателей, ибо они, борясь, страдают за право самим управлять своей судьбой на благо и равенство всему народу, и мы, рабочие депутаты, отсюда, из далекого и сурового севера, шлем своим избирателям свой братский привет»[21].

Эта статья не была опубликована, так как издание газеты по постановлению Саратовской судебной палаты

было прекращено на десятом номере, датированном 20 октября и конфискованном в гранках.

Депутаты поддерживали отношения и с легальным екатеринодарским еженедельным журналом «Прикубанские степи», издававшимся в течение года местными большевиками от имени общегородской больничной кассы (с декабря 1915 по декабрь 1916). Об этом можно судить по одному лишь документу — письму М. К. Муранова, написанному летом 1916 года. Как и в других документах, рассылаемых в различные органы печати, в нем рассказывалось о лишении рабочих избранников депутатской неприкосновенности, об их жизни в ссылке. Этой корреспонденции также не суждено было увидеть свет — ее публикацию запретила цензура. Но чтобы читатели знали, кого ссылает в Сибирь царское правительство, как оно подавляет свободу печати, в № 15 «Прикубанских степей», в разделе «Почтовый ящик» 20 августа было напечатано: «Енисейск, члену Государственной думы тов. М. Муранову. Ваше письмо не напечатано по независящим от нас обстоятельствам».

О непосредственном участии депутатов в московском легальном журнале «Голос печатного труда», издававшемся большевиками от имени профессионального общества типографов, сведений нет. Но о знакомстве депутатов с ним, несмотря на кратковременность издания *, свидетельствует письмо Г. И. Петровского редактору журнала М. С. Ольминскому. «Журнальчик,— писал Григорий Иванович,— недурен и очень верно держит курс» [22].

Деятельность депутатов в Енисейске носила самый разнообразный характер. Нити связей, протянутые в разные районы России и за границу, вселяли в них уверенность в правильности их действий. Уже более смело депутаты стали использовать легальные организации города. Так, с помощью большевиков в политическую жизнь втягивался енисейский профсоюз приказчиков, через который выдвигались требования о сокращении рабочего дня для торговых работников.

Со времени прибытия большевистской фракции и активизации ее деятельности Енисейск стал центром притяжения всех революционеров, живших по Енисею и его притокам. Для еще более широкого политического влияния на ссыльных и население, а также для прикрытия

---

* До Февральской революции — с 15 ноября 1916 по 30 января 1917 — вышло всего три номера.

нелегальной работы и оказания помощи нуждающимся по инициативе А. Е. Бадаева в городе было создано потребительское общество «Самопомощь».

В конце 1915 года при живейшем участии депутатов и под их руководством большевики задумали обследование положения политических ссыльных Енисейской губернии. Была разослана специальная анкета «Положение политических ссыльных Приангарского края» с тридцатью вопросами. Это мероприятие преследовало далеко идущие цели: расширить и укрепить связи с политическими ссыльными, выяснить их настроение, отношение к войне, узнать, сколько находится в ссылке единомышленников-большевиков, и мобилизовать их силы.

Вскоре начали поступать ответы на анкету. На имя Г. И. Петровского, А. Е. Бадаева и Ф. Н. Самойлова пришли сотни писем, из которых складывалась общая картина: среди ссыльных преобладали по национальности — русские, по социальному положению — рабочие, по партийности — большевики.

Но обследованию не суждено было завершиться. В ночь на 23 февраля 1916 года на квартиру Петровского нагрянула полиция. При обыске в руки жандармов попал материал, свидетельствующий о продолжающейся революционной деятельности Григория Ивановича. Среди документов были ответы на анкету о положении политических ссыльных, денежные переводы, предназначенные для раздачи, большая переписка (не считая семейной, более 30 писем) с разными лицами, указывающая на участие депутата в партийной работе, а также материалы Центрального Органа партии газеты «Социал-демократ».

Несмотря на протесты депутатов — телеграммы в Думу и в журнал «Вопросы страхования»,— против Петровского было возбуждено новое «дело». Обвинение сводилось к тому, что он и его товарищи «занимаются рассылкой статей революционного содержания для напечатания в газетах социалистического направления, что они задались целью объединить ссыльных, развили посылку денежной помощи ссыльникам... рассылали анкетные листы, оживленной перепиской способствовали обмену мнений о переживаемом моменте и рядом газетных статей революционного содержания старались высказать свой отрицательный взгляд на мировую войну»[23].

Расследовавший дело жандармский ротмистр направил его енисейскому губернатору с просьбой «переводво-

рить» Петровского в Якутскую область «ввиду доказанной политической неблагонадежности, вредного влияния на население и деятельного участия в революционных проявлениях местного неблагонадежного элемента»[24].

11 июля 1916 года Григорий Иванович после еще одного обыска был арестован и препровожден в енисейскую тюрьму. Как он вспоминал впоследствии, в острог повезли на извозчике, по пути заехал попрощаться к тяжело больному туберкулезом Спандаряну. Почти умирающий (он скончался через два месяца), Сурен Спандарович подбадривал арестованного:

— Будь спокоен, Григорий Иванович, царское правительство провалится, революция тебя освободит!

Как только стало известно об аресте Петровского, депутаты отправили министру внутренних дел телеграмму с протестом. Одновременно были посланы телеграммы Чхеидзе и Керенскому с просьбой поддержать протест и требование немедленно освободить председателя большевистской фракции и назначить расследование дела. Но думцы не помогли и на этот раз.

Помимо ареста на эти летние дни 1916 года пали и личные, семейные волнения. Уже в тюрьме Григорий Иванович получил два телеграфных сообщения от жены, что она с детьми собирается выезжать к нему в Енисейск. Долгожданному свиданию так и не довелось осуществиться. 23 июля из Енисейска в Питер к Доменике Федоровне ушла телеграмма: «Оставайтесь. Этапом вчера Красноярск. Подробно письмом. Хлопочите. Шагов»[25].

Г. И. Петровский был отправлен сначала в Красноярскую губернскую пересыльную тюрьму, а затем по распоряжению иркутского генерал-губернатора — этапным порядком в Якутскую область. В пять часов утра 6 августа рабочий депутат Г. И. Петровский вышел из Иркутска с очередной партией заключенных в еще один дальний путь.

Спустя сорок лет, 2 января 1957 года Григорий Иванович писал директору Енисейского краеведческого музея: «Царское правительство выслало меня из Енисейска в Якутскую ссылку, испугавшись моей революционной деятельности и моего революционного влияния на трудящихся. Значит, действительно, моя деятельность была плодотворна»[26].

Это же подтверждали и его товарищи. Алексей Егорович Бадаев вспоминал: «И в тюрьме, и в ссылке он не прерывает своей работы. Из ссылки он продолжает вести

революционную переписку, поддерживать связь с партийными организациями, работает над созданием пораженческих групп»[27]. Ф. Н. Самойлов свидетельствовал: «Когда наша фракция была осуждена царским судом и отправлена на «вечное» поселение в Сибирь — сначала в Туруханский край, а потом в г. Енисейск,— Григорий Иванович и там продолжал выполнять свою роль нашего руководителя»[28].

Летом 1916 года все бывшие члены думской большевистской фракции были «переводворены» в другие города: Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов отправлены в Минусинск, М. К. Муранов — в Ачинск; в Енисейске оставлен только А. Е. Бадаев.

Но рабочие депутаты не сдавались — и на новом месте они продолжали борьбу с царизмом, оставаясь верными своему партийному долгу.

Да здравствует революция!

Продолжающаяся империалистическая война наложила суровый отпечаток на экономическую и политическую жизнь страны. Голод. Разруха. Развал хозяйства. Миллионы загубленных молодых жизней. Обездоленность. И наряду с этим — процветание правящих классов, колоссальные прибыли капиталистов, наживавшихся на военных поставках.

Трудящиеся массы, на плечи которых легли все тяготы войны, не могли с этим мириться. Постепенно наступало отрезвление. Спадал угар воинствующего шовинизма. Понятие «патриотизма» начинало приобретать «в низах» ленинскую окраску: серьезное беспокойство за судьбу Родины, поиски действительно приемлемого для народа выхода из существующего положения.

В стране складывалась революционная ситуация. Налицо был кризис политики правящих классов с характерными для него проявлениями распутинщины, министерской чехарды, созданием «Прогрессивного блока» и т. д. С кризисом верхов переплеталось все увеличивавшееся недовольство низов: достигли своего предела беспросветная нужда и неимоверные бедствия угнетенных классов. Значительно возросла активность трудящихся.

Революционное движение российского пролетариата из года в год набирало силу. Если в первые пять военных

месяцев состоялось 70 стачек с 37 тысячами участников, то в 1915 году их количество дошло до 1063 с 570 тысячами участников. А в 1916 году число забастовок превысило полторы тысячи, в них участвовало более миллиона человек!

Во главе революционного движения по праву шла крепнущая, расширяющая свое влияние в массах партия большевиков. Из подполья она все увереннней руководила выступлениями трудящихся, направляя их против самодержавного строя под лозунгами революционного свержения царского правительства и установления демократической республики. Народ под руководством ленинской партии обретал реальную силу, способную вывести Россию из войны, избавить от военных бедствий.

Страна шла к революции. И в этой тяжелой ожесточенной борьбе не были забыты рабочие депутаты. Их судьба все военные годы беспокоила трудящийся люд России. Расправа над ними постоянно служила поводом для осуждения правительства, для борьбы с царизмом.

Не успели утихнуть февральские волнения 1915 года, вызванные процессом над депутатами, как большевики организовали новую политическую кампанию в связи с созывом 19 июля очередной думской сессии. Ставя целью разоблачить попытку Николая II создать видимость «единого настроения» и получить одобрение «законодательных учреждений» на дальнейшее ведение войны, большевики Петрограда издали специальную листовку. В ней давалась оценка состава Думы, характеризовалось ее истинное назначение и со всей наглядностью показывалось, что если и раньше она была пародией на народное правительство, то с началом войны окончательно превратилась «в одну из канцелярий при Совете министров». От имени трудящихся России большевики категорически заявляли: «Государственная дума нужна царизму, но не нужна народу... Наших представителей в Думе нет! Царизм позаботился убрать [их] туда же, где томятся и еще многие борцы за пролетарское дело и свободу страны... Оставленные же царизмом для декорации депутаты, считающие себя социал-демократами,— Чхеидзе и его товарищи не представляют российского пролетариата; своими выступлениями, участием в думских комиссиях, попечительствах, кадетском союзе городов и нежеланием

считаться с мнением организованного пролетариата они поставили себя вне рядов социал-демократии». Листовка заканчивалась призывом к стачкам, митингам и демонстрациям под лозунгами прекращения войны, установления братства трудящихся всех стран, свержения романовской монархии и завоевания социализма [1].

Летом 1915 года протест еще не был массовым, и депутаты это понимали. В начале сентября Г. И. Петровский отмечал: «...из газет мы узнали, что в Думе об нас говорят, читали резолюции рабочих, питерских и московских, но для нас ясно было, что еще нас не возвратят, ибо резолюций со стороны рабочих еще мало... Будем ждать событий» [2].

Новым серьезным поводом для агитации послужила годовщина суда над депутатами. В 1916 году только в Петрограде 10—12 февраля были изданы большим количеством экземпляров три листовки. Петербургский комитет большевиков в обращении к рабочим и работницам напоминал читателям: «Вот уже год, как ваши депутаты, пленники царизма, томятся в далекой ссылке, насильно оторванные от жизни и борьбы рабочего класса. Год тому назад гильотина царского «правосудия» обрубила нити, крепко связывающие рабочих избранников с пославшей их массой, и еще раз показала всему народу, как страшны и ненавистны для царизма действительные народные представители. В гнусную комедию «патриотического единения царя с народом», в лице третьеиюньской Думы, социал-демократические депутаты вносили резкую ноту протеста и портили налаживавшуюся игру. Их надо было «убрать», и их «убрали», не остановившись перед самыми циничными способами расправы». Листовка Петербургского комитета большевиков давала анализ политической обстановки в стране. В ней говорилось, что год неслыханных потрясений, небывалых потерь, невероятного разгула реакции не прошел бесследно, что рабочий класс, оправляясь от нанесенных ему жестоких ударов, вновь поднимает красные знамена и активно выступает на арену борьбы под революционными лозунгами, в числе которых неизменно должно провозглашаться требование: «Свободу нашим депутатам! Свободу всем пленникам царизма!» [3]

В таком же духе были написаны две листовки, выпущенные Объединенным комитетом студенческих социал-демократических фракций высших учебных заведений Петербурга. «Долой войну! Свободу депутатам!» — про-

возглашало демократическое студенчество, поддерживающее большевистскую партию. Кратко и лаконично его обращение к трудящимся: «12 февраля — день приговора царского суда над Российской социал-демократической рабочей фракцией.

Ровно год, как оторванные от пролетариата хищной сворой Николая Романова пять рабочих депутатов были брошены в тюрьму.

Почти год, как они томятся в далекой ссылке. Сегодня, 12 февраля 1916 г., мы требуем их освобождения...

Сегодня мы зовем товарищей воспользоваться имеющимися в их распоряжении средствами и, так или иначе, демонстрировать свою солидарность с депутатами рабочих, свою святую ненависть к капитализму» [4].

Другая листовка того же комитета была уже более обстоятельной. Она подробно рассказывала о положении в стране и мобилизовывала пролетариат под лозунгами, выдвинутыми в свое время депутатами от имени большевистской партии. К сплочению, активности и борьбе звали трудящихся авторы листовки [5].

Деятельность большевиков в массах дала результаты. Забастовочное движение в Петрограде в феврале 1916 года заметно оживилось. 6 — 8 и 23 — 28 февраля по призыву партийных организаций прошла крупная стачка путиловцев, поддержанная многими предприятиями столицы.

В Москве подготовка протеста к годовщине суда над членами Государственной думы проходила менее интенсивно. Но и там имела место устная агитация, состоялось несколько собраний в профессиональных союзах. В годовщину суда большевики Херсонской губернии организовали сбор средств в фонд помощи сосланным депутатам-большевикам, провели среди рабочих беседы о деятельности думской пятерки и распространили их фотографии. Новыми стачками отметили годовщину суда рабочие Костромской губернии, где избирался Н. Р. Шагов. Одним из требований текстильщиков было: «Свободу нашим рабочим депутатам! Свободу Шагову!» Всего по официальным данным в феврале 1916 года зарегистрировано 118 стачек с 94,5 тысячами участников, четыре из них были политическими.

Прошло еще несколько месяцев, и большевики снова — уже во вторую годовщину со дня ареста депутатов — зовут трудящихся ознаменовать этот день устройством митингов и усиленной агитацией за лозунги сосланных

депутатов, то есть за лозунги большевиков. Остановить кровопролитие, говорится в листовке ПК РСДРП, пролетариат сможет «только в том случае, если во всех странах рабочее движение будет идти по пути, которого твердо держались осужденные депутаты»[6].

Сами депутаты скорее всего не знали о выступлениях рабочих в их защиту: пресса, даже либеральная, не давала подобной информации, а уж до сибирской ссылки вести шли особенно долго. Но депутаты верили в рабочий класс страны, в его потенциальные силы. Поэтому даже в частной переписке то и дело мелькали такие фразы: «Мы же сейчас верим только в движение наших товарищей рабочих», «Только сильное народное движение освободит и страну и нас», «Чрезвычайно рады, что рабочие не забывают».

Большевистские организации России и эмигрантские группы за границей использовали еще одну форму политической агитации: широкое распространение фотокарточек рабочих депутатов. К началу процесса массовым тиражом были отпечатаны их фотографии депутатского времени. В это же время имел хождение групповой снимок депутатов за тюремной решеткой (очевидно, в целях «наглядности» скомбинированный из их отдельных фотографий и наложенной на их изображение решетки). И, наконец, с осени — зимы 1915 года начали распространяться два групповых снимка депутатов в арестантской одежде, сделанных вскоре после прибытия в ссылку *.

В. И. Ленин придавал большое значение этой форме пропаганды идей пролетарского интернационализма и разоблачения преступлений царского самодержавия. Уже в одном из январских писем 1915 года в Копенгаген Владимир Ильич писал: «Насчет карточек депутатов я справился вчера: здесь уже заказаны и будут на этой неделе готовы. Тогда пошлем Вам»[7].

К этому времени уже поступили запросы на фотографии из заграничных большевистских секций. В день суда над депутатами в письме Ленину сообщалось, что Стокгольмская организация Социал-демократической партии Швеции берет на себя продажу фотографий в Швеции, что собираются распространять фотографии в Норвегии.

* Г. И. Петровский писал жене из Енисейска 22 сентября 1915 года: «Тебе послал карточку, на которой мы все пятеро сняты в арестантских халатах».— ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 41.

«Будет хорошо,— говорилось в письме,— если Вы сможете выслать сюда сразу *тысячи две*». Там же высказывалось предложение сделать подписи под фотографиями на одном или двух европейских языках[8]. В результате появился снимок, в котором на немецком, французском и английском языках сообщались имена арестованных депутатов и кратко говорилось о постигшей их участи за мужественную борьбу против войны и пропаганду интернационального братства трудящихся.

Спрос на фотографии был большой. Многие хотели увидеть российских героев, выступавших против самодержавия, которые, не испугавшись преследований, сказали «Нет!» войне, за что поплатились свободой и были сосланы в далекие сибирские края. Особой популярностью пользовался снимок депутатов в арестантских халатах. География распространения фотографий довольно широкая. В большом количестве экземпляров они продавались в Швейцарии (Женева, Цюрих, Берн, Шо-де-Фон, Давос), Швеции, Норвегии и Англии (Лондон, Ливерпуль). Есть сведения о посылке и распространении снимков в Италии (Милан, Генуя), Франции (Монпелье), Дании (Копенгаген), а также в США (Нью-Йорк, Чикаго, Нью-Кезагтон) и Канаде (Монреаль, Виннипег). В газете итальянских социал-демократов «Аванти» 13 мая 1916 года был опубликован снимок депутатов в арестантских халатах с подписью, что сосланные депутаты «носят выразительную и гордую одежду большевиков». Появление фотографий во Франции заставило французского посла просить русское министерство иностранных дел быть готовым ответить, «откуда берутся такие открытки».

С изданием и распространением фотографий за границей дело обстояло более благополучно, так как отпечатка, размножение и продажа проходили практически легально или полулегально. Труднее было в России. Поступали ли снимки из-за границы, печатались ли местными организациями — это в любом случае проходило как издание и распространение подпольной литературы и было связано с риском.

Первая партия фотографий пришла в Питер из Швейцарии, от ЦК. Кроме этого, рабочие в разных городах сами организовали перепечатку. Вот что свидетельствует питерский рабочий, член партии с 1913 года С. С. Лобов:

«Работа по воспроизведению фотографии была не из легких. Типографским путем, как прокламации, снимков

сделать было нельзя. Необходимо было иметь клише, его, к сожалению, было очень трудно достать. И пришлось эту работу проделывать через десятки петербургских фотографов, заказывая им снимки в самом небольшом количестве, так как большие заказы могли выдать нашу крамольную цель. При заказах приходилось придумывать небылицы — говорили фотографу, что из деревни родственники прислали карточку, на которой сфотографированы наши односельчане, взятые в плен под Варшавой, и каждому родственнику необходимо по карточке. Однажды с такими объяснениями группа ребят села в галошу: охтенский фотограф, работавший на заводе «Старый Лесснер», при получении заказа просто заявил: «Какие там пленные?! Что я, не знаю? Это депутаты большевистской фракции, сосланные в Сибирь». И он назвал по фамилии каждого. «Вам,— говорит,— нечего бояться, войну я презираю за то, что она заставила меня работать на заводе, и готов отпечатать хоть миллион штук... Делайте скорей революцию и кончайте войну». Такое либеральное отношение фотографа к заказчикам настолько приободрило их, что при первой встрече со мной ребята от радости не знали, что делать. И нужно сказать, что в очень короткий срок нам удалось распространить очень большую партию депутатских снимков, выручить кое-какую прибыль, которая шла на агитационно-пропагандистские цели партии и частично посылалась депутатам в Сибирь, покупались книги, газеты и прочее. Депутатские снимки являлись лучшим агитационным средством против войны и социал-шовинизма. Они имели колоссальный успех среди сознательных рабочих, и почти каждый рабочий имел депутатскую карточку» [9].

По воспоминаниям видного деятеля революционного движения, члена партии с 1902 года В. П. Антонова-Саратовского, фотография депутатов в арестантских халатах была получена в Саратове непосредственно от Г. И. Петровского, перепечатана местными большевиками в 10 тысячах экземпляров с подписью «Депутаты в ссылке» и распространялась по всей стране. Участник революционного движения в Смоленске Астров сообщает, что открытки пяти депутатов были размножены в одной из фотографий города и распространялись по фабрикам [10].

Некоторый итог был подведен в октябре 1916 года в первом номере ленинского «Сборника социал-демократа», который проинформировал широкую читательскую аудиторию в России и за границей: «Карточки наших де-

путатов, сосланных в Сибирь, только в одном Питере за два месяца разошлись около 5000 экз., по цене от 25 коп. до 1 р. 50 к. за штуку (открытки и портреты)». Факт широкого распространения фотографий депутатов использовался большевиками в агитационно-пропагандистских целях. Это же давало возможность пополнить партийную кассу для развертывания революционного движения.

А тем временем жизнь депутатов в ссылке шла своим чередом. К осени 1916 года они были отделены друг от друга большими расстояниями. Но связь не прерывалась. Не прекращалась и революционная деятельность.

Последний этап пребывания в ссылке беден сохранившимися документами, почти не нашел отражения в литературе. Но разрозненные и скупые свидетельства все же позволяют составить общую, хотя далеко не полную картину.

Федор Никитич Самойлов и Николай Романович Шагов, как уже говорилось, были направлены с семьями из Енисейска в Минусинск — климатически местность более благоприятную для здоровья (все-таки подействовали многочисленные требования!). В путь пустились порознь — так сложились обстоятельства. Самойлов по дороге около недели прожил в Красноярске. Там он виделся со многими товарищами и сообщил об изменениях в судьбе депутатов, об аресте, заключении в тюрьму и высылке в Якутию Г. И. Петровского.

Приезд в Минусинск бывших членов думской фракции активизировал политических ссыльных. Вскоре удалось собрать совещание, на котором присутствующие заслушали отчет о деятельности депутатов в Государственной думе и их поведении на суде. Была также сделана информация о ленинской позиции по вопросам войны, мира и революции. Совещание приняло резолюцию, одобряющую деятельность думской большевистской фракции. Так все заметнее расширялся круг людей, которые от непосредственных участников событий узнавали об их взглядах и об антивоенных документах Центрального Комитета РСДРП.

Жизнь в Минусинске тоже была нелегкой. Самойлову и Шагову трудно приходилось с семьями. Денег, присылаемых товарищами, не хватало. Несмотря на болезни, искали работу. Федору Никитичу с помощью ссыльных удалось поступить на службу в городскую управу. Ок-

лад — 60 рублей в месяц, а работа трудоемкая: организация распределения сахара по карточкам среди городского населения. Но и здесь не довелось долго задержаться. Через два-три месяца губернатор приказал городскому голове немедленно убрать из управления политических ссыльных. Прошло немало времени, пока нашлась должность в местном потребительском кооперативе. А в начале 1917 года Самойлов поступил в переселенческое управление на должность приемщика хлеба у крестьян.

Николаю Романовичу Шагову удалось устроиться на работу в кооператив (как и в Енисейске), правда, не кассиром, а заведующим магазином. Приходилось жить экономно и пользоваться помощью рабочих. В эти месяцы он получил материальную поддержку и из родных краев — от Родниковского рабочего кооператива. Такое внимание радовало, прибавляло сил.

Продолжалась общественная деятельность. Самойлов и Шагов вместе с другими большевиками проводили массовую работу в кооперативах — наиболее удобных учреждениях для агитации среди населения и подчинения их большевистскому влиянию.

Ф. Н. Самойлов задумал в Минусинске труд, в котором собирался рассказать о деятельности и положении большевиков в сибирской ссылке. Один из разделов должен был называться «В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Шушенском».

М. К. Муранов продолжал политическую работу в Ачинске. Этот старый сибирский город на реке Чулым в Красноярской губернии был и железнодорожным узлом, и одним из водных путей в Западную Сибирь. Довольно развитое к тому времени нефтеперерабатывающее производство с наличием промышленного пролетариата, размещение в городе военного гарнизона — все это давало большое поле деятельности. Но документальных свидетельств об этом периоде жизни Муранова мало. Однако известно, что по его заданию была создана партийная группа в ачинском гарнизоне и налажена связь с томскими большевиками.

Матвей Константинович вел активную переписку с членами партии в сибирских поселениях (в частности, в Нарыме), с Петровским и Бадаевым, с товарищами в Петрограде.

Продолжал свою деятельность в Енисейске и А. Е. Бадаев. В конце 1916 — начале 1917 года он уделял особое

внимание установлению контактов с заграничным Центральным Комитетом, с Владимиром Ильичем Лениным. Возможно, ради конспирации писал на имя Н. К. Крупской и подписывался Александром.

Из сохранившегося письма Бадаева от 23 ноября 1916 года наглядно видна вся сложность налаживания связей с ЦК. «Дорогой друг, Надежда Константиновна! — говорится в корреспонденции.— В сотый раз перечитываю Ваше хорошее письмо от 2 октября прошлого года и чуть ли не сотое письмо посылаю Вам в ответ на него. Но ответа на свои письма от Вас так и не получаю!..» Алексей Егорович тяжело переживал отсутствие вестей из центра, предпринимал все новые и новые попытки найти каналы связи. На всякий случай, если ноябрьскому письму удастся достигнуть адресата, Бадаев давал для ЦК информацию о взглядах политических ссыльных, о сокращении числа сторонников Плеханова, социал-шовинистов. «Много интересного произошло за это время здесь,— сообщал он в центр.— Вы, конечно, читаете наши газеты, как и мы Ваши. Но Вы читаете, конечно, ежедневно, а мы очень редко. Время провожу я здесь, как и друзья мои, не без пользы... Иногда даже чувствую, как будто больше сил стало... Частенько получаю письма от Муранова, живет, кажется, не плохо, устроился с работой. Вообще, судя по его письмам, настроение у него хорошее. Говорит, что читал Ваше письмо к Л. Б-у (Каменеву.— *И. Д.*), в котором Вы их немножечко поругиваете. Дорогой друг! Хоть бы Вы меня ругнули, лишь бы получить от Вас писульку!.. Писать-то было бы, конечно, что, но время для длинных и подробных писем еще не пришло. Но как только наступит такое время, постараюсь написать для Вас хоть целую книгу!» [11]

Тяжелым был путь Г. И. Петровского в край вечной мерзлоты и в один из «полюсов холода». Сначала пеший этап, затем — по Лене вниз по течению. Несмотря на лето, в его блокноте уже в первые дни пути, 7—8 августа 1916 года, появляется лаконичная запись: «Холодно». Баржа движется по Енисею черепашьим шагом. На тесных, со спертым воздухом двухэтажных нарах — больные и здоровые вперемежку. Лишь через месяц добрались до села Качуг. Отсюда в первых числах сентября отправляется открытка семье: «Путь наш удлинился невероятно. Уже холодно, а до Якутска еще далеко — тысячи две верст. По дороге я купил себе суконные чулки, а шубенка, которой меня снабдили по дороге товарищи, прямо

спасает меня... Наше путешествие в Турухань по сравнению с настоящим этапом является легкой прогулкой. Когда-нибудь поведаем мы миру о горьких злоключениях, которые к счастью сейчас в товарищеской среде скрываются задушевными отношениями» [12].

В Якутск прибыли в полдень 12 сентября. Через три дня объявили о месте нового поселения за северным полярным кругом — Средне-Колымск на реке Колыме, почти у Восточно-Сибирского моря. Назначено было и время очередного длительного этапа — ноябрь, когда установится санный путь на оленях (другого не было). Григорий Иванович не теряет оптимизма: «Думаю, и до этого, хотя и далекого, места благополучно добраться»,— пишет от 17 сентября 1916 года [13]. И вместе с тем грусть пронизывает письмо Петровского к жене, начатое 7 октября и законченное 18 октября. «Милая и дорогая Домочка! Ты, конечно, и вообразить не можешь, с каким трепетом я ожидал тебя в Енисейске?.. А теперь в Якутске ожидаю участи еще горшей. Средне-Колымск — это уже предел всякой скорби; совершенно изолирован буду от внешнего мира...» [14]

Ко времени прибытия Петровского в Якутск в городе проживало около 300 политических ссыльных, среди них много товарищей, прошедших годы каторги, а потом присланных сюда на поселение. Объединял людей и фактически главенствовал в этой далеко не однородной колонии Емельян Михайлович Ярославский (М. И. Губельман), член партии с 1898 года. За его плечами было не только активное участие в первой российской революции, но и пятилетний срок каторги (арестован и осужден в 1907). В Якутске он поселился с 1913 года, выполнял там обязанности директора этнографического естественноисторического якутского музея, у ссыльных и местного населения пользовался неоспоримым авторитетом.

Якутские большевики предприняли самые энергичные меры, чтобы не допустить отправки Г. И. Петровского в Средне-Колымск. Ярославский взял его на поруки. А еще через некоторое время по ходатайству самого Григория Ивановича и настоянию ссыльных было произведено врачебное освидетельствование его здоровья. Врачебная комиссия дала заключение, что Петровский «не может совершать продолжительной и дальней поездки без вреда для своего здоровья и не может переносить резких колебаний температуры» [15]. На этом основании губернатор

принял решение оставить бывшего депутата в Якутске. «Только общими усилиями отстояли высылку товарища Гр. Ив. Петровского в Средне-Колымск»,— отмечал позднее Ярославский [16].

Приезд Петровского в Якутск имел для ссыльных особое значение. В силу чрезвычайной отдаленности политическая информация здесь была до крайности ограниченной. С большим опозданием доставлялись даже официальные сообщения. Поэтому на собрание на квартиру рабочего Агеева, где Григорий Иванович выступил с докладом, пришли многие политические ссыльные и революционная молодежь города. Петровский информировал об антивоенной позиции большевистской фракции в Думе, рассказал о ее практической деятельности и о суде над депутатами. Кроме того, на собраниях политических ссыльных он сделал сообщения о статьях В. И. Ленина, опубликованных в Центральном Органе партии, о манифесте ЦК РСДРП об отношении к империалистической войне. Так с приездом в Якутск сначала Г. К. Орджоникидзе, а затем Г. И. Петровского ссыльные были вооружены знанием основных директив партии по вопросам войны, мира и революции.

К этому времени уже более четко определилось политическое размежевание ссыльных. И хотя к началу 1917 года в Якутске существовала объединенная группа социал-демократов, интернационалисты-ленинцы вели непримиримую борьбу с оборонцами, меньшевиками, не допуская никаких уступок в оценке характера войны и в вопросе отношения к ней. Среди политических ссыльных и молодежи города большевики проводили широкую разъяснительную работу о причинах и характере мировой войны и о тактике партии в этой войне.

Член партии с 1904 года К. И. Кирсанова (жена Ярославского) вспоминала позднее: «Пораженческая точка зрения среди нас, большевиков, превалировала над всеми другими и защищалась тогда Г. И. Петровским, Андреем Агеевым и Ем. Ярославским» [17]. Е. М. Ярославский добавлял: *«Тов. Петровский никогда в ссылке не делал ни малейшей уступки оборонцам»* [18]. Серго Орджоникидзе, отбывавший ссылку в селе Покровском, где работал фельдшером, и часто приезжавший в город, также прочно входил в якутскую группу ленинцев. «Здесь,— писал позднее Григорий Иванович,— в колонии политических ссыльных, мы собирались, оценивали положение в России по газетам, которые туда попадали, хоть и с

большим опозданием, делали прогноз будущей революции. Было ясно, что социалистическая революция должна вспыхнуть» [19].

По прибытии в Якутск Петровский сразу включился в работу большевиков, оказывал помощь Ярославскому. О жизни в Якутске, о своей работе и многом другом Григорий Иванович сообщал Ольминскому в письме от 29 января 1917 года *. В заключение уверял, что большинство членов фракции «бодро смотрит на положение вещей и остается верным своим традициям» [20]. Ольминский отмечал позднее, что в присланных ему ответах видны «широкие умственные интересы, напряженное внимание к политическим вопросам, отзывчивость на каждую весть из цивилизованного, столь далекого от них мира,— и рядом с этим голая, примитивная борьба за существование» [21].

Одной из насущных задач якутских ссыльных, как и повсеместно для большевиков, было установление связей с местным населением, с прогрессивно настроенной молодежью. Большевики использовали любую возможность для политического просвещения и воспитания окружающих в революционном духе, для бесед о происходящих событиях.

Об одной из таких встреч в доме председателя кассы взаимопомощи политических ссыльных А. И. Мордвова рассказала Д. С. Жиркова, вскоре после этого ставшая членом нелегального кружка учащихся. Якутская молодежь всегда радовалась общению с ссыльными, особенно с Ярославским, Петровским и Орджоникидзе. Большевики также с открытым сердцем шли на любые контакты. На этот раз поводом для встречи послужили именины хозяйки дома. В уютную квартиру Елизаветы Федоровны Мордвовой, приехавшей к мужу в якутскую ссылку, собрались Ярославский, Кирсанова, Петровский, Орджоникидзе, а также учащиеся Аммосов, Атласова, Попов и Жиркова. Пели, шутили, смеялись. Старшие товарищи старались вникать в жизнь своих подопечных, расспрашивали их о быте, рассказывали о себе. Говорили и о близкой революции.

---

* Это был ответ на письмо М. С. Ольминского, который, работая в Москве, в редакции «Голоса печатного труда», разослал несколько корреспонденций политическим заключенным (в том числе Г. И. Петровскому, Я. М. Свердлову и В. П. Антонову-Саратовскому) с просьбой рассказать о своей жизни, настроении, политических взглядах, бытовых условиях.

— Раз революция приближается,— заметил Григорий Иванович,— значит, нужно сейчас идти в массы, к рабочим, к молодежи, без них это не получится [22].

Так большевики и делали. В начале января 1917 года в городе были созданы конспиративные литературно-политические кружки «Первые шаги» и «Рассвет», объединившие местных учащихся и молодых рабочих. На одном из занятий с докладом «О войне и мире» выступил Г. И. Петровский. В годовщину отмены крепостного права Е. М. Ярославский сделал доклад о реформе 1861 года в руководимом им кружке «Юный социал-демократ». Он давал марксистско-ленинскую оценку этого события, раскрывал значение союза рабочего класса с крестьянством как ведущей силы революции. В подпольных кружках ссыльные большевики готовили местные национальные кадры партии, кадры будущих революционных бойцов. «В далеком Якутске,— писал Е. М. Ярославский,— мы, горсточка ссыльных-большевиков, воспитывали новое поколение борцов из якутской молодежи и создавали партийную организацию большевиков» [23].

Акцент делался не только на молодежь. Петровский, Ярославский, Орджоникидзе и Кирсанова шли к рабочим, без которых революционное движение обречено на провал. Собираясь маленькими группами, проводили беседы в общежитиях. На объединенных сходках местной молодежи с политическими ссыльными также стали появляться рабочие.

Расширению контактов с пролетариями способствовала и трудовая деятельность самого Г. И. Петровского. Сразу по прибытии в Якутск он приступил к поискам работы. Это было вызвано и потребностью в заработке, и самим характером рабочего человека. Здесь было больше возможностей, чем в Енисейске. Уже к 11 октября 1916 года Григорий Иванович смог заработать за сделанную им электрическую проводку 20 рублей. С 25 октября «начал слесарить, плата в месяц будет не менее 50 р.»,— сообщал он жене. А первую половину ноября провел в деревне за 18 верст от Якутска: «Занимался молотьбой. Несколько дней молотилка и двигатель были на моем попечении, работал, конечно, на дворе обычном крестьянском. Губит[ельно] при морозах, доходивших до 45°, обморозился, вообще было тяжко» [24]. Когда работал в кузнице — часто угорал, усилились головные боли. Многие ссыльные считали, что такой изнурительный труд хуже каторги.

К концу года заработок стал более стабильным, и Григорий Иванович сообщил жене: «Поступил я и работаю токарем, машинистом на керосиновом двигателе при молотилке, слесарем и еще не знаю чем буду — в агрономическом складе сельскохозяйственных машин... и еще я зарабатывал здесь на элект[рической] установке» [25].

Но Петровскому все же не удавалось даже приобрести соответствующую суровому климату одежду. Местная касса взаимопомощи, располагая средствами, поступавшими от рабочих, из-за границы и от В. И. Ленина, могла в этом помочь. Е. Ф. Мордвова, на чье имя поступали деньги, рассказывала позднее: «Партийные товарищи, зная, что в лютые якутские морозы 50—60° Г. И. Петровский ходит в сапогах, демисезонном пальто и кепке, предложили купить ему зимнюю одежду. Он категорически отказался, объяснив, что у него есть работа, что он не голодает, что деньги необходимы другим товарищам: больным, безработным, семейным ссыльным поселенцам» [26].

Материальное положение ссыльных депутатов было тяжелым. Но они не жаловались, не выставляли напоказ эту сторону своей жизни. Как-то, еще в Енисейской ссылке, Григорий Иванович, выслушав однажды сожаление, что он, вероятно, замерз в своей легкой шинели, ответил шутя: «Моя шинель теплая, она на политической подкладке, терпением крытая» [27].

Конечно, не одно только терпение помогало Петровскому и его товарищам вынести все тяготы нелегкой и суровой сибирской ссылки. Как всегда, в самую трудную пору их выручали несгибаемая сила духа, идейная убежденность, вера в правоту и жизненность того дела, которому они служили, ради которого готовы были на любые испытания.

Подходил к концу 1916 год. И с каждым новым днем укреплялась уверенность, что накал революционной борьбы в России будет возрастать, что близится час желанной свободы. Не раз в это время вспоминались депутатам вещие слова их любимого писателя А. М. Горького о буре, которая скоро грянет. И это приближение бури чувствовалось всеми.

Для встречи нового, 1917 года на квартире учителя Н. Е. Афанасьева (тогда — эсер, в советский период работал в области народного образования) собралось человек сто пятьдесят социал-демократов разных направлений. Фактически это было собрание политических

ссыльных. Накал классовой борьбы чувствовался и здесь, на далекой российской окраине. Знали, что революция уже не за горами. Произносились речи. Особенно ярким и пророческим было выступление большевика-ленинца Ярославского.

Емельян Михайлович говорил об империалистическом характере войны, о необходимости превращения ее в гражданскую, разоблачал оборончество местных шовинистов. Позднее, вспоминая об этом, он писал: «Я выступил с речью, в которой доказывал, что никогда мы не стояли так близко к социалистической революции, как стоим сейчас. Я закончил словами русской Марсельезы:

Никогда призыв свободный
Такой угрозой не звучал,
Такою мощью не дышал,
Как этот клич международный:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Я указывал, что неизбежно массовое выступление пролетариата в ближайшие же недели и месяцы, что война не может не кончиться массовым выступлением пролетариата» [28].

На новогоднем собрании присутствовала и З. Г. Орджоникидзе (жена Григория Константиновича). Она вспоминала, что тогда же Серго, поддерживая Ярославского, отмечал, что растут недовольство и революционное движение трудящихся, которые в ближайшее время, безусловно, разразятся революционным взрывом. «Он говорил, что разруха в стране и затянувшаяся империалистическая война должны неминуемо привести Россию к политическому и социальному перевороту.

— Свержение самодержавия!— горячась, кричал он.— Немедленное прекращение войны!..» [29]

На этом собрании был и Григорий Иванович Петровский. Через его выступление красной нитью проходила мысль:

— К назревающей революции нужно готовить массы. Нельзя быть трусами. Нельзя ждать у моря погоды!

Революция действительно приближалась. Война, предельно обострившая противоречия империализма, стала всесильным режиссером событий. К 1917 году революционный накал масс достиг апогея. В январских стачках по стране зарегистрировано около 300 тысяч забастовщиков. Половина из них — активные участники

политических выступлений под лозунгами свержения самодержавия.

Взрыв народного возмущения испугал царизм и буржуазию. В поисках выхода из создавшегося положения правительство объявило о созыве 14 февраля 1917 года очередной сессии IV Государственной думы. Такой шаг был предпринят, чтобы удержать массы от активных выступлений, создать иллюзию, будто думские либералы смогут защитить интересы народа. На деле это было очередной попыткой спасти монархию. И здесь, как всегда, сыграли свою грязную роль социал-шовинисты. Считая, что коль война продолжается, то не может быть и речи о революции, меньшевики и эсеры Петрограда всеми силами отвлекали пролетариат от активной революционной борьбы, пытаясь направить его на путь «парламентаризма». Пользуясь легальностью, они провели на заводах и фабриках митинги с призывом организовать шествие к Государственной думе 14 февраля, в день открытия ее заседаний.

Эта предательская политика встретила решительный отпор большевиков. Партия обратилась к трудящимся столицы с предложением организовать — в противовес «патриотическому» шествию к Таврическому дворцу — забастовки на фабриках и заводах, массовые демонстрации против войны и самодержавия. Выступления намечались на 10—13 февраля, то есть во вторую годовщину суда над рабочими депутатами. В числе лозунгов текущей пропаганды было требование возвратить из ссылки рабочих избранников.

Как всегда, впереди шел питерский пролетариат во главе с Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским комитетом и районными партийными организациями. Как всегда, наряду с организационной работой и устной агитацией большевики широко использовали печатную пропаганду. К 10 февраля среди трудящихся Петрограда было распространено несколько подпольных листовок. Отпечатанная десятитысячным тиражом прокламация Бюро ЦК РСДРП «К работницам, рабочим, гражданам, солдатам» звала трудящиеся массы на решительный бой с самодержавием: «Ждать и молчать больше нельзя... Прятать голову и закрывать глаза подло!.. Только сам народ может помочь себе. Другой силы, кроме силы народа,— нет... Другого исхода, кроме народной борьбы,— нет... Настало время открытой борьбы»[30].

В эти же дни на заводах и фабриках имела хождение листовка Петербургского комитета «Товарищи! Петля, которую правящие классы набросили на шею народов Европы, делается все туже...». Она тоже сыграла большую организационную и агитационную роль. Призывая к стачке, к революции, к освобождению депутатов, большевики связывали их судьбу с современной борьбой пролетариата: «В день 10 февраля, когда царский суд занес свою руку над нашими депутатами, отдавшими свои силы на борьбу за наши лозунги, мы посылаем им свой братский привет, мы требуем немедленного их возвращения и ознаменовываем этот день однодневной стачкой в знак готовности отдать нашу жизнь в борьбе за лозунги, которые открыто звучали в устах наших сосланных депутатов»[31].

Кроме этих документов в Петрограде были изданы резолюция Бюро ЦК РСДРП, намечавшая организационные меры для выступления, проект — от имени ПК — резолюции протеста в годовщину суда над думской большевистской фракцией, принимавшейся на рабочих собраниях, листовки Выборгской, Латышской и других районных организаций, а также листовка-резолюция студенческой сходки Петроградского университета.

Накануне 10 февраля издал листовку Московский комитет РСДРП: «Товарищи! Два долгих года наши рабочие депутаты томятся в ссылке в снегах Сибири, два года невероятных страданий для всего пролетариата Европы, годы смерти и разорения...» Еще раз напомнив о судьбе рабочих избранников в Думе, московские большевики делали решительный вывод: «Ждать нельзя. Не сегодня, так завтра останемся без пищи. За себя, за детей поднимайтесь все. На борьбу! За спасение отцов, мужей и братьев, гибнущих на фронте. За депутатов! За всех, кто в тюрьмах и ссылке!.. Долой монархию!»[32]

Были выпущены также листовка Харьковской организации большевиков «К призыву новобранцев» и листовка харьковской студенческой социал-демократической фракции. Призывая к забастовкам в день суда над депутатами, большевики-харьковчане с убежденностью заявляли: «Сейчас в революции наше национальное спасение, только она спасет страну от окончательного обескровления и даст ей возможность возродиться. В революции наше международное спасение. Только она создаст основание для возрождения международной солидарности рабочих»[33].

В эти же дни со страниц большевистской нелегальной листовки снова прозвучали слова революционной песни:

«Дружно, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!» [34]

Призыв большевиков был поддержан пролетариатом. Оставив заводские станки, рабочие столицы не пошли по призыву меньшевиков к Таврическому дворцу, где должны были проходить заседания Государственной думы, а двинулись на улицы с требованиями прекращения войны, низвержения правительства и установления демократической республики. 14 февраля в Петрограде бастовало 89,5 тысячи рабочих пятидесяти восьми предприятий. Забастовки и демонстрации прошли и в других городах страны.

С этого дня, когда боевым революционным напором трудовой люд России с лозунгами большевистской партии вышел на защиту своих депутатов, революционное движение практически не прекращалось. Но первым днем революции стал день массовой политической стачки пролетариата 23 февраля 1917 года. Большевики возглавили демонстрации, перешедшие во всеобщую политическую стачку и бои с полицией. 27 февраля буржуазно-демократическая революция победила. Царское самодержавие было свергнуто. Романовская монархия, триста лет тяжким грузом давившая страну, рухнула.

Узнав 2(15) марта 1917 года о событиях в России, В. И. Ленин в «Письмах из далека», где анализировались движущие силы революции и намечались дальнейшие пути ее развития, вновь вспомнил и о судьбе рабочих депутатов. 9(22) марта в своем втором письме он пишет: «Наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом, *несмотря* на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский комитет за свою нелегальную работу во время войны *против* войны и против царизма» [35].

Весть о победе революции и отречении царя быстро облетела всю страну. Телеграф донес ее и до отдаленных

районов Сибири. Григорий Иванович Петровский рассказывал об этих днях: «Февральскую революцию я вместе с Орджоникидзе, Ярославским, Кирсановой и другими большевиками встретил в ссылке, в Якутске. 3 марта (по старому стилю) мы из телеграммы моей жены (Д. Петровской) узнали о том, что в Петрограде свергли царя. Велика была наша радость. Перецеловались все, горячо поздравили друг друга и пошли «делать» революцию в Якутске, свергать старую власть и организовывать новую. В тот же день был создан ревком, в который вошли представители большевиков — Ярославский, Орджоникидзе, Кирсанова и я» [36].

Но выбраться в центр революционной борьбы большевики из Якутии сразу же не смогли — пришлось дожидаться открытия навигации по Лене. За эти месяцы они проделали большую работу. Когда же в начале апреля стало известно о возвращении из эмиграции В. И. Ленина, в Петроград полетела телеграмма за подписями Петровского, Орджоникидзе и Ярославского: «Празднуем ваше возвращение к открытой деятельности. Да здравствует возрожденный Интернационал» [37].

На первом пароходе, отплывшем 23 мая в Иркутск, находились Григорий Иванович Петровский и его товарищи по якутской ссылке. Остальные депутаты вернулись в Петроград значительно раньше. 12 марта приехал из Ачинска Матвей Константинович Муранов. Он сразу же был введен в состав редколлегии газеты «Правда». 10—11 марта двинулись в путь из Минусинска Федор Никитич Самойлов и Николай Романович Шагов. 22 марта они прибыли в Петроград и на следующий день приняли участие в мощной народной демонстрации — похоронах жертв революции. В это же время добрался до столицы из Енисейска Алексей Егорович Бадаев. К концу июня приехал Григорий Иванович Петровский.

Пути возвращения депутатов были различны. Но повсюду они были отмечены восторженными встречами на станциях и полустанках, взволнованными речами, цветами, объятиями и пожеланиями успехов.

Эти теплые встречи с рабочими, представителями трудовой, освобожденной от царизма России, воодушевляли, вызывали чувство необыкновенного подъема. Отрадно было сознавать, что их мужественная борьба против войны и самодержавия нашла широкое признание в массах. И когда на станциях рабочие подходили к депутатам и пожимали им руки, когда поздравляли их с ос-

вобождением, то рождалось ответное чувство преданности, готовности как можно скорее стать в боевые ряды борцов за торжество великих идеалов социализма.

Нет, преследования жандармов, изнуряющие условия ссылки не сломили депутатов-большевиков, не подорвали их стойкости, закалили их волю к борьбе. Это произошло потому, что они не были одиноки, всегда ощущали неразрывную связь с рабочими, со своими избирателями. И об этой братской солидарности горячо говорили депутаты во время коротких, но незабываемых встреч с трудящимися.

Мелькали станции. Позади остались Сибирь, Урал. Впереди ждали Центр России, революционный Петроград, встреча с товарищами по партии, с Владимиром Ильичем Лениным.

Февральская революция 1917 года освободила рабочих депутатов-большевиков из царской неволи. Предстояла новая большая работа по организации революционных сил для осуществления социалистической революции, затем — для претворения в жизнь завоеваний Великого Октября.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

(Строки из энциклопедий)

ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович. После возвращения из ссылки вел революционную работу в Петрограде. Активно участвовал в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, выполняя поручения ЦК РСДРП(б). Делегат II Всероссийского съезда Советов, избран членом ВЦИК. Затем — член Екатеринославского комитета РСДРП(б), один из организаторов борьбы за Советскую власть в Донбассе. В ноябре 1917 — марте 1919 народный комиссар внутренних дел РСФСР. С февраля 1918 член советской делегации на мирных переговорах с Германией, участвовал в подписании Брестского договора. Принимал участие в разработке организационной структуры органов Советской власти и первой Конституции РСФСР 1918 года. С марта 1919 по 1938 председатель Всеукраинского ЦИК, заместитель, а с 1922 один из председателей ЦИК Союза ССР. В 1919 член Временного бюро (партийного центра) по руководству партийной работой в освобожденных от деникинцев районах Украины. С декабря 1919 по февраль 1920 председатель Всеукраинского ревкома. На VII и IX съездах партии избирался кандидатом в члены Центрального Комитета, в период с X до XVIII съезда партии (1921—1939) — член ЦК Коммунистической партии. С 1926 по 1939 — кандидат в члены Политбюро ЦК. В 1937—1946 — депутат Верховного Совета СССР, в 1937—1938 — заместитель председателя Президиума Верховного Совета. Награжден дву-

мя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями. Скончался в январе 1958. Урна с прахом покоится в Кремлевской стене на Красной площади.

БАДАЕВ Алексей Егорович. После возвращения из ссылки был избран по списку большевиков в Петроградскую городскую думу. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После Октябрьской революции — председатель Петроградской продовольственной управы, комиссар продовольствия Петрограда и Северной области. С 1930 — председатель Центросоюза, Московского союза потребительских обществ, заместитель председателя Моссовета. В 1938—1943 — председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. На XI—XIII съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б), а на XIV—XVIII съездах — членом Центрального Комитета. В последние годы жизни находился на хозяйственной работе в пищевой промышленности. Скончался 3 ноября 1951.

МУРАНОВ Матвей Константинович. После возвращения из ссылки — на партийной работе в Петрограде, член редколлегии газеты «Правда». Делегат VII (Апрельской) партийной конференции и VI съезда РСДРП(б). Активный участник подготовки и проведения Октябрьской революции. Делегат II Всероссийского съезда Советов, где избран членом ВЦИК. В ноябре — декабре 1917 заместитель наркома внутренних дел. В 1918—1923 работал в аппарате ЦК партии. В 1922—1934 был членом ЦКК ВКП(б). С 1923 член коллегии Верховного суда СССР, в 1934—1937 работал в комиссии по частной амнистии при ВЦИКе. На VI и VIII съездах партии избирался членом Центрального Комитета партии, на IX съезде — кандидатом в члены ЦК; был также делегатом X, XIII, XV, XVI и XVII съездов партии.

С 1939 персональный пенсионер. В 1953 в связи с восьмидесятилетием награжден орденом Ленина. Скончался 9 декабря 1959.

САМОЙЛОВ Федор Никитич. После возвращения из ссылки с марта 1917 председатель Иваново-Вознесенского Совета, активный участник установления и укрепления Советской власти в городе и губернии. После Октябрьской революции на партийной и советской работе в Иваново-Вознесенске — председатель горисполкома и комиссар труда, председатель губернского революционного трибунала, председатель городского комитета партии и член губкома. В 1919 — заместитель наркома труда Украины, уполномоченный ВЦИК при Башкирском военно-революционном комитете. В 1920—1921 вновь заместитель наркома труда на Украине. В декабре 1921 на IX Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК и направлен ЦК КП(б)У на работу в Москву. В 1922 на XI съезде партии избран кандидатом в члены ЦКК, работал в партколлегии. Одновременно работал в Истпарте ЦК РКП(б) вначале научным сотрудником, затем заместителем заведующего Истпартом, в 1928 — заведующий Истпартом МК ВКП(б). Член коллегии Центрархива, член МКК ВКП(б). В 1932—1935 — заместитель председателя Всесоюзного общества старых большевиков. В 1937—1941 — директор Музея Революции. С 1941 — персональный пенсионер. Скончался 13 июня 1952.

ШАГОВ Николай Романович. После возвращения из ссылки тяжело заболел и скончался в Костроме 9 июня 1918. Его прах был перевезен рабочими на родину, в село Родники, и там захоронен.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИМЕНЕМ РАБОЧЕГО КЛАССА

«Нет!» войне

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 301.

2 См.: Стенографические отчеты Государственной думы IV созыва, сессия вторая, части I—IV; Большевистская фракция IV Государственной думы. Сборник материалов и документов. Л., 1938; Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957.

3 См.: Правда, 1914, 8 июня.

4 См.: *Петровский Г. И.* Великое начало (Воспоминания старого большевика). М., 1957, с. 6.

5 См.: Исторический архив, 1958, № 6, с. 11.

6 См. там же, 1957, № 1, с. 34—35.

7 Памятники агитационной литературы РСДРП. Т. VI (1914—1917). Период войны. Вып. 1. Прокламации 1914 года. 1923, с. 202.

8 Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 484.

9 *Петровський Г. І.* З революційного минулого. Київ, 1958, с. 9 (Здесь и далее перевод наш.— *И. Д.*).

10 ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 43, л. 51 об.

11 Летопись революции, 1923, № 3, с. 103.

12 Там же, № 2, с. 118.

13 Право, 1915, № 8, 22 февраля, с. 545.

14 Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 492.

15 См.: Трудовая правда, 1914, 4 июля.

16 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 1, 15—17.

17 Пролетарий, 1907, № 17, 20 октября, с. 6.

18 Außerordentlicher Internationaler Sozialistenkongress zu Basel am 24. und 25. November 1912. Berlin, 1912, S. 23, 26; Коммунист, 1915, № 1—2. Перевод дан по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 407.

19 См.: Интернационал и мировая война (материалы, собранные К. Грюнбергом). Пг., 1919.

20 *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954, с. 339.

21 Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914—1917. Сборник материалов и документов. Л., 1939, с. 25—26.

22 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 331.

23 Социал-демократ, 1914, № 35, 12 декабря, с. 2.
24 Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, с. 27.
25 Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917. Сборник документов местных большевистских организаций. М., 1939, с. 185.
26 Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 473.
27 Правда, 1912, 18 октября.
28 *Бадаев А.* Большевики в Государственной. думе, с. 344.

Официальное заявление

1 Государственная дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914. Стенографический отчет. Спб, 1914, с. 3.
2 Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 92.
3 ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 43, л. 51 об.
4 Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 507—508.
5 ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 26, л. 53.
6 Цит. по: *Бега Ф., Александров В.* Петровский. М., 1963, с. 191.
7 Вопросы истории КПСС, 1965, № 8, с. 92.
8 Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 87.
9 Цит. по: *Бега Ф., Александров В.* Петровский, с. 193.
10 Государственная дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914. Стенографический отчет, с. 4.
11 Там же, с. 24, 25.
12 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 330.
13 Государственная дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914. Стенографический отчет, с. 18—19.
14 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 330.
15 См.: *Петровський Г. І.* З революцiйного минулого, с. 83.
16 См.: Право, 1915, № 9, с. 644.
17 *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 348.
18 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 19.
19 Там же, т. 49, с. 26.
20 *Коллонтай А.* Отрывки из дневника 1914 года. Л., 1925, с. 55.
21 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 333.
22 ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1914, д. 5, ч. 39, лит. Б, л. 44 об.
23 Памятники агитационной литературы РСДРП, т. IV, вып. 1, с. 94.
24 Голос (Париж), 1914, 26 сентября.
25 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 15.
26 Там же, т. 26, с. 333.

Русское бюро ЦК действует

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 332.
2 См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 348.
3 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 332.

[4] См. там же, с 172—173.
[5] Там же, т. 49, с. 300.
[6] Красный архив, 1934, № 3(64), с. 35.
[7] Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, с. 27.
[8] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 350.
[9] Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, с. 27.
[10] См.: Листовки петербургских большевиков 1902—1917. Л., 1939, т. 2 (1907—1917), с. 115—117.
[11] Там же, с. 117—118.
[12] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1914, д. 307, л. 94—96.
[13] См.: *Дажина И. М.* Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. Опыт источниковедческого анализа сводной таблицы документов. М., 1981, с. 29—44, 169.
[14] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 336.
[15] Там же, с. 354.
[16] Право, 1915, № 9, 1 марта, с. 642—643.
[17] Харьковский областной партийный архив, ф. 10, д. 201, с. 13.
[18] Рабочее движение на Украине в период первой мировой империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917. Сборник документов и материалов. Киев, 1966, с. 22.
[19] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 355.
[20] См.: *Шагова П. С.* Воспоминания о прошлом. Иваново, 1957, с. 16—17.
[21] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1914, д. 5 — Ф, л. 159 об., 160.
[22] Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М., 1918, с. 152.
[23] См.: *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего. Л., 1954, с. 260—261.
[24] См.: *Lenin V. I.* Unbekannte Briefe. 1912—1914. Berlin, 1967, S. 54, 55, 55—56, 133—134, 137—138, 139—140.
[25] Цит. по: *Самойлов Ф.* Большевики в IV Государственной думе. М., 1931, с. 74.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 283.
[27] См. там же, с. 284, 319, 331.
[28] Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т. М., 1984, т. 2, с. 327.
[29] Там же, т. 1, с. 348.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 6.
[31] Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 581.
[32] См.: Социал-демократ, 1915, № 45—46, 11 октября.
[33] Вопросы истории КПСС, № 8, с. 91—92.
[34] См.: Пролетарская революция, 1924, № 7(30), с. 62.
[35] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 478, л. 3 об.
[36] Право, 1915, № 8, 22 февраля, с. 547.
[37] Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России (Июнь 1907 —

февраль 1917). Сборник документов и материалов. Киев, 1960, с. 564.

[38] Право, 1915, № 8, 22 февраля, с. 544.

[39] Там же. Историк С. В. Тютюкин в своем труде, освещающем и ранний период деятельности большевиков, делает предположение, что письмо было адресовано Каменеву. См.: *Тютюкин С. В.* Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении 1914—1917 гг. М., 1972, с. 254.

[40] ЦГАОР СССР, ф. 851, оп. 1, д. 1292, л. 405 об.

[41] *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего, с. 276.

[42] Там же.

[43] См.: Пролетарская революция, 1923, № 3(15), с. 181.

[44] Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 509—510. История создания ответа Эмилю Вандервельде, его первых публикаций и разбор содержания обстоятельно изложены в книгах: *Лаврин В. А.* Большевистская партия в начале первой мировой империалистической войны (1914—1915 гг.). М., 1972, с. 44—50, 52—58; *Тютюкин С. В.* Упом. соч., с. 27—30.

[45] Большевики в годы империалистической войны, с. 13.

[46] Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 120.

[47] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 369.

[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 26.

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 448, оп. 1, д. 33, л. 2.

[50] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 13—23.

Конец депутатской «неприкосновенности»

[1] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 370.

[2] Там же, с. 371—372.

[3] Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 122.

[4] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 384.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 331.

СВОБОДУ ДЕПУТАТАМ!

«Руки прочь!»

[1] См.: Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 515.

[2] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 388.

[3] Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 124—125; несколько иная редакция в сб.: Большевики в годы империалистической войны, с. 20—21.

[4] Исторический архив, 1958, № 4, с. 48—49; несколько иной перевод в сб.: Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 535—536.

[5] *Пирейко А.* На фронте империалистической войны. Воспоминания большевика. М., 1935, с. 15.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 502, л. 1, 1 об.

[7] Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 538, 540.

[8] Рабочее движение на Украине в период первой мировой империалистической войны, с. 28.
[9] Социал-демократ, 1914, № 34, 5 декабря.
[10] ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 2, д. 121.
[11] Цит. по: Социал-демократ, 1914, № 34, 5 декабря.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 34—35.
[13] Там же, с. 36.
[14] Там же, с. 37.
[15] Там же, с. 47.
[16] ЦПА ИМЛ, ф. 134, оп. 1, д. 83, л. 24, об., 25.

Военный или гражданский процесс?

[1] Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 519.
[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (Далее: КПСС в резолюциях...). М., 1983, т. 1, с. 417.
[3] Там же, с. 418.
[4] Там же, с. 420.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 172.
[6] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 397.
[7] *Самойлов Ф. Н.* Процесс большевистской фракции IV Государственной думы, с. 25.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 294.
[9] КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 70.
[10] Искра, 1903, № 35, 1 марта.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 172.
[12] Там же, с. 170.
[13] Там же, т. 26, с. 168.
[14] Право, 1915, № 9, 1 марта, с. 638.
[15] Там же, № 8, 22 февраля, с. 556.
[16] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1610, л. 2.
[17] Там же, л. 2, 2 об.
[18] Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 522—523.
[19] Там же, с. 524.

«Нас судят за стойкую защиту прав народа»

[1] Социал-демократ, 1914, № 34, 5 декабря.
[2] Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 135—136.
[3] См. там же, с. 138.
[4] Там же, с. 140.
[5] Социал-демократ, 1915, № 39, 3 марта.
[6] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1611, л. 6, 7.
[7] Право, 1915, № 8, 22 февраля, с. 558.
[8] Там же, № 9, 1 марта, с. 635—636.

9 День, 1915, 11 февраля.
10 ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1914, д. 5—Ф, прод. 1, л. 40.
11 *Петровський Г. І.* З революційного минулого, с. 88.
12 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 168.
13 Там же, с. 171.
14 Право, 1915, № 9, 1 марта, с. 642—643.
15 День, 1915, 11 февраля.
16 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 168.
17 Право, 1915, № 10, 8 марта, с. 749.
18 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 171.
19 Право, 1915, № 11, 15 марта, с. 832.
20 Большевики в годы империалистической войны, с. 32.
21 Там же, с. 33.
22 Там же, с. 35.
23 Там же, с. 36.
24 ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1914, д. 5 — Ф, прод., л. 145.
25 Цит. по: *Христов Х., Васильев К.* Димитр Благоев. Биографический очерк. София, 1960, с. 76—77.
26 ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 1, д. 488.
27 Социал-демократ, 1915, № 45—46, 11 октября, с. 1.
28 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 168.

Итоги суда и выводы

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 174.
2 Там же, с. 175.
3 Там же, с. 172.
4 Там же, с. 172—173.
5 См.: Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 361—362.
6 *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. Статьи, речи, письма. М., 1976, с. 92.
7 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 535, л. 1.
8 Там же, ф. 17, оп. 1, д. 1620, л. 1, 1 об.
9 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 171—172.
10 Там же, с. 171.
11 Там же, с. 262.
12 Там же, с. 335.
13 Там же, с. 175—176.

БОЛЬШЕВИКИ НЕ СДАЮТСЯ

Восстановление прерванных связей

1 *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе, с. 417.
2 Цит. по: *Эмексузян В.* По ленинскому пути. Члены Русского бюро ЦК РСДРП и его агенты в сибирской ссылке (1912 — фев-

раль 1917 г.). Красноярск, 1979, с. 108. (Далее: *Эмексузян В.* По ленинскому пути...)

[3] Там же, с. 109.

[4] Там же.

[5] *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего, с. 355.

[6] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 124.

[7] Цит. по: *Эмексузян В.* По ленинскому пути, с. 110—111.

[8] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 124.

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 28, л. 19.

[10] *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего, с. 353.

[11] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 126.

[12] *Свердлов Я. М.* Избранные произведения, с. 92.

[13] Цит. по: *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего, с. 351—352.

[14] Там же, с. 351.

[15] Цит. по: *Эмексузян В.* По ленинскому пути, с. 112.

[16] Цит. по: *Плотников Ю. П.* Я. М. Свердлов в Туруханской ссылке. Красноярск, 1976, с. 57.

[17] Цит. по: *Эмексузян В.* По ленинскому пути, с. 112.

[18] Большевики в годы империалистической войны, с. 78—79.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 297.

[20] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1915, д. 5, ч. 43, лит. Б, л. 10.

[21] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 130.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 224.

[23] Там же, с. 267.

[24] Там же, т. 27, с. 2.

Тяжелые испытания

[1] *Шагова П. С.* Воспоминания о прошлом, с. 22.

[2] Там же, с. 27.

[3] Там же.

[4] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 126.

[5] Там же, с. 128.

[6] Там же, с. 125.

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 33.

[8] Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII — начало XX в.). Иркутск, 1978, с. 290.

[9] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 126.

[10] Там же, с. 127.

[11] Там же.

[12] Исторический архив, 1961, № 5, с. 84.

[13] Цит. по: *Шагова П. С.* Воспоминания о прошлом, с. 29.

[14] Социал-демократ, 1915, № 43, 26 июля.

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 77.

[16] Там же, л. 81 об.

[17] Там же, л. 37 об.

[18] Там же, л. 43, 156.

[19] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 127.
[20] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 78, 80.
[21] Письма политических ссыльных в Восточной Сибири, с. 281.
[22] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 25 об., 51, 54, 62.
[23] См.: Український Історичний журнал. Київ, 1965, № 2, с. 106—110.
[24] Цит. по: Сердце, отданное людям. Рассказ о жизни и деятельности Григория Ивановича Петровского. М., 1964, с. 100.
[25] Сибирские огни, 1965, № 9, с. 129.
[26] Там же.

Верность партийному долгу

[1] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1915, д. 5, л. 43—44.
[2] Там же, с. 42.
[3] *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего, с. 358.
[4] Енисейская правда, 1957, 23 августа.
[5] См.: Письма политических ссыльных в Восточной Сибири, с. 281—282.
[6] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1899, л. 1.
[7] См.: Письма политических ссыльных в Восточной Сибири, с. 288—290.
[8] *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего, с. 358.
[9] Енисейская правда, 1957, 23 августа.
[10] Красная летопись, 1924, № 1 (10), с. 188.
[11] Цит. по: История СССР, 1960, № 2, с. 262—263.
[12] Большевики в годы империалистической войны, с. 111.
[13] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1916, д. 5, ч. 25, лит. Б, л. 43.
[14] Красный железнодорожник, 1938, 4 февраля.
[15] *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего, с. 358.
[16] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1914, д. 5 — Ф прод., с. 158.
[17] См.: *Завьялов С. И.* Ижорский завод. Л., 1976, ч. 1, с. 327.
[18] Енисейская правда, 1957, 23 августа.
[19] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 156.
[20] Там же, л. 83 об.
[21] Письма политических ссыльных в Восточной Сибири, с. 278—280.
[22] Пролетарская революция, 1922, № 4, с. 280.
[23] Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 827, д. 1889.
[24] ЦГАОР СССР, ДП, VII д-во, 1916, д. 961, л. 8.
[25] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 120.
[26] Цит. по: История СССР, 1960, № 2, с. 263.
[27] Известия ЦИК СССР, 1928, 4 февраля.
[28] Там же.

Да здравствует революция!

1 Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 160—163.
2 ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 33.
3 Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 190—192.
4 Там же, с. 192.
5 См. там же, с. 193—194.
6 Там же, с. 233.
7 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 53.
8 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 525, л. 1.
9 Красная летопись, 1931, № 4 (43), с. 149—153.
10 См.: *Антонов-Саратовский В. П.* Под стягом пролетарской борьбы. М., 1925, т. 1, с. 29; *Астров В.* Большевики в Смоленске до Октябрьской революции. Популярный очерк. Смоленск, 1924, с. 13.
11 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1899, л. 2, 2 об., 3.
12 Там же, ф. 482, оп. 1, д. 19, л. 124.
13 Ссыльные большевики в Якутии. Воспоминания, письма. Якутск, 1982, с. 25.
14 Там же, с. 27.
15 Цит. по: *Петров П. У.* Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952, с. 121.
16 Социал-демократ (Якутск), 1917, № 2, 24 марта.
17 Известия ВЦИК, 1937, 21 февраля.
18 *Ярославский Ем.* О Якутии. Статьи, письма, речи, телеграммы. Якутск, 1968 с. 129.
19 *Петровський Г. І.* З революційного минулого, с. 92—93.
20 Пролетарская революция, 1922, № 4, с. 277—280.
21 Там же, с. 275.
22 Воспоминания о Г. И. Петровском. М., 1978, с. 71.
23 Правда, 1938, 18 февраля.
24 Ссыльные большевики в Якутии, с. 31; см. также с. 28, 30.
25 Там же, с. 26.
26 Воспоминания о Г. И. Петровском, с. 70.
27 История СССР, 1960, № 2, с. 263.
28 *Ярославский Ем.* О Якутии, с. 154.
29 *Орджоникидзе З. Г.* Путь большевика. Страницы из жизни Г. К. Орджоникидзе. М., 1967, с. 156—157.
30 Большевики в годы империалистической войны, с. 171.
31 Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 245.
32 Листовки Московской организации большевиков. 1914—1925. М., 1954, с. 26—27.
33 Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России, с. 647—648.
34 Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 247.
35 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 26.
36 Рассказывают участники Великого Октября. М., 1957, с. 127.
37 Правда, 1917, 12 апреля.

СОДЕРЖАНИЕ

Дажина И. М.

Д14 Несломленные.— М.: Политиздат, 1986.— 174 с., ил.

Книга кандидата исторических наук И. М. Дажиной повествует о судьбе большевиков — депутатов IV Государственной думы в годы первой мировой войны, о трагическом и вместе с тем героическом периоде их жизни, характеризующем политическую стойкость большевиков: открытое антивоенное выступление в первые дни войны, когда весь мир был охвачен угаром шовинизма, арест, месяцы следствия, сибирская ссылка. Тяжелейшие условия тюрьмы и ссылки не сломили рабочих депутатов. Твердо и уверенно звучал их мужественный голос, звавший на борьбу против царского самодержавия.

Рассчитана на массового читателя.

Д $\frac{0902020000—019}{079(02)—86}$ 217—86

66.61(2)256
3КП1-6

Ирина
Мартиновна
Дажина

НЕСЛОМЛЕННЫЕ

Заведующий редакцией
К. К. Яцкевич

Редактор
Н. Б. Чунакова

Младший редактор
Л. Г. Еремина

Художник
В. М. Аникеев

Художественный редактор
Г. Ф. Семиреченко

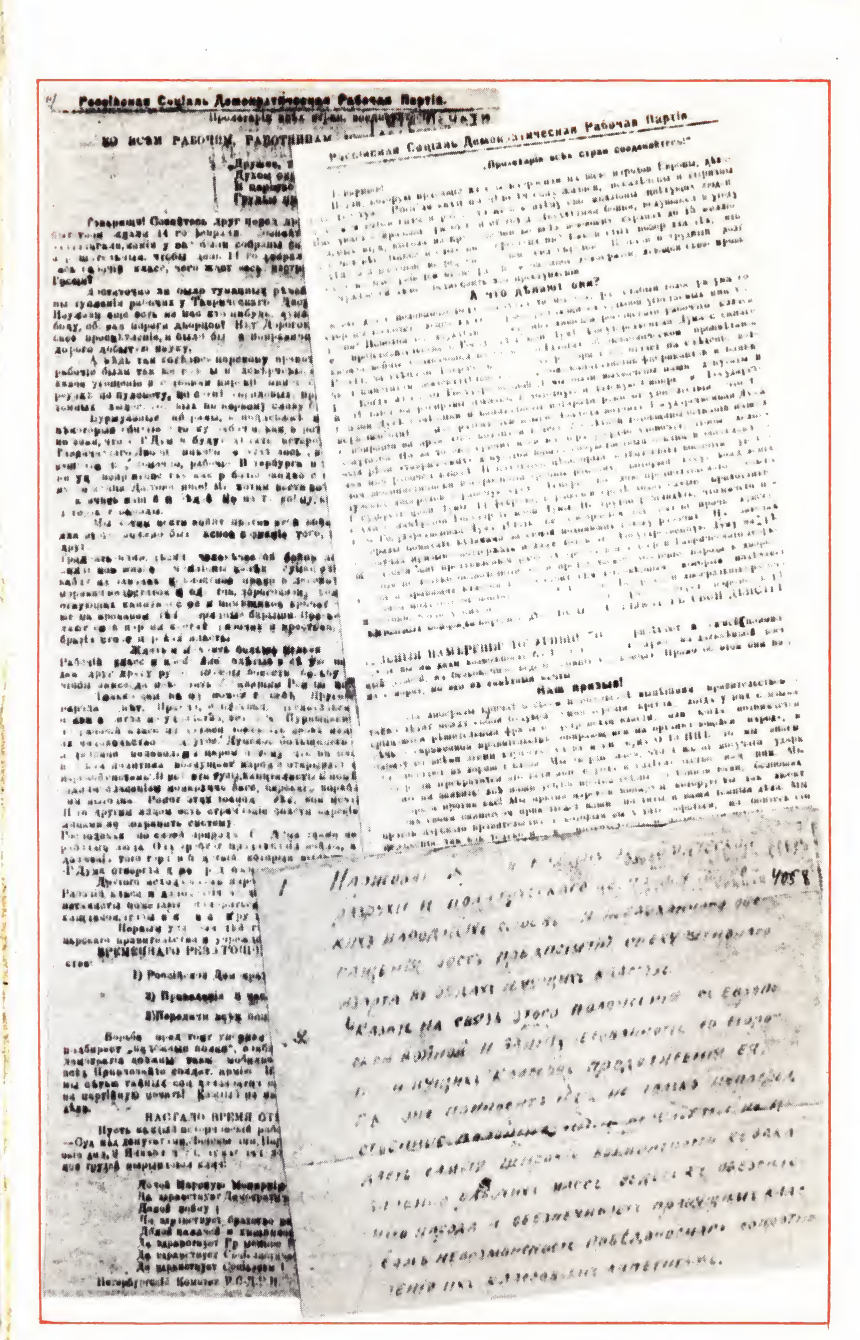
Технический редактор
Ю. А. Мухин

ИБ № 5415

Сдано в набор 29.08.85. Подписано в печать 21.11.85. А00212. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 11,55. Уч.-изд. л. 10,68. Тираж 80 000 экз. Заказ № 7358. Цена 55 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва «Звезда», 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КО ВСѢМ РАБОЧИМ, РАБОТНИЦАМ

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.

„Пролетаріи всѣх стран соединяйтесь!"

А что дѣлают они?

Наш призыв!

НАСТАЛО ВРЕМЯ

Петербургскій Комитет Р.С.Д.Р.П.

Большевистские листовки, изданные 10—14 февраля 1917 года.

55 коп.

Манифест ЦК РСДРП
«Ко всем гражданам России»,
распространенный
в виде листовки
27 февраля 1917 года.

МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Граждане! Твердыни русскаго царизма пали. Благоденствіе царской шайки, построенное на костяхъ народа, рухнуло. Столица въ рукахъ возставшаго народа. Части революціонныхъ войскъ стали на сторону возставшихъ. Революціонный пролетаріатъ и революціонная армія должны спасти страну отъ окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

Громадными усиліями, кровью и жизнями русскій народъ стряхнулъ съ себя вѣковое рабство.

Задача рабочаго класса и революціонной арміи создать **Временное Революціонное Правительство**, которое должно встать во главѣ новаго нарождающагося **республиканскаго** строя.

Временное революціонное правительство должно взять на себя созданіе временныхъ законовъ, защищающихъ **всѣ права и вольности народа, конфискацію монастырскихъ, помѣщичьихъ, кабинетскихъ и удѣльныхъ земель и передачу ихъ народу, введеніе 8-ми часового дня и созывъ учредительнаго собранія** на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ.

Временное революціонное правительство должно взять на себя задачу немедленнаго обезпеченія продовольствіемъ населенія и арміи, а для этого должны быть конфискованы всѣ полные запасы, заготовленные прежнимъ правительствомъ и городскимъ самоуправленіемъ.

Гидра реакціи можетъ еще поднять свою голову. Задача народа и его революціоннаго правительства подавить всякіе противонародные контръ-революціонные замыслы.

Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и для немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ, а также возставшія войска должны немедленно выбрать своихъ представителей во временное революціонное правительство, которое должно быть создано подъ охраной возставшаго революціоннаго народа и арміи.

Граждане, солдаты, жены и матери! Всѣ на борьбу! Въ открытую борьбу съ царской властью и ея приспѣшниками!

По всей Россіи поднимается красное знамя возстанія! По всей Россіи берите въ свои руки дѣло свободы, свергайте царскихъ холоповъ, зовите солдатъ на борьбу.

По всей Россіи по городамъ и селамъ создавайте правительство революціоннаго народа.

Граждане! Братскими, дружными усиліями возставшихъ мы закрѣпимъ нарождающійся новый строй свободы на развалинахъ самодержавія!

Впередъ! Возврата нѣтъ! Безпощадная борьба!
Подъ красное знамя революціи!
Да здравствуетъ демократическая республика!
Да здравствуетъ революціонный рабочій классъ!
Да здравствуетъ революціонный народъ и возставшая армія!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

«В России нашлась одна рабочая партия, депутаты которой блистали не краснобайством, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью «европейского» адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора».

В. И. ЛЕНИН
«Что доказал суд над РСДР Фракцией?»

Издательство политической литературы

И. М. Дажина **НЕСЛОМЛЕННЫЕ**